

СОЧИНЕНИЯ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В. О. РИХТЕРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Аль, Висковатова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

П О Э М Ы.

(1828—1841).

МОСКВА.

Типо-литографія В. О. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.

1891.

М. Ю. Лермонтовъ

1837—1838.

Съ оригинального акварельного портрета, сдѣ-
ланнаго самимъ поэтомъ.

СОЧИНЕНИЯ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В. О. РИХТЕРА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Аль. Висковатова.

ТОМЪ ВТОРОЙ

П О Э М Ы.

(1828—1841).

МОСКВА.

Типографія В. О. Рихтеръ, Тверскій, домъ Талалаевой.

1889.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
Исповѣдь	4
Литвинка	12
Ангель Смерти	29
Ауль Бастионджи	48
Измайлъ Бей	70
Каллы	137
Хаджи Абрекъ	145
Петергофскій праздникъ	159
Уланша.	162
Госпиталь.	165
Монго	167
Сашка	175
Казначайша	230
Бояринъ Орша	254
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова	287
Бѣглецъ	302
Мцыри	307
Сказка для дѣтей.	333
Примѣчанія	343

ПОЭМЫ

1828

[«Кавказский пленникъ», «Корсарь» и «Черкесы» являются первыми попытками творчества 13 лѣтнаго поэта. До сего времени онъ только переписывалъ произведенія извѣстныхъ поэтовъ. До насъ дошла тетрадь, въ которой еще въ концѣ 1827 года, Лермонтовъ переписывалъ «Шильонскаго узника», Жуковскаго и «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина. Теперь мальчику очевидно захотѣлось посвоему измѣнить понравившіяся ему поэтическія произведенія, дополнить эпизоды и дать имъ содержаніе болѣе соотвѣтственное его индивидуальному взгляду. Для уразумѣнія поэтическаго развитія таланта эти опыты представляютъ интересъ. Начало «Корсара» напоминаетъ «Шильонскаго узника». Въ «Кавказскомъ пленнику» юный поэтъ удерживаетъ даже самое название пушкинской поэмы, не говоря о тождественности содержанія. Однако въ картинахъ кавказской природы, съ которой Лермонтовъ познакомился еще ребенкомъ, мы можемъ замѣтить уже будущаго великаго художника, особенно въ поэмѣ «Черкесы», въ коей уже больше самостоятельности. Основаніемъ для нея послужили разсказы, переданные ему теткой его Хастатовой, постоянной жительницей окрестностей Пятигорья, женщиной храбростью свою снискавшею извѣстность даже на Кавказѣ. [см. биографію поэта]. Всѣ три поэмы, появлявшіяся въ печати лишь въ незначительныхъ, ничего неуясняющихъ отрывкахъ, какъ произведенія слабыя, не имѣющія художественного значенія, мы помѣщаемъ въ приложениі. Немного болѣе достоинства въ поемахъ 1829 и 30 годовъ, изъ коихъ «Два брата» [1829], «Азраиль» и «Джулю» [1830] читатель найдетъ тамъ же. Первый очеркъ «Демона» [1829] помѣщается вмѣстѣ съ другими очерками этой вновь и вновь передѣлывавшейся поэмы].

1829—1830.

Исповѣдь.

[Эта поэма представляет собою набросокъ, который легъ въ основаніе того, что было потомъ выражено въ «Бояринѣ Орща» и «Мцыри.» Цѣлые стихи изъ «Исповѣди» перенесены позднѣе въ эти два произведенія. Сопоставленіе сдѣлано нами въ Русской Старинѣ 1887 г. октябрь, где «Исповѣдь» была въ первый разъ напечатана].

I.

День гасъ! Въ нарядѣ голубомъ
Крутясь бѣжалъ Гвадалквири...
И, не заботясь о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ
Для счастья чуждый, полный зломъ.
Свѣтило южное текло
Безпечно, пышно и свѣтло...
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ.
Какую-бъ радость одному
Туда принесъ онъ, если-бъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой...
Таковъ былъ рокъ! зачѣмъ, за что,
Не зналъ и знать не могъ никто.
Но въ преступлены обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ.
Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
И ничего отъ нихъ не ждалъ...
Но вотъ по лѣстницѣ крутой

Звучать шаги, открылась дверь,
 И старецъ дряхлый и сѣдой
 Взошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь?
 Что сожалѣнья и привѣтъ
 Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ!

II.

«Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!..
 Не говори, что Божій судъ
 Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
 Все люди—люди, мой отецъ!
 Пускай погибну, смерть моя
 Не продолжитъ ихъ бытія,
 И дни грядущіе мои
 Имъ не присвоить—и въ крови,
 Неправой казнью пролитой,
 Въ крови безумца молодой
 Согрѣть имъ вновь не суждено
 Сердца, увядшія давно.
 И гробъ безъ камня и креста,
 Какъ жизнь ихъ не была свята,
 Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
 Ступенемъ новой къ небесамъ.
 И тѣнь невиннаго, повѣрь,
 Не отопреть имъ рая дверь.
 Меня могила не страшитъ:
 Тамъ, говорятъ, страданье спить
 Въ холодной вѣчной тишинѣ...
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
 Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты,
 Что значитъ молодость, мечты?

* Вместо шести послѣднихъ стиховъ было прежде написано:
 Но кто идетъ къ нему теперь?
 Гремитъ запоръ, открылась дверь!
 И старецъ дряхлый и сѣдой
 Взошелъ тяжелою стопой.

Или не зналъ, или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись голубъ молодой
 Сидитъ, испуганный грозой.
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постыль: ты слѣпъ, ты сбѣдъ
 И отъ желаній ты отвыкъ...
 Что за нужда?—ты жилъ, стариkъ!
 Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
 Ты жилъ!—я также могъ-бы жить!..

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ—благодарю.
 Не постигаю, что была
 У нихъ за мысль?—Мои дѣла
 И безъ меня ты долженъ знать,
 А душу можно-ль разсказать?
 И если-бъ могъ я эту грудь
 Передъ тобою развернуть,
 Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
 Что я преступникъ иль злодѣй!
 Пусть монастырскій вашъ законъ
 Рукою неба утвержденъ,
 Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
 Ему не менѣе святой;
 Онъ оправдалъ меня—одинъ,
 Онъ сердца полный властелинъ.
 И тайну страшную мою
 Я неизмѣнико сохранию,
 Пока земля въ урочный часъ,

Какъ двухъ друзей, не приметъ нась.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнѣ
Среди угрюмыхъ этихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства ясные года
Я проводилъ Богъ вѣсть куда!
Какъ сонъ, безъ радости и бѣдъ,
Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ
И воскресить тѣ дни едва-ль
Желалъ бы я, но все ихъ жаль!
Зачѣмъ, молчаніе храня,
Такъ грозно смотришь на меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ!
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю, но, старикъ,
Я признаюся, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить,
За то, что прежде, можетъ быть,
Чѣмъ лучъ зары на той стѣнѣ
Погаснетъ въ мирной тишинѣ,
Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобой
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,
Весь превращуся въ слово: нѣть!
И прахъ, лишенный бытія,
Ужъ будешь прахъ одинъ— не я».

IV.

«И могъ-ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ вы, душой оставить свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдина
Межъ этихъ кудрей не видна;
Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудишь мольбой, постомъ!
Когда надъ бездною морской
Свирѣпой бури слышенъ вой,

И громъ гремитъ по небесамъ,
 Вели не трогаться волнамъ,
 И сердцу бурному вели
 Не слушать голоса любви!...
 Да, если-бъ черный сей нарядъ
 Не допускалъ до сердца ядъ,
 Тогда я былъ бы виновать;
 Но подъ одеждой власяной
 Я человѣкъ, какъ и другой,
 И ты, безчувственный стариkъ,
 Когда-бъ ея небесный ликъ
 Тебѣ явился хоть во снѣ,
 Ты позавидовалъ бы мнѣ
 И, въ изступленьи, можетъ быть,
 Рѣшился-бъ также согрѣшить,
 Отвергнувъ все, законъ и честь,
 Ты былъ-бы счастливъ перенестъ
 За слово, ласку или взоръ,
 Мое страданье, мой позоръ!...

V.

«Я о спасеньи не молюсь,
 Небесъ и ада не боюсь;
 Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
 Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
 Разлуки первой грозный часъ
 Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
 И если-бъ рай передо мной
 Открыть былъ властью неземной,
 Клянусь, я прежде чѣмъ вступилъ,
 У вратъ священныхъ-бы спросилъ,
 Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
 Погибшій рай надеждъ моихъ?
 Нѣть, перестань, не возражай!...
 Что безъ нея земля и рай?
 Пустыя, звонкія слова,
 Блестящій храмъ безъ божества.

Увы! отданъ ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отданъ мнѣ свѣжія уста,
И голосъ сладкій, какъ мечта...
Одинъ лишь слабый звукъ отданъ...
О! старецъ, что такое рай?»....

VI.

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей;
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ—давнымъ давно;
И съ этихъ поръ между камней
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней
Забытъ, какъ узникъ, одинокъ
Растетъ блѣдиющій цвѣтокъ;
Но вовсе онъ не расцвѣтеть,
И гдѣ родился—тамъ умреть!
И не сходна-ль, отецъ святой,
Его судьба съ моей судьбой?
Знай, можетъ быть, ея ужъ нѣть!...
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавленныхъ палачей;
Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ—и все ничто!
... Прощай, старикъ, вотъ казни часъ:
За нихъ молись... въ послѣдній разъ
Клянусь тебѣ передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ.
Скажи, что умеръ я какъ могъ,
Безъ угрозеній и тревогъ;
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я, ... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ!
Кого любилъ?... Отецъ святой,

Вотъ что умреть во мнѣ, со мной
За жизнь, за міръ, за вѣчность вамъ
Я тайны этой не продамъ!»

• • • • • • • • • • • • • • • • *

VII.

...И онъ погибъ,—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокій онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сиялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
Неслась мольба ихъ къ небесамъ,
И отвѣчалъ старинный храмъ
Ихъ пѣсни мирный и святой,
И пѣли всѣ, кромѣ одной.
Какъ херувимъ, она была
Обворожительно мила;
Въ ея лицѣ никто-бѣ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскій взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!...
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принести
Онъ рѣчь любви иль смерти вѣсть!..
Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ

* Точки въ рукописи.

Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

[Далѣе въ черновыхъ тетрадяхъ встрѣчается помѣтка Лермонтова]:

Поэма на Кавказѣ.—Герой.—Пророкъ.

[Потомъ неизвѣстно къ этому или иѣть относящееся]:

Программа.—Его исторія.—Его любовь къ отцу.—
Пріѣздъ архіерея.—Что про него сказалъ архіерей.—Исторія
одного монаха.—Весна.—Любовь къ неизвѣстной.—Зер-
кало.—Колокольчикъ.—Родители.—Несправедливость.—
[Пьянство.—Послѣдняя игра].—Постриженіе.—Убийство;
одинъ хотѣлъ быть игуменомъ и для того убилъ другого и по-
садилъ его такъ, будто онъ самъ себя убилъ.—Послѣдняя
любовь.—Разочарованіе.—Болѣзнь.

[Что въ скобахъ, то было зачеркнуто. Черезъ нѣсколько страницъ опять
же зачеркнутая замѣтка]:

Монахъ впослѣдствіи сидитъ у окна. Подходитъ старый
нищій и дѣвушка. Онъ узнаетъ отца и сестру, хочетъ бро-
ситься, но останавливается, и закрываетъ окно въ отчаянныи.
Онъ укралъ денегъ; и на другой день ищетъ ихъ, но нигдѣ не
находитъ. Потомъ, не зная, что съ ними дѣлать, зоветъ то-
варища-слугу въ кабакъ и пропиваетъ ихъ; тамъ узнали, что
онъ укралъ, и онъ посаженъ въ тюрьму.

[Еще черезъ нѣсколько страницъ въ той же тетради записано]:

Онъ угрожаетъ ей гибелью отца, и она обѣщается завтра
прислать къ нему рабу. Она заражается чумой. Онъ приходить,
проводить ночь и умираетъ въ ея объятіяхъ въ саду.

[Эта помѣтка безъ всякаго основанія приводилась въ связь съ драмою
«Испанцы» (ср. Юпошескія Драмы Лермонтова изд. подъ редакц. Ефремова.
СПБ. 1880 г стр. 316).]

1830—1831.

Литвинка.

(Повесть).

[«Литвинка» въ первый разъ въ небольшомъ отрывкѣ была пожѣщена въ изд. соч. Лермонтова 1860 года, вышедшемъ подъ редакцію г. Дудышкина. Затѣмъ отрывокъ перепечатывался и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Перепечатывалось и примѣчаніе Дудышкина, который предполагаетъ, что «Литвинка»—подражаніе или передѣлка на русскіе нравы нѣмецкой баллады, а какой—г. Дудышкинъ не говорить. Мнѣніе его кажется основанывшимъ на томъ, что героиню зовутъ нѣмецкимъ именемъ «Клара». Во слѣдъ за Дудышкинымъ и редакторъ прочихъ изданій Лермонтова до 1887 г., выражаетъ мнѣніе, что «Литвинку» можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Это ужъ совершенно невѣрно, и сходство заключается развѣ въ томъ только, что въ обѣихъ поэмахъ встрѣчается имя «Арсеній», хотя между Арсеніемъ обоихъ произведений сходства нѣть. Я скорѣе нахожу въ «Литвинкѣ» мотивы изъ «Демона», что мню высказано съ приведеніемъ сходныхъ мѣстъ въ послѣдовании къ изданію «Литвинки» въ Русск. Мысли (Дек. 1882 г.)—Поэму издатели относили къ 1832 году; то же утверждается и Саратовск. справочн. Листокъ (1876 г. № 1), описывая рукопись. Къ тому же 1832 г. выставленный на рукописи, кажется, не Лермонтовскаго почерка. Другія соображенія, заставляющія меня относить поэму ко времени раньше 1831 года, высказаны въ упомянутомъ выше послѣдовании. Въ изданіи стихотвореній Лермонтова 1887 года въ примѣчаніи къ «Литвинкѣ» говорится о 4-хъ стихахъ, выписанныхъ изъ «Абидосской невѣсты» Байрона. Но въ рукописяхъ ихъ нѣть].

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнныи царь синѣющихъ полей,
Кого хранить онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?..
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ

И не мечталъ объ имени другомъ.
 Его права оспаривать не смѣлъ
 Еще никто,—онъ больше не хотѣлъ.
 Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
 Не посѣщалъ сосѣдей никогда,
 Богатый въ мірѣ, славный на войнѣ,
 Когда къ нему являлися онѣ [и],
 Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
 Презрѣніемъ дышалъ его отвѣтъ:
 Онъ даже лаской гостя унижалъ,
 Хотя, быть-можеть, самъ того не зналъ,—
 Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
 Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
 Провелъ Арсеній молодость свою.
 Когда звучалъ ударъ его меча
 И красная являлась епанча,
 Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
 И часто стоялъ войска онъ одинъ...
 Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
 И посреди морщинъ его чела,
 Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
 Краснѣлъ рубецъ,—литовской сабли слѣдъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
 Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
 Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
 Отбитой у татарки кочевой;
 И даже для подарка не сберегъ
 Ни жемчуга ни золотыхъ серегъ.
 И, возвратясь въ отцовскій, старый домъ,
 Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
 О подвигахъ своихъ въ чужой страшѣ

Онъ не хотѣлъ разсказывать женѣ;
 И, въ часъ свиданья, радости слеза
 Хоть оросила нѣжные глаза,
 Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
 Страданія слезою ужь была...
 Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ
 Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
 Какъ путники небесны облака,
 Свободно сердце и любовь легка...»

4.

Два дня прошло, и юная жена
 Исчезла; и старуха лишь одна
 Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
 Въ монастырѣ, далеко отъ людей
 (И потому поближе къ небесамъ);
 Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ.
 Но женщины обманутой душа,
 Для свѣта умертвясь, не имъ дыша,
 Могла-ль забыть того, кто столько лѣтъ
 Одинъ былъ для нея и жизнь и свѣтъ?
 Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
 Ужель ей должно измѣнить ему?...
 Печаль несчастной жертвы и законъ—
 Все презиралъ для новой страсти онъ,
 Для плѣнницы, литвинки молодой,
 Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
 Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
 Изъ хитрыхъ усть, Арсеній былъ готовъ
 На жертву принести жену, дѣтей,
 Отчизну, душу, все—въ угодность ей.

5.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
 Садится гордеиво за курганъ,
 И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,

Вдоль по землѣ скользить прощальный лучъ
 Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
 Какъ будто мѣра мрачное чсло
 Его любви достойно. Наконецъ
 Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
 Горы высокой—теремъ—озарилъ
 И пламень свой негрѣющій разлилъ
 По стекламъ росписнымъ свѣтлицы той,
 Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
 Облокотясь на столикъ, у окна,
 Ждала супруга вѣрная жена;
 Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ее (ея)
 Чуть поднималъ отцовское копье.
 Теперь гдѣ сынъ и мать?... На мѣстѣ ихъ
 Сидить литвинка, дочь степей чужихъ;
 Безмолвная подруга лучшихъ дней—
 Разстроенная лютня—передъ ней,
 И, по струнѣ оборваний скользя,
 Блеститъ зари послѣдняя струя.
 Устала Клара отъ душевныхъ бурь...
 И очи голубые, какъ лазурь,
 Она сидить, на западъ устремивъ;
 Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
 Тамъ—родина. Пѣвецъ и воинъ тамъ
 Не разъ къ ея склонялися ногамъ.
 Тамъ вольны дѣвы. Тамъ никто бы ей
 Не смѣлъ сказать: «Хочу любви твоей!...»

6.

Она должна съ покорностью нѣмой
 Любить того, кто грозою войной
 Опустошилъ поля ея отцовъ;
 Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
 Затверживать и непависть, тоску
 Учить любви святому языку,—
 Младую грудь къ волненью принуждать
 И страстью небывалой объяснять

Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумятъ;
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ;
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино.
Къ его игрѣ привыкнувшіи давно,
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ,
И ложная улыбка, громкій смѣхъ
Въ устахъ ея обманываютъ всѣхъ.
И, вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній, и литвинку обнялъ онъ,
И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нѣжнѣе шелка и душистѣй розъ,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый ликъ, отмѣченныи войной.
Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
Невольной грусти, Клара говорить:
«Ты любишь ли меня?»—«Какой вопросъ!—
Воскликнулъ онъ.—Кто-жъ больше перенесъ
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?... И твой Арсеній не любилъ?!
Я—человѣкъ—я-бѣ могъ обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?...
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
У ногъ твоихъ... И если я не тутъ,
И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
Дворецъ и плаха для меня равны!
Досадой дни мои отравлены.
Я непороченъ у груди твоей,
Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колѣни голову склонивъ,

Я, какъ дитя, безпеченъ и счастливъ;
 И теплое дыханье усть твоихъ
 Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!...
 Ты рождена, чтобы повелѣвать:
 Моя любовь то можетъ доказать.
 Пусть я—твой рабъ, но лишь не рабъ судьбы!
 Достойны ли тебя ея рабы?
 Повѣрь, когда-бъ меня не создалъ Богъ,
 Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ!»—

8.

«О, еслибъ точно ты любилъ меня,—
 Сказала Клара, голову склоня,—
 Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
 Ты говоришь: онъ—мой; а что мнѣ въ немъ?
 Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
 Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
 Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ,
 Но рѣчку ту не Виліей зовутъ;
 И вѣтеръ здѣсь, колеблющій траву,
 Мнѣ не приносить пѣсни про Литву...
 Нѣть, русскій, я не вѣрю любви!
 Безъ милой воли—что дары твои?»
 И отвернулась Клара, и укоръ
 Изобразилъ ея прекрасный взоръ.
 Недвижимъ былъ Арсений близъ нее (нея)
 И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
 Чтобы получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
 Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

9.

Но что за гость является ночной?
 Стучить въ ворота сильною рукой,
 И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
 Кричитъ: кто тамъ?—«Впустите! Ночь темна...
 Въ долинѣ буря свищетъ и реветь,

Какъ дикий звѣрь, и тѣмить небесный сводъ.
 Впустите обогрѣться хоть на часъ,
 А завтра... завтра мы оставимъ васъ;
 Но никогда въ моленіяхъ своихъ
 Гостепріимный кровъ степей чужихъ
 Мы не забудемъ...» Стражъ не отвѣчалъ;
 Но ключъ въ замкѣ упрямомъ завизжалъ,
 Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ;
 Расхлопнулись ворота—и на дворъ
 Два странника възжаютъ. Фонаремъ
 Озарены, идутъ въ господскій домъ.
 Широкій плащъ на каждомъ, и порой
 Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
 И съ ними рѣчь привѣтную закель;
 Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
 Не много пьютъ и меньше говорятъ.
 Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
 Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
 И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
 Употреблять не русскій онъ языкъ.
 И младшій гость по виду былъ смѣлый:
 Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
 Съ литвинки молодой, и взоръ его
 Для многихъ бы не значилъ ничего...
 Но видно ей когда-то былъ знакомъ
 Тотъ мрачный взоръ, подъ пасмурнымъ челомъ,*
 Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
 Напоминалъ,—какъ знать!... Не женскій страхъ
 Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
 И голову поспѣшило отвернуть,
 И бѣлою рукой закрыть глаза,
 Чтобы измѣнить не смѣла ей слеза...

* Вариантъ: Тотъ дикий взоръ, съ возвышеннымъ челомъ.

11.

«Ты поблѣдѣла, Клара?» — «Я больна...»
 И въ комнату свою сиѣшить она.
 Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
 Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
 Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
 Блеститъ въ дали, забыть и одинокъ;
 И вѣтеръ, нарушитель тишины,
 Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
 То лай собакъ, то колокола звонъ
 Его дыханьемъ въ полѣ разнесень.
 И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
 Вмѣщалъ въ себѣ встревожившійся умъ!
 О, еслибъ кто-нибудь увидѣть могъ
 Хоть половину всѣхъ ся тревогъ,
 Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
 Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
 Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
 Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
 Чтобъ заиграль румянецъ на щекахъ,
 Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
 И что могло такъ дѣву взволновать?
 Не пришлцы-ль?... Но гдѣ и какъ узнать?...
 Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
 Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
 Покуда все, что небомъ ей дано,
 Не превратятъ въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
 Какъ херувимъ — духовъ враждебныхъ рой,
 Какъ упованья сладостный привѣтъ
 Отъ сердца гонить память прошлыхъ бѣдъ.
 Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
 Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
 А тьма укрыть, — онъ странствуетъ одинъ,

Небесной степи бледный властелинъ.
 Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
 Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
 И, придавая чудный блескъ стеклу,
 Безпечно разыгрался на полу
 И озарилъ персидскій онъ коверъ,
 Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
 Но что за звукъ раздался за стѣной?!
 Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
 Подобный звуку пѣсни... Еслибъ онъ
 Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
 Но, вотъ, опять!... Такъ точно... Кто же поетъ?...
 Ты, плѣнница, узнала: вѣрно, тотъ,
 Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
 Тебя смущилъ, тебѣ давно знакомъ...
 Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
 Къ окну склонившись, думаетъ она:
 Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
 Туда, туда меня они зовутъ,
 И имъ отзвался въ груди моей
 Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней...

13.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
 Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
 И все, чѣмъ сердцу родина мила,
 Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
 И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
 И все, что женской гордости лишь могъ
 Внушить позоръ, явилось передъ ней
 Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
 Она схватила лютню, и струна
 Звенитъ, звенитъ... и вдругъ, пробуждена
 Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
 Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣть
 Нигдѣ. Она мгновенна лишь была
 И въ чьей груди родилась—умерла.

И понялъ, кто внималъ,—не мудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано;
Но слишкомъ для земли насть создалъ Богъ,
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

14.

Взошла заря, и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчать и въ доску мѣдную не бѣть?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ сномъ!
Тяжелый кинуть на землю затворъ,
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ.
Съ бездѣйствіемъ отчаянья вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый съ состраданіемъ взиралъ,
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
И гдѣ ночной убийца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?...
Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ...
Понятно все: ихъ нѣтъ... И Клары нѣтъ!

15.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть.
Но, наконецъ, рѣшились: онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвѣцъ,

Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
 И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
 Блестя огнемъ, былъ холоденъ, какъ ледъ;
 Рука, сокнувшись, кверху поднялась,
 И рѣчъ отъ синихъ губъ оторвалась.
 На клятву походила рѣчъ его,
 Но въ ней никто не понялъ ничего;
 Она была на языкѣ родномъ,
 Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
 Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
 Но сердце, пораженное тоской,
 Ужъ было мертвое, хоть въ груди живой.
 Умѣль изгнать онъ изъ него любовь...
 Но что прошло небывшимъ сдѣлать вновь
 Кто подъ луной умѣеть? Кто мечтамъ
 Назначилъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
 И отъ души какая можетъ власть
 Отсѣчь ея мучительную часть?
 Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
 Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
 Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,
 Не измѣнивъ обычный цвѣтъ лица...
 Но если онъ, не зная отвести,
 Ударъ судьбы умѣль перенести;
 Но если показать онъ не желалъ,
 Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
 То язва, имъ презрѣнная, потомъ
 Все становилась глубже день за днемъ...
 Онъ Клару не умѣль бы пережить,
 Когда бы только смерть; но измѣнить!...
 И прежде презиралъ ужъ онъ людей,
 Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
 И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
 Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

17.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ цей, ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчастъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаеть беспокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ отпавший вновь не зацвѣтеть...
Есть демоны, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчать, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,—
Все, что ему еще завидно въ нась...

18.

Противъ Литвы пошелъ великий князь.
Его дружины, местью воспалясь,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенище войны.
Желая защищать свои права,
Дрожитъ за вольность гордая Литва,
И клювы хищныхъ птицъ и зубъ волковъ
Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

19.

И въ русскій станъ, осеннимъ сѣрымъ днемъ,
Явился разъ одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ

Боецъ, извѣстный храбростью своей,
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
Явился онъ?—Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой;
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

20.

Вдоль по рѣкѣ, съ бѣгущею волной,
Разносить вѣтеръ бранный шумъ и вой.
Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужъ отдѣленъ;
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
Все бой кипитъ, ужъ гнется русскій строй
И, окруженъ отчаянной толпой,
Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласть
Всѣ души чудной силою потрясь?...
Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
Онъ безъ щита; онъ уронилъ шеломъ.
Вооруженъ сѣкирою стальной,
Предсталъ—и врагъ валится, и другой,
Съ запекшееся кровью на устахъ,
Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушные кони
Браздамъ не вѣрять. Тщетно бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать:
Ихъ гонять, бьютъ,—они должны бѣжать.
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплють градъ.

21.

Арсеній бытъ чудесный тотъ боецъ.
Онъ кровю рѣшился, наконецъ,

Огонь въ груди проснувшійся залить.
 Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
 Одно созданье!... Кучи мертвцевовъ
 Вокругъ него простерты безъ щитовъ.
 И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
 Которымъ месть владѣеть съ давнихъ поръ.
 Арсеній щелъ, опередивъ своихъ,
 Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ;
 Когда же замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
 Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,
 То было поздно... «Вижу, часъ насталъ!» —
 Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
 Своей послѣдней жертвы. «Это опъ!» —
 За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
 Арсеній обернулся и хотѣлъ
 Проклятье произнесть, но не успѣлъ...
 Какъ ангель браны, въ легкомъ шишакѣ,
 Стояла Клара съ саблею въ рукѣ,
 И юноши тѣснилися за ней;
 И словомъ и движеньемъ очей
 Распоряжаясь пылкою толпой,
 Она была, казалось, ихъ судьбой;
 И, встрѣтивши Арсенія, она
 Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
 И твердъ былъ голосъ дѣви молодой,
 Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
 Она сказала: «Воины, впередъ!
 Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
 Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
 Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.
 Кто первый мнѣ его покажеть кровь,—
 Тому моя рука, моя любовь!»

22.

Арсеній отвернулся надменный взоръ,
 Когда онъ услыхалъ свой приговоръ.
 «И ты противъ меня!» — воскликнулъ онъ.

Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
 Какъ будто сердца лучшая струна
 Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
 Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
 И обернулся медленно плащомъ,
 Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
 Что въ часть конца Арсений поблѣднѣлъ...
 И три копья проинзили эту грудь,
 Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
 Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зле
 И, наконецъ, оно превозмогло.
 Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,—
 Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;
 Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
 Онъ произнесъ; но, нѣть, онъ былъ далекъ
 Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый свой
 Опередилъ невѣрюющей душой.
 Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
 Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
 Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣль сыскать,—
 Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать...

23.

И опустѣлъ его высокій домъ
 И странниковъ не угожаютъ въ немъ;
 И дворъ заросъ зеленою травой;
 И пыль покрыла сѣрой пеленой
 Святые образы, дубовый столъ
 И пестрые ковры; и гладкій полъ
 Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
 Красавицы лукавой, молодой;
 Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
 Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
 Они забыты въ полѣ роковомъ,
 Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
 Все, все—какъ прежде: лютня у окна,
 И вкругъ нея обвитая струна;

И двѣ одѣжды женскія лежатъ
 На мягкому ложѣ, будто бы назадъ
 Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
 Сюда небрежно положила ихъ.
 И, раздувая пологъ парчевой,
 Скользить по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
 Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
 Глядѣтъ одна нескромная луна...

24.

Есть монастырь... И тамъ, въ недѣлю разъ,
 За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
 И съ честью, передъ набожной толпой,
 Арсеній поминается порой.
 И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
 Украшенный гербомъ его отцовъ;
 Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
 Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
 Ни свѣжій дернъ ни пыльный мавзолей
 Не тяготитъ сырыхъ его костей;
 Никто обѣ немъ не плакалъ, лишь одна
 Монахиня... Богъ знаетъ, кто она...
 Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
 Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
 Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
 Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
 И для нея одной онъ былъ жестокъ...
 Но развѣ лучше поступить съ нимъ рокъ?
 И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
 Кто такъ обманутъ былъ, съ такимъ умомъ,
 Кто на землѣ съ цей разлученъ судьбой
 И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?...
 Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
 Имѣть неограниченную власть.
 Такъ въ трещинѣ развалинѣ пногда
 Береза вырастаетъ—молода,
 И зелена, и взоры веселитъ,

И украшаетъ сумрачный гранитъ;
 И часто отдыхающій пришелецъ
 Грустить о ней и мыслить: наконецъ,
 Порывамъ бурь и зною предана,
 Увянетъ преждевременно она...
 Но что жъ? — Усилья вихря и дождей
 Не могутъ обнажить ея корней,
 И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
 Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!...

[Внизу, за чертою. Лермонтовъ помѣтилъ]: Демонъ. — Сюжетъ. — [а затѣмъ]:

Во время плененія евреевъ въ Вавилонѣ изъ Библіи. Ерейка. Отецъ слѣпой. — Онъ въ первый разъ видитъ ее спящую. Потомъ она поетъ отцу про старину и про близость ангела и прочее — какъ прежде. Ереи возвращаются на родину. Ея могила остается на чужбинѣ.

[Относится ли этотъ сюжетъ къ Демону, или составляеть иѣчто отдѣльное — не ясно. Второй очеркъ Демона 30—31 года печатается ниже].

1831.

Ангелъ Смерти.

(Восточная повѣсть).

[А. М. Верещагина, въ замужествѣ Гюель, которой посвящена поэма, была сверстницей и вѣрнымъ другомъ поэта. Она знала всѣ его сокровенные помыслы и до смерти его была хранительницей тайнъ глубокой любви поэта и посредникомъ между нимъ и Варенькой Л—ой. Въ 1857 г. А. Ил. Ф—въ издалъ поэму въ Карльсруэ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Онъ издалъ ее по рукописи г. Верещагиной, давно проживавшей и затѣмъ скончавшейся въ Штутгартѣ. Другая рукопись съ помѣткой цензора находится въ Лермонтовскомъ музѣѣ. Тамъ же можно видѣть и первый набросокъ поэмы въ черновыхъ тетрадяхъ поэта; за нѣсколько страницъ до этихъ набросковъ встрѣчается и планъ къ поэмѣ: «Написать поэму— Ангелъ Смерти. Ангелъ Смерти при смерти дѣвы влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному и раскаивается, ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный, начальникъ грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцѣлуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцѣлуй мучительны умирающимъ». Здѣсь же въ тетрадяхъ относительно «Ангела Смерти» поэтъ замѣчаетъ:

«Повѣсть кончается вотъ чѣмъ:

Съ тѣхъ поръ
Хладиѣ льда его объятья,
И поцѣлуй его—проклятье!

Далѣе встрѣчается помѣтка: «Ангелъ говоритъ: море колеблется, и цѣль-
токъ, отраженный его волнами, долженъ колебаться: скажи, отчего ты такъ
беспокоенъ?»]

Посвящается А. М. Верещагиной.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминанье и—тобой!

Я дни мои влачу тоскуя,
И, въ сердцѣ образъ твой храня,
Лишь обѣ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцѣлуй пустъ будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелестъ сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей,
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти: въ грозный часъ
Послѣднихъ муки и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья,
И страшенъ видъ его для глазъ
Бессильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно

Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались—сладостный удѣль:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣль,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангель молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣniемъ нетѣнныи;
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блестая,
Какъ полуночая звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,
И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ.—Почему жъ
Теперь томить его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И воли ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣеть длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подѣхать въ сумракъ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами.
На немъ пещера есть одна—

Жилище змѣй—хладна, темна,
 Какъ умъ, обманутый мечтами,
 Какъ жизнь, которой цѣли нѣть,
 Какъ недосказанный очами
 Убийцы хитраго привѣтъ.
 Ея лампада—мѣсяцъ полный;
 Съ ней говорять морскія волны;
 И у отверстія стоятъ
 Сторожевые пальмы въ рядъ.

Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнаникъ,
 Пришелецъ, юный Зораимъ.
 Онъ на землѣ былъ только странникъ,
 Людьми и небомъ былъ гонимъ.
 Онъ могъ * быть счастливъ—но блаженства
 Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,
 Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
 А самъ—самъ былъ не лучше ихъ;
 Искалъ великаго въ ничтожномъ;
 Страшась надѣяться, жалѣль
 О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
 И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
 Повѣрить никому не смѣлъ.
 Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
 И все въ природѣ... и людей...
 Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
 Къ презрѣнию пріучилъ онъ взоры,
 Но сердца пылкаго не могъ
 Заставить также охладиться:
 Любовь насильства не боится,
 Она—хоть презрѣна—все богъ.
 Одно сокровище—святыню
 Имѣлъ подъ небесами онъ:
 Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
 Но что жъ?—Всегда ли вѣренъ сонъ?

* Въ рукописи подчеркнуто самимъ поэтомъ.

На гордыхъ высотахъ Ливана
 Растетъ могильный кипарисъ,
 И вѣтви плюща обвились
 Вокругъ его прямого стана;
 Пусть вихорь мчится и шумитъ
 И сломить кипарисъ высокій—
 Вкругъ кипариса плющъ обвить:
 Онъ не погибнетъ одиноко!...
 Такъ, міру чуждый, Зораимъ
 Не вовсе бѣденъ—Ада съ нимъ!
 Она рѣзва, какъ лань степная,
 Мила, какъ цвѣть душистый рай;
 Все страстно въ ней—и грудь и станъ;
 Глаза—два солнца южныхъ странъ.
 И дѣвъ было все забавой,
 Покуда не явился ей
 Изгнаникъ блѣдныи, величавыи,
 Съ холодной дерзостью очей;
 И ей пришло тогда желанье—
 Огонь въ очахъ его родить,
 И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
 Любви безумное страданье.
 И удалось ей. Зораимъ
 Любилъ—съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
 Судьбина ихъ соединила,
 А разлучить—одна могила!...

На синихъ небесахъ луна
 Съ звѣздами дальниими сіяеть,
 Лучемъ въ пещеру ударяетъ;
 И беспокойная волна,
 Ночной прохладою полна,
 Утесь, бѣлѣя, обнимаетъ.
 Я помню—въ этотъ самый часъ
 Обыкновенно нѣжныи гласъ,
 Сопровождаемый игрою,
 Звучалъ, теряясь за горою:

Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжить ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотрить на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужъ не нужно намъ.

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ—колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнаника бѣлѣТЬ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣТЬ.
«Но смерть», онъ мыслить, «не близка!
Рука—не жизнь; болѣзнь простая—
Все не кончина роковая!»
Такъ иногда надежды свѣТЬ
Являеть то, чего ужъ нѣТЬ:
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжныЙ
Летѣль чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежныЙ,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенъя,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.

Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти уладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады,
Или, быть можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ...
Но скоро при огнѣ лампады
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангель Смерти сожалѣнья
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли?—даже въ преступлены
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакаль... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангель зналъ—и какъ не знать?—
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!...

И Ангель мыслью пораженъ,
Достойною небесъ: желаетъ
Узнаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кинуть;

И взоръ, волшебной полонъ силой,
 Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
 Такъ Ангель Смерти съединился
 Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
 Но умъ границамъ подчинился,
 И власть—не та ужъ, какъ была,
 И только въ памяти туманной
 Хранить онъ думы прежнихъ лѣтъ;
 Ихъ появленье Адѣ странно,
 Какъ ночью метеора свѣтъ,
 И ей смѣшна ея безпечность,
 И ей грядущее темно...
 И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
 Соединились всѣ въ одно.
 Желаньямъ друга посвятила
 Она всѣ радости свои—
 Какъ будто смерть и не гасила
 Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!...

Однажды на скалѣ прибрежной,
 Внимая плескъ волны морской,
 Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
 Сидѣлъ изгнаникъ молодой.
 Лучи вечерніе златили
 Широкій, синій океанъ,
 И видно было сквозь туманъ,
 Какъ паруса вдали бродили.
 Больше черные глаза
 На друга дѣва устремляла—
 Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
 Казалось, тайная гроза.
 Порой разсѣянные взгляды
 На красный западъ онъ кидалъ,
 И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
 И обратившись къ ней, сказалъ:
 «Нѣть! не могу въ пустынѣ долѣ
 Однообразно дни влачить:

Я воленъ—но душа въ неволѣ:
 Ей должно цѣпи раздробить...
 Что жизнь?—давай мнѣ чашу славы,
 Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ;
 Я не вздрогну—я выпить радъ:
 Не всѣ лъ блаженства—лишь отравы?
 Когда-нибудь все долженъ я
 Оставить ишу бытія...
 Скажи, ужель одна могила
 Ничтожный въ мірѣ будеть слѣдъ
 Того, чье сердце столько лѣтъ
 Мысль о ничтожествѣ томила?
 И мнѣ спокойну быть?—о, нѣтъ!...
 Взгляни: за этими горами
 Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
 Стоять два грозные царя;
 И завтра, только что заря
 Успѣеть въ облакахъ проснуться,
 Труба войны и звукъ мечей
 Въ пустынѣ нашей раздадутся.
 И къ одному изъ тѣхъ царей
 Итти, какъ воинъ, я рѣшился;
 Но ты не жди, чтобъ возвратился
 Я побѣженнымъ—нѣтъ, скорѣй
 Волна, гонимая волнами
 По безконечности морей,
 Въ пріютъ родимыхъ камышей
 Воротится. Но если съ нами
 Побѣда будетъ, я принесть
 Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
 Себѣ оставлю только честь...
 И буду счастливъ, и тогда-то
 Мы заживемъ съ тобой богато...
 Я знаю: никогда любовь
 Геройскій мечъ не презирала;
 Но еслибъ даже ты желала...
 Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!

Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?... слезы! слезы!
О чѣмъ же плакать, ангелъ мой?
И Ангель-дѣва отвѣчаетъ:
«Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожить,
И всколебается волна—
Ужели тѣнь цвѣтка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.
Волна—*твой* образъ, *мой*—цвѣтокъ;
Ты грустенъ—я грустна съ тобою.
Какъ знать?—быть можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насъ!...»

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышетъ ароматъ?
Зачѣмъ?... Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудять мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день, какъ ночь, спокойнъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ,
И обагрить не можетъ кровь.

Чу!... топотъ... пыль клубится тучей,
 И вотъ звучитъ труба войны,
 И первый свистъ стрѣлы летучей
 Раздался съ каждой стороны.
 Новорожденное свѣтило
 Съ лазурной неба вышины
 Кровавымъ блескомъ озарило
 Доспѣхи ратные бойцовъ.
 Межъ тѣмъ войска еще сходились
 Все ближе, ближе—и сразились;
 И треску копій и щитовъ,
 Казалось, сами удивились.
 Но мщенье—царь въ душахъ людей
 И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
 Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
 Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
 Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
 И все тѣснилось. Кровь рѣкой
 Лилась вездѣ, мечи блистали,
 Какъ тѣни знамена блуждали
 Надъ каждой темною толпой,
 И съ крикомъ смерти роковой
 На трупы трупы упадали...
 Но отступаетъ наконецъ
 Одна толпа... и побѣженный
 Ужъ не противится боецъ,
 И по травѣ окровавленной
 Скользитъ испуганный бѣглецъ.
 Одинъ лишь воинъ, окруженный
 Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ,
 Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
 Вокругъ него была ограда...
 И тутъ остался онъ одинъ.
 Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
 Хоть одаренъ былъ силой взгляда

И гордой важностью чела.—
 Но вдругъ коварная стрѣла
 Пронзила витязя младова,
 И шумно навзничъ онъ упалъ,
 И кровь струилась... и ни слова
 Онъ, упадая, не сказалъ,
 Когда побѣдный крикъ раздался,
 Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
 И мимо смѣлый врагъ промчался,
 Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
 Съ горы кремнистой и крутой,
 Стояла Ада молодая
 Одна, волнуема тоской;
 И, грудь высоко подымая,
 Боязнью сердце билось въ ней,
 Всечасно слезы набѣгали
 На очи, полныя печали...
 О, Боже! для такихъ очей
 Кто не пожертвовалъ бы славой?
 Но Зорайму былъ милъй
 Дѣвичьей ласки—путь кровавый!
 Безумецъ! ты цѣны не зналъ
 Всему, всему, чѣмъ обладаль,
 Не вѣдалъ ты, что Ангель нѣжный
 Оставилъ рай свой безмятежный,
 Чтобъ сердце Ады оживить;
 Что многихъ онъ лишилъ отрады
 Въ послѣдній мигъ, чтобъ уладить
 Твое страданье.—Бѣдной Ады
 Мольбы отвергнулъ хладно ты.
 Возможно лъ? Ангель красоты—
 Тебѣ, изгнаникъ, не дороже
 Надменной и пустой мечты?...
 Она глядѣть и ждетъ... но что же?
 Давно ужъ въ полѣ тишина,

Враги умчались за врагами,
 Лишь искаженными тѣлами
 Долина битвы устлана...
 Увы! гдѣ Ангель утѣшенья?...
 Гдѣ вѣстникъ рая молодой?—
 Онъ мучимъ страстью земной
 И не услышитъ ихъ моленья!...
 Ужъ солнце низко... Ада ждетъ!...
 Все тихо вокругъ... онъ все нѣдетъ!...

Она спускается въ долину,
 И видѣтъ страшную картину...
 Идетъ межъ труповъ, чуть дыша;
 Какъ у невиннаго предъ казнью,
 Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
 Ея волнуется душа;
 Она предчувствовать страшится,
 И съ каждымъ шагомъ воротиться
 Она желала бъ; но любовь
 Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
 Блѣдны ланиты дѣви милой,
 На грудь склонилась голова...
 —И вотъ недвижна!—Такова
 Была бъ лилея надъ могилой!...
 Гдѣ Зораимъ?—Что, если онъ
 Убитъ?—Но чей раздался стонъ?...
 Кто этотъ, раненый стрѣлою,
 У ногъ красавицы? Чей гласъ
 Такъ сильно душу въ ней потрясъ?...
 Онъ мертвыхъ окружень грядою,
 Но часъ кончины и надъ нимъ...
 Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!

«Ты здѣсь? теперь?—и ты ли, Ада?
 О! твой приходъ мнѣ не отрада!
 Зачѣмъ?... Для ужасовъ войны
 Твои глаза не созданы,

Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
 Тебя излишняя любовь
 Вела сюда... что пользы въ этомъ?...
 Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,
 И вижу... и приходъ мгновенья,
 Когда усну безъ сновидѣнья...
 Никто—я самъ тому виной...
 Я гибну!—Первою звѣздой
 Намъ возвѣстить судьба разлуку.
 Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
 Я виноватъ передъ тобой.
 Прости! ты будешь сиротой,
 Ты не найдешь родныхъ ни крова...
 И даже... на груди другова
 Не будешь счастлива опять:
 Кто можетъ дважды счастье знать?...

Мой другъ! къ чему твои лбзанья
 Теперь, столь полныя огня?
 Они не оживятъ меня
 И увеличать лишь страданья,
 Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
 О, если бъ, если бъ я забылъ,
 Что въ мрѣ есть воспоминанья!
 Я чувствую къ груди моей
 Все ближе, ближе смертный холодъ...
 О, кто бъ подумалъ! какъ я молодъ!
 Какъ много я провелъ бы дней
 Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
 Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
 Когда бъ сегодня рокъ жестокой
 Не обманулъ надеждъ моихъ!...

Еще въ странѣ моей родимой
 Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
 Мнѣ предсказалъ, что часъ придется—
 И громкій подвигъ совершу я,

И гласть молвы произнесеть
 Мое названье, торжествуя,
 Но...» Тутъ, какъ арфы дальней звонъ,
 Его слова невнятны стали,
 Глаза всю яркость потеряли,
 И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
 Лишь молча крѣпко обнимала,
 Забывъ, что у нея ужъ иѣтъ
 Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
 Что поцѣлуй ея безсильный,
 Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
 Не озаряетъ тьмы могильной,
 Не облегчить послѣднихъ мукъ.
 Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
 Одна алмазная звѣзда
 Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
 Чиста, прекрасна, какъ всегда,
 И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
 Чѣмъ на землѣ онъ озаряетъ;
 Такъ онъ игриво нисходилъ
 На жертву тлѣнья и могиль.
 И Зораймъ хотѣлъ напрасно
 Послѣднимъ ласкамъ отвѣтать:
 Все, все, что можетъ онъ сказать! --
 Уныло, мрачно, но не страстно.
 Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
 Ланиты хладныя, какъ ледъ,
 Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
 И съ крикомъ, точно духъ иночой,
 Надъ ослабѣвшей головой
 Летаетъ коршунъ, гость незваный.
 И грустно юноша взглянуль
 На отдаленное свѣтило,
 Взглянуль онъ въ очи дѣвы милой,
 Привсталъ — и вздрогнулъ — и вздохнулъ —

И умеръ.—Съ синими губами
И съ побѣдѣшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго виденъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангель Смерти, смертью тлѣниой
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтить и полюбить снова!...

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье .
Къ землѣ оставила она:
За гибель *друга* въ немъ осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовью къ *нему*.
Все тотъ же онъ—и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангель Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: «состраданья

Они не могутъ заслужить;
 Не награжденье—наказанье
 Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть;
 Они коварны и жестоки,
 Ихъ добродѣтели—пороки,
 И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
 Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣть?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
 Боится каждый съ этихъ поръ.
 Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
 Его привѣтственныя рѣчи;
 Какъ мечь—его произаетъ взоръ;
 И льда хладнѣй его обѣятье,
 И поцѣлуй его—проклятье!...

1831 г. сентября 4-го.

[Поэма имѣть автобіографическое значеніе. Зорания—самъ Лермонтовъ. Ада—это Варенька Л.... Одновременно съ сюжетомъ этой поэмы, Лермонтова занималъ тоже автобіографическій сюжетъ, на всѣ лады имъ испытанный и переработанный: это—поэма «Демонъ», особенно въ первыхъ редакціяхъ. (Сравн. статью мою: «Литературная дѣятельность Лермонтова въ университетскіе годы»—«Русская Мысль» апрѣль 1884 г.). Между набросками «Ангела Смерти» находится замѣтка: «Написать длинную сатирическую поэму приключения Демона». Это осталось не выполненнымъ, если не считать попыткою стихотвореніе «Пиръ Асмодея» (т. I стр. 145)].

[Кромѣ поэмъ, написанныхъ въ 1831 году, въ тетрадяхъ находится слѣдующій планъ къ поэмѣ]:

При дворѣ князя Владимира, былъ одинъ молодой витязь, варягъ, прекрасный, умный, но честолюбивый и гордый; пылкость его была во всемъ; онъ много наслаждался, и все начинало ему надоѣдать; говорили, что онъ не христіанинъ, и что волшебная сила надъ нимъ владѣть; (но это не правда, ибо, хотя онъ рѣдко являлся въ церковь, но носилъ чугунный крестъ на груди своей); * однажды ночью онъ стоялъ на часахъ у дворца; при свѣтѣ лампады вдругъ является тѣнь дѣвы и зоветъ его жалобно, умоляя спасти ее;

* Что поставлено въ скобки, зачеркнуто самимъ поэтомъ.

онъ садѣуетъ за нею; выходитъ изъ воротъ; она исчезла, взявъ отъ него клятву, что онъ спасетъ ее, и сказавъ, что она подъ властью чародѣя. На другой день витязь уѣзжаетъ, ни съ кѣмъ не простишись, ибо онъ былъ сирота;—ѣдетъ витязь степью, лѣсомъ и горами и видитъ крестъ на холмѣ и нѣсколько пещеръ, и слышитъ звонъ; подъѣзжаетъ, и видитъ одинъ иконокъ звонить, читаетъ молитву, а двое копаютъ могилу; тутъ на травѣ лежитъ мертвая женщина, прекрасная и блѣдная. Онъ взглянулъ, и сердце его забилось; онъ не заплакалъ, но чувство, полное муки и тайного удовольствія, пролилось по его сердцу;—онъ любить мертвую?—нѣть, это одно разстройство воображеній; витязь удаляется; подъѣзжаетъ къ рѣкѣ; и вечеромъ засыпаетъ при свѣтѣ молодого мѣсяца и при нѣснѣ лебедя; видить страшный сонъ.

По утру его будить поцѣлуи; дѣва, которая манила его, стоитъ передъ нимъ, и ведеть въ свой хрустальный чертогъ; тамъ все полно нѣги, но витязь не любить ее; мысли его летятъ къ умершой, сердце ностъ, и онъ долженъ подавлять его.—Дѣва разсказываетъ ему свою новость, какъ царь Стамбуль превратилъ ее въ лебедя, и какъ она посредствомъ старухи избѣгнула его любви; онъ уходить отъ нея, чтобы достать цвѣтокъ жизни въ замкѣ Стамбула, который за рѣкой великой; онъ пускаетъ коня и садится въ лодку, пловецъ этотъ (?) ему разсказываетъ свою новость и за что онъ осужденъ всегда єздить и не можетъ выѣхать.

Переѣхавъ рѣчку, витязь видитъ двухъ вороновъ, которые все вокругъ него летаютъ; «что? ужели вы мнѣ предвѣщаете смерть» сказали онъ имъ; «нѣть, витязь», говоритъ одинъ воронъ, «я хочу тебѣ помочь, я тебя проведу, куда надо». Витязь идетъ за ворономъ, и спрашивается, отчего онъ говоритъ, какъ человекъ; воронъ разсказываетъ ему, что ихъ два брата было, и за что Стамбуль превратилъ ихъ въ вороновъ; онъ разсказываетъ, какъ достать цвѣтокъ жизни; они подходятъ къ древнему замку; ворота отперты; все пусто; воронъ просилъ витязя ничего, кромѣ цвѣтка, не трогать. Витязь взялъ въ садахъ цвѣтокъ и, возвращаясь, видитъ мечъ золотой на воротахъ, и едва прикоснулся, какъ раздался шумъ и звонъ; онъ выходитъ изъ замка быстро. Стрѣла летитъ за нимъ и поражаетъ ворона; витязь оборачивается. Стамбуль на него несется; послѣдний принимаетъ разные виды, наконецъ сраженъ. Витязь бросаетъ его тѣло въ море, ибо замокъ на берегу моря; и видитъ мертваго ворона, а надъ нимъ другой умеръ (?). Витязь примѣчаетъ, что его преслѣдуетъ что-то свыше. Онъ помнить умершую дѣву и чувствуетъ, что любить ее. На дорогѣ онъ видитъ издали пыль (слышитъ) крикъ и звонъ мечей, подходитъ—и что же? Горсть воиновъ обороняется противъ толпы враговъ; онъ бросается въ бой, и освобождаетъ ихъ; они ведутъ его къ своему царю; царь угощаетъ витязя; но самъ печаленъ; и разсказываетъ, что у него была одна дочь; но что умерла на 17 году, и что когда ее похоронили, то рассказываютъ, что три чернеца съ крестами унесли ее тѣло Богъ вѣсть куда; царь показываетъ витязю портретъ дочери своей, говоря, что ей было предсказано паломникомъ, зато, что она его напоила и накормила, что она выйдетъ замужъ за такого-то витязя. Нашъ витязь слышитъ свое имя, и трепещетъ; но когда увидѣлъ портретъ, то узналъ безъ чувствъ, ибо узналъ

умершую дѣву, которую любилъ; — онъ тотчасъ удаляется изъ дворца, взявъ только лошадь; не береть проводниковъ, хотя гроза свирѣпствуетъ на дво-рѣ; — родъ бѣшенства или сумасшествія овладѣваетъ имъ. Наконецъ онъ пріѣзжаетъ къ берегамъ рѣчки, гдѣ лебедь, и бросаетъ ему цвѣтокъ жизни; ле-бедь тотчасъ дѣлается дѣвицей; она выходитъ изъ воды; онъ отвергаетъ ея ласки, говоря, что не любить ее; онъ просить одинъ поцѣлуй прощанья, и только что поцѣловала, какъ она исчезаетъ съ хохотомъ и визгомъ. Пре-красное мѣстоположеніе перемѣнилось въ дикое: розовые кусты, рѣка ис-чезли; оврагъ или пропасть, скалы однѣ остались и вихрь едва не увлекъ туда героя; луна встала; витязь сидѣть на берегу пропасти, вдругъ на обла-кѣ является ему старецъ; и говорить, что онъ его отецъ; что онъ былъ язычникъ и оттого долго мучился. Но теперь Богъ ему простиль, и что злой духъ преслѣдуєтъ витязя, ибо онъ язычникъ. Витязь обѣщаетъ креститься; а отецъ его дасть ему крестъ и говоритъ, что онъ чудотворный; онъ ёдетъ къ извѣстной могилѣ; роетъ; — и вдругъ видѣть не гробъ, но широкое под-земелье; и дѣва при блескѣ свѣчей спить на подушкѣ; она спить, ибо ды-шиТЬ; онъ выносить ее оттуда въ изступленіи любви; кладеть на лошадь и скачетъ въ Кіевъ; пріѣзжаетъ туда вечеромъ, и приносить ее въ церковь, гдѣ народъ слушаетъ вечерни; прикладываетъ крестъ къ ея груди, и она ожиаетъ ипадаетъ въ ся(его) объятья; ихъ вѣнчаютъ; но онъ позабылъ кре-ститься. Когда кончился обрядъ, и онъ выходилъ изъ церкви, чей-то голосъ ему напомнилъ вдругъ объ этомъ, говоря: «ты не будешь счастливъ! На дру-гой день свадьбы она умерла; онъ скрылся.

1831—1832.

Аулъ Бастунджи.

[«Аулъ Бастунджи» впервые небольшим отрывкомъ (всего 4 первыхъ строфы) былъ напечатанъ Дудышкинымъ въ «Собраниі сочиненій Лермонтова» изданія 1860 года съ примѣчаніемъ, въ коемъ въ краткихъ словахъ,— не совсѣмъ, впрочемъ, точно,— передается содержаніе поэмы. Во всѣхъ изданіяхъ затѣмъ перепечатывался тотъ же отрывокъ съ тѣмъ же примѣчаніемъ. Г. Дудышкинъ пользовался спискомъ г. Хохрякова, теперь находящимся въ Публичной библіотекѣ. Онъ былъ писанъ рукою писаря и помѣченъ 1832 годомъ. Я имѣлъ въ рукахъ еще два списка, изъ коихъ одинъ помѣченъ 1831 годомъ. Другой поступилъ въ Лермонтовскій Музей. Списки отличаются другъ отъ друга незначительными варіантами или, вѣрнѣе, исправленіями текста.]

«Аулъ Бастунджи» писанъ немного раньше «Измаила-Бея». Оба произведенія принадлежать къ эпохѣ пребыванія поэта въ Московскому университетѣ. Многія картины, и мысли, и цѣлія строфы изъ «Аула Бастунджи» перешли въ «Измаила-Бея». Рожденіе Измаила-Бея, напримѣръ (часть II, строфа IV и V) описывается совершенно такъ, какъ рожденіе Селина въ «Аулѣ Бастунджи». Картина выполняющей одинокой зѣбы, такъ часто затѣмъ употребляемая поэтомъ—еще и въ «Мцыряхъ», и въ «Демонѣ», является впервые въ «Аулѣ Бастунджи» (часть I, строфа 3) и потомъ въ «Измаилѣ-Беѣ» (часть I, строфа XX). Въ предлагаемой нами поэмѣ (часть II, строфа 19) въ первый разъ также выражена мысль, встрѣчающаяся потомъ въ знаменитой черкесской пѣснѣ Лермонтова изъ поэмы «Измаиль-Бей»:

Не женися молодецъ,
Слушайся меня!
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

Въ обѣихъ поэмахъ героиня называется Зарою. Для изучающаго поэта «Аулъ Бастунджи» представляетъ много любопытнаго. На поэмѣ вполнѣ отразилось еще общее 1830 и 1831 годамъ настроеніе поэта, описывающаго враждующихъ братьевъ изъ-за любви къ одной и той же женщинѣ. Частью мотивъ этотъ былъ навѣянъ вліяніемъ Шиллера, какъ, напримѣръ, въ поэмѣ «Два брата». (См. предисловіе мое къ первому изданію поэмы въ «Русской Мысли» 1883 г.—февр. кн.).

Посвящение.

1.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
 Я снова посвящаю стихъ небрежный:
 Какъ сына, ты его благослови
 И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
 Отъ раннихъ лѣтъ кипить въ моей крови
 Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежный;
 На съверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
 Я сердцемъ—твой, всегда и всюду твой!...

2.

Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
 Меня носили въ царствѣ урагана,
 И принималъ меня, лелѣя, ты
 Въ обѣятія изъ синяго тумана.
 И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
 И надо мной, какъ остовъ великана,
 Въ степи, обросшѣ мохомъ и травой,
 Лежали горы грудой вѣковой.

3.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
 Свивались облака твои сѣдыя,
 Когда по нимъ, гремя, катился громъ
 И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
 Пещеры откликалися кругомъ...
 Я понималъ ихъ звуки роковые;
 Я въ край надъ сиѣжной бѣлою горой
 Леталъ на колесницѣ громовой!...

4.

Моей души не понялъ міръ,— ему
 Души не надо; въ мракѣ ея глубокой,
 Какъ вѣчности таинственную тьму,
 Ничье живое не проникнетъ око.

И въ ней-то, недоступныя уму,
Живуть воспоминанья о далекой
Святой землѣ... Ни свѣтъ ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я—твой! Я всюду твой!...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣть. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикий виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшеныхъ грозой...

* Это посвященіе, которое въ передѣланномъ видѣ было потомъ отнесено поэтомъ къ поэмѣ „Демонъ“ въ переработкѣ 1840 и 41 года, имѣвъ и еще варіантъ, рукопись коего находится у П. И. Бартенева. Напечатанъ варіантъ этотъ былъ въ изд. Стих. 1887 г., т. I, стр. 535.— Первые его четыре строки тѣ же, а далѣе:

Еще ребенкомъ, чуждый и любви
И думъ честолюбивыхъ, я безопасно
Бродилъ въ твоихъ ущельяхъ. Грозный, вѣчный,
Угрюмый великанъ! меня носилъ
Ты бережно, какъ пѣстунъ, юныхъ силь
Хранитель вѣрный....
Мысль моя свободно и легко
Бродила по утесамъ, гдѣ, блестая
Лучемъ зари, сбирались облака,
Туманныя вершины омрачая,
Волнуясь, какъ перья шишака;
А вдалекѣ, какъ вѣчные ступени
Съ земли на небо, въ край моихъ видѣній,
Зубчато тянулись полосой
Таинственный, синий одна другой,
Все горы, чуть прымѣтныя для глаза,
Сыны и братья вѣчнаго Кавказа.

2.

Ни бранный шумъ ни пѣсня молодой
 Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ;
 И въ знойный лѣтній день табунъ степной
 Безъ стражи ходить тамъ, одинъ, по волѣ;
 И безъ оглядки, съ никой за спиной,
 Донской казакъ вѣзжаетъ въ это поле;
 И безопасно въ небесахъ орелъ,
 Черти круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
 Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
 Вершины горъ,—пустынная змѣя
 Изъ-подъ камней тихонько выползаетъ;
 На ней рябая блещетъ чешуя
 Ссеребрянымъ отливомъ; какъ блестаетъ
 Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
 Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ.
 Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
 Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесь
 Порой обѣ немъ разсказываетъ нынѣ
 При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесь
 Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
 Напрасно молвить казаку: «скажи,
 Не знаешь ли аула Бастунджи?»

5.

Въ аулѣ томъ, безъ ближнихъ и друзей,
 Дни проживали два родные брата;
 И въ Пятигорѣ не было грознѣй
 И не было отважнѣй Акбулата.
 Менышой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ дней;
 Какъ цвѣть весенній подъ лучомъ заката,
 Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
 Но искра въ немъ таилась и ждала.

6.

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убила своимъ рожденемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ, преступленьемъ.
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!...

7.

Онъ росъ одинъ, на волѣ, безъ заботъ,
Какъ птичка межъ землей и небесами.
Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, застигнутый мечтами,
Одинъ сидитъ до поздней ночи онъ,
И вкругъ него чудесный рѣетъ сонъ...

8.

А земляки—зачѣмъ, то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Паслись ихъ кони, и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ,
Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
Въ бешметъ шелковый, праздничный одѣвъ,
Привлечь одной улыбки горныхъ дѣвъ.

9.

Сбиралась ли ватага удалцовъ
Отбить табунъ, иль бранною забавой
Потѣшиться, оставя бѣдный кровъ,
Имъ вслѣдъ съ усмѣшкой горькой и лукавой
Смотрѣли братя сумрачны, безъ словъ,
Какъ смотритъ облакъ иногда двуглавой,
Засѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣгъ луны,
Одинъ исполненъ грозной тишины

10.

Дивились всѣ взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого ли,
Что никому они дѣла свои
Не повѣряли и надменной воли
Склонить предъ чуждой волей не могли,—
Не знаю; тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой...

11.

Была ихъ сакля меныше всѣхъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленой.
Рядкомъ блестали, на стѣнахъ простыхъ,
Арканъ, сѣдло съ насѣчкой воронѣной,
Два башлыка, двѣ шашки боевыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ граненый,
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
Быть законченъ въ дыну пороховомъ.

12.

Однажды Акбулата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. На долину
Туманъ ложился, какъ прозрачный дымъ,
И сквозь него, прорѣзавъ половину
Косматыхъ скалъ, какъ буркою, густымъ
Одѣтыхъ мракомъ,—дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозрѣвалъ задумчивый Бешту.

13.

Вдали тянулись розовой стѣной,
Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговья;
Машукъ, склоняся лысой головой
Черезъ струи Подкумка голубыя,—
Казалось, думалъ тяжкою стопой
Перешагнуть въ владѣнія чужія.
Съ мечети слѣзъ мулла. Аулъ дремалъ.
Лишь въ крайней саклѣ огонекъ блесталъ...

14.

И ждеть Селимъ: сидить онъ часть, и два...
 Гуляя въ полѣ, горный вѣтеръ плачетъ
 И подъ окномъ колышется трава.
 Но, чу!... далекій топотъ. Кто-то скачетъ...
 Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ... Сперва
 Спрыгнулъ одинъ, потомъ другой... Что значитъ?
 То не сайгакъ, не волкъ, не звѣрь лѣсной,—
 Онъ прискакалъ съ добычею иной.

15.

И въ саклю молча входитъ Акбулатъ,
 Самодовольно взорами сверкая.
 Селимъ къ нему: «Ты загулялся, братъ!
 И, чай, съ тобой не дичь одна лѣсная».
 И любопытно онъ взглянулъ назадъ,
 И видѣтъ онъ: черкешенка младая
 Стоитъ въ дверяхъ, мила, какъ херувимъ,—
 И поблѣднѣлъ невольно мой Селимъ.

16.

И въ немъ, какъ будто пробудясь отъ сна,
 Зашевелилось сладостное что-то...
 —«Люби еѣ: она—моя жена!—
 Сказалъ тогда Селиму братъ.—Охотой
 Родной ауль покинула она.
 Нашъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
 Отнынѣ будетъ.—Зара! вотъ моя
 Отчизна, все богатство, вся семья...»

17.

И Зара улыбнулась, и уста
 Хотѣли вымолвить слова привѣта,
 Но замерли. Вдолъ по челу мечта
 Промчалась тѣнью. По словамъ поэта,
 Казалось, вся она была слита,
 Какъ гурія, изъ сумрака и свѣта;
 Бѣлый и чище раннихъ облаковъ
 Являлась грудь, поднявшая покровъ.

18.

Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза чернѣе были;
Сквозь тѣнь рѣсницъ, исполнены душой,
Они блаженствомъ сердцу говорили.
Высокій станъ искусствомъ рукой
Былъ стройно перетянутъ безъ усилий;
Сквозь черный шелкъ витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

19.

Змѣились косы на плечахъ младыхъ,
Оплетены тесемкой золотою,
И мраморъ плечъ, бѣлѣя изъ-подъ пиджака,
Былъ разрисованъ жилкой голубою.
Она была прекрасна въ этотъ мигъ,
Прекрасна вольной, дикой простотою,
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный дунинстою росою.

20.

Селимъ смотрѣль. Высоко билось въ немъ
Ветревоженное сердце страстью новой.
Она горѣла... Иламеннымъ челомъ
Припалъ бы онъ къ груди ея перловой...
Онъ вздрогнулъ, вышелъ, сумраченъ лицомъ,
Кинжалъ рукою стиснувъ... На шелковой
Подушкѣ молча Абдулатъ лежалъ,
Курилъ и думалъ... О, когда бъ онъ зналъ!...

21.

Промчался день, другой... и много дней.
Они живутъ, какъ прежде, нелюдимо.
Но разъ... шумѣла буря; все чернѣй
Утесы становились. Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ мчащихся звѣрей,
Толпою рѣзвыхъ, жадныхъ исовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
Косматыя, какъ перья шишака

22.

Очами Акбулатъ ихъ провожаль
 Задумчиво съ порога сакли бѣдной.
 Вдругъ шорохъ. Онъ глядитъ: предъ нимъ стоялъ
 Селимъ безъ шапки, пасмурный и блѣдный;
 На поясѣ его висѣлъ кинжалъ;
 Рука блуждала по оправѣ мѣдной;
 Слова кипѣли смутно на устахъ,
 Какъ бѣется пѣна въ тѣсныхъ берегахъ.

23.

И юношѣ съ участіемъ живымъ
 Братъ молвилъ: «Что съ тобой—не понимаю.
 Скажи!—Я гибну!—отвѣчалъ Селимъ,
 Сверкая смутнымъ взоромъ.—Я страдаю,
 Одною думой день и ночь томимъ...
 Я гибну!... Ты ревнивъ, ты вспыльчивъ,—знаю.
 Безумца не захочешь ты спасти,—
 Такъ я виновенъ... Но... прости, прости!...»

24.

— «Скажи, тебя обидѣлъ кто-нибудь?...
 Обиду злобы кровью смыть могу я!
 Иль конь пропалъ?... Забудь о немъ, забудь,—
 Въ горахъ коня красивѣе найду я.
 Иль отъ любви твоя пылаеть грудь
 И чуждой дѣвы хочешь поцѣлуй?...
 Ее увезти легко во тьмѣ ночной,
 Она—твоя... Но молви: чтѣ съ тобой?»

25.

— «Легко спросить, но тяжко разсказать
 И чувствовать!... Молился я Пророку,
 Чтобъ ангеламъ велѣлъ онъ ниспослать
 Хоть каплю влаги пламенному оку...
 Ты видишь, есть ли слезы?... О, не трать
 Молитвъ напрасныхъ! Къ яркому Востоку
 И Западу взывалъ я; но... въ моей
 Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй!...»

26.

«Я проклялъ небо. Осѣдлавъ коня,
Пустился въ степь. Безъ цѣли мы блуждали.
Не различалъ ни ночи я, ни дня...
Но вслѣдъ за мной мечты мои скакали.
Я гибну, братъ... Пойми, спаси меня!
Твоя душа не крѣпче бранной стали...
Когда я былъ ребенкомъ, ты любилъ
Ребенка,—помнишь это, иль забылъ?...»

27.

«Послушай: бурно молодость во мнѣ
Быть, какъ жаркій ключъ въ скалахъ Машука!
Но ты... Въ твоей супровой сѣдинѣ
Видна усталость жизни, лѣтъ и скука.
Пускай ты можешь въ полѣ на конѣ
Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить;
Но... такъ, какъ я, не можешь ты любить!»

28.

«Не можешь ты безмолвно цѣлый часъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безответный,
И утопать въ сіянїи милыхъ глазъ,
Тая въ груди, какъ месть, огонь завѣтный!
Обнявши Зару, я видаль не разъ,
Какъ ты томился скукою примѣтной...
Я бъ отдалъ жизнь за поцѣлуй одинъ
Прекрасныхъ устъ, но ты—ихъ властелинъ!...»

29.

Какъ облакъ, бурей черною гонимъ,
Сталь мраченъ лицъ суровый Акбулата;
Дрожь пробѣжала по усамъ сѣдымъ,
Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.
— «Что жъ произнестъ рѣшился ты, Селимъ?!» —
Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата:
Какъ бѣдный рабъ, онъ падъ къ его ногамъ
И волю далъ страданью и мольbamъ

30.

— «Ты видишь, я погибъ... Спасенья нѣтъ...
 Отчаянье, любовь—вездѣ, повсюду!...
 О, ради прежней дружбы прежнихъ лѣтъ,
 Отдай мнѣ Зару, уступи!... Я буду
 Твоимъ рабомъ... Послушай: сжалъся!... Нѣтъ,
 Нѣтъ, ты меня, какъ ветхую посуду,
 Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
 Но... видишь: вотъ—кижалъ, а тамъ есть Богъ!...»

31.

«Когда бъ хотѣлъ, я бъ могъ давно, повѣрь,
 Упиться счастіемъ, презрѣть святое.
 Но я подумалъ: нѣтъ, какъ лютый звѣрь,
 Онъ растерзаетъ сердце молодое...
 И вотъ пришло раскаянье теперь,—
 Пришло, но поздно! Я ошибся вдвое...
 И я—глупецъ, какъ хочешь назови—
 Одинъ теперь, безъ дружбы и любви!... »

32.

«Что медлить? Я готовъ. Не размышляй!
 Одинъ ударъ и—мы спокойны оба.
 Увы, минута съ ней—небесный рай,
 Жизнь безъ нея—скучнѣй, страшнѣе гроба!...
 Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшись, иль знай:
 Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба.
 Я вырву Зару изъ твоихъ когтей.
 Она—моя, и быть должна моей!...»

33.

Умолкъ. Блѣднѣй снѣговъ склонился онъ;
 Въ очахъ дрожали слезы изстуженья;
 Межъ губъ слова слились въ невнятный стонъ,
 Мучительный, ужасный... Сожалѣніе
 Угрюмый братъ почувствовалъ.—«Какъ сонъ,
 Пройдетъ,—сказалъ онъ,—время заблужденья!
 Есть много звѣздъ—одна другой свѣтлѣй;
 Красавицъ много безъ жены моей!»

34.

«Что далъ мнѣ Богъ, того не уступлю;
 А что сказаль я, то исполню свято.
 Пророкъ зритъ мысль и слышитъ рѣчъ мою.
 Меня не тронуть ни мольбы ни злато!»—
 —«Прощай!... Но если, если... я люблю,
 Люблю ее?—сказалъ Селимъ, обѣятый
 Тоской и злобой.—Я просилъ, скорбѣлъ...
 Ты не хотѣлъ... Такъ помни жъ: не хотѣлъ!...»

35.

Его уста скривилъ холодный смѣхъ.
 Онъ продолжалъ: «Все кончено отнынѣ!
 Нѣть для меня ни дружбы ни утѣхъ...
 Благодарю тебя!... Ты, какъ обѣ сынѣ,
 О мнѣ заботился,—сказать не грѣхъ...
 По волѣ нѣжилъ ты цвѣтокъ въ пустынѣ,
 По волѣ оборвалъ его листы...
 Я буду помнить, помни же и ты!...»

36.

Онъ отвернулся и исчезъ, какъ тѣнь.
 Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
 Мрачнѣй, чѣмъ громомъ опалений пень.
 Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
 Скрипѣлъ полуразрушенный плетень;
 Да иногда, грозою заглушенный,
 Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
 Безпечной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ...

37.

Такъ иногда одна въ стени чужой
 Залетная пѣвица, птичка Юга,
 Поетъ на вѣткѣ дикой и сухой,
 Когда вокругъ шумить, бушуетъ выюга,
 И путникъ внемлетъ съ тайною тоской
 И думаетъ: то, вѣрно, голосъ друга.
 Его душа, живущая въ раю,
 Сошла печаль привѣтствовать мою...»

38.

Селимъ сѣдлаеть вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звения,
Уздечка блещеть; крѣпко обвивая
Сѣдо съ конемъ, сѣѣлись два ремня;
Стремена равны; плетка шелковая
На арчагѣ мотается. Храпитъ,
Косится, конь... Пора! Садись, джигитъ!

39.

Горячъ и статенъ конь твой вороной!
Какъ раскаленный уголь, блещеть око.
Нога стройна, косматый хвостъ трубой,
И лоснится хребетъ его высокой,
Какъ черный камень, слаженный волной.
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Несется онъ подъ ловкимъ сѣдокомъ,
И голось твой давно ему знакомъ!...

40.

Вотъ молча на коня вскочилъ Селимъ,
Нагайкою махнулъ, привсталъ немного
На стременахъ... Затрепеталъ подъ нимъ
И захрапѣлъ товарищъ быстроногий.
Скачекъ, другой... ноздрями паръ, какъ дымъ,
И полетѣлъ знакомою дорогой,
Какъ пыльный листъ, оторванный грозой,
Летить, крутясь, по степи голубой!...

41.

Размашисто скакаль онъ, и кремни,
Какъ брызги, разсыпясь, трещали
Подъ звонкими копытами. Они
Сырую землю мѣрно поражали;
И долго вслѣдъ ущелія одни
Другъ другу этотъ звукъ передавали,
И въ голубой дали онъ замиралъ,
Какъ будто бѣгъ коня ослабѣвалъ...

42.

Какъ духъ изгнанія, Селимъ исчезъ
 За пеленою волнистаго тумана...
 У табуна сторожевой черкесъ,
 Дивясь, долго вслѣдъ ему съ кургана,
 Смотрѣлъ и думалъ: «Много есть чудесъ...
 Великъ Аллахъ!... Ужасна власть шайтана!
 Кто скажетъ мнѣ, что этого коня
 Хозяинъ мрачный—сынъ земли, какъ я?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Межъ виноградныхъ лозъ нагорный ключъ,
 Отъ мирнаго аула недалеко,
 Бѣжалъ по камнямъ, свѣтель и гремучъ.
 Небесъ восточныхъ золотое око
 Глядѣлось въ немъ, и плывалъ жаркий лучъ
 Въ его волнѣ студеной и глубокой;
 И мелкій дождь серебряныхъ цвѣтовъ
 Въ него съ прибрежныхъ сыпался деревъ.

2.

Въ урочный часъ, когда на водопой
 Бѣжитъ къ потоку серы пугливыхъ стая,
 Шумя по листьямъ, и травѣ густой,
 По склону скалъ черкешенка младая
 Идетъ купаться тайною тропой.
 Нагую ножку въ воду погружая,
 Она дрожитъ, смѣется... и вокругъ
 Кидаетъ взглядъ, гдѣ дышитъ страсть и югъ...

3.

Не бойся, Зара,—всюду тишина!
 Присядь на камень, сбрось покровъ узорный!
 Вода въ ручье, прозрачна, холодна,
 Смирить волненія въ груди непокорной

И освѣжить твой смуглый станъ она.
Но, чу!... Постой!... Чей это шагъ проворный
Не въ добрый часъ раздался межъ кустовъ?...
Святой Пророкъ!... Скорѣй, гдѣ твой покровъ?...

4.

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватаетъ руку Зары. Страстенъ, молодъ
Огонь руки сей... Сакля далека...
Что дѣлать?.. Въ грудь ея смертельный холодъ
Проникъ, какъ пуля мѣткаго стрѣлка,
И сердце громко билось въ ней, какъ молотъ...
«Селимъ, ты здѣсь?... Злой духъ тебя принесъ!
Зачѣмъ пришелъ ты?»—«Я?... Какой вопросъ!...»

5.

— «Селимъ!... О, я погибла!»—Можеть быть;
Такъ что жъ?—«Ужель ии капли сожалѣнья?
Чего ты хочешь?»—Я хочу любить,
Хочу? Ты видишь, какъ любви томленья
Меня измучили... Ахъ, скучно жить,
Какъ звѣрю, одинокимъ,—нѣть терпѣнья...
Насталь послѣдній срокъ! Я снова здѣсь,
Я твоей навѣкъ—душой и тѣломъ, весь!...»

6.

«Я зналъ что вашъ Пророкъ—не мой пророкъ,
Что люди—мнѣ чужие, а не братья!...
Я странствовалъ въ пустынѣ одинокъ
И мраченъ, какъ печальный духъ проклятия.
Безъ страха я давно бѣ въ могилу легъ,
Но холодны сырой земли объятья...
Ахъ, я мечталъ хотѣ мигъ одинъ заснуть,
Мою главу склонивъ къ тебѣ на грудь!...»

7.

«Бѣги со мной?... Оставь свой бѣдный домъ!
Я молодъ, свѣжъ,—твой мужъ—старикъ суровый...
Рѣшился, спѣши: мнѣ тайный путь знакомъ;
Мое ружье вѣрнѣй стрѣлы громовой;

Кинжалъ мой блещеть гибельнымъ лучемъ;
Моя рука быстрѣй, чѣмъ взглядъ и слово;
И у меня жилище есть въ горахъ,
Гдѣ отыскать насъ можетъ лишь Аллахъ!»

8.

«Мой домъ изрыть въ разсѣлинахъ скалы.
Въ немъ до меня два барса дружно жили;
Узнавъ пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянувъ, бросились, завыли...
Я ихъ убилъ, и въ тотъ же день орлы
Кровавые останки растащили;
А шкуры ихъ у входа, по бокамъ,
Висятъ теперь на страхъ другимъ звѣрямъ».

9.

«Тамъ ложе есть изъ моха и цвѣтовъ;
Родникъ бѣжитъ по камнямъ разноцвѣтнымъ,—
Его питаетъ влага облаковъ,
И по лугамъ змѣится онъ привѣтнымъ...
Бѣги со мной—и никому слѣдовъ
Твоихъ не разыскать въ kraю завѣтномъ!
И только мѣсяцъ съ солнцемъ золотымъ
Узнаютъ, какъ и кто тобой любимъ!...»

10.

Обніявшися станъ ея полунагой,
Едва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской...
Она молчала. Тонкими вѣтвями
Чуть вѣтеръ шелестилъ, и парилъ зной,
И тѣни листьевъ пестрыми рядами
Играли на челѣ ея... Она
Стоитъ недвижная, безъ словъ, блѣдна...

11.

—«Рѣшился же, Зара,—ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?... Что такое: слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана врагу?
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?

Иль ты меня не любишь?... Нѣтъ, я лгу,—
 Твои уста, нѣжнѣй Иранской розы,
 Жестокаго не могутъ произнести!...
 Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но... жалость есть!...»

12.

«О, какъ бы я былъ счастливъ, какъ богатъ
 Подъ звѣздами Аллы одинъ съ тобою!...
 Скажи: тебя не любить Акбулатъ?
 Онъ золъ, ревнивъ, онъ пасмуренъ душою
 И рѣчъ его хладнѣе, чѣмъ булатъ!
 Онъ для тебя постылъ!... Бѣги со мною!...
 Но ты качаешь молча головою,—
 Не онъ тобой любимъ!... Такъ кто жъ такой?»

13.

«Скорѣй отвѣтствуй, кто онъ,—назови!
 Я вытвержу зловѣщее названье.
 Я обниму, какъ брата, и... въ крови
 Запечатлѣю братское лобзанье.
 Кто жъ онъ—счастливецъ, царь твоей любви?
 Пускай придетъ, презрѣвъ мое страданье,
 При мнѣ тебя и нѣжить и ласкатъ!...
 Я радъ смотрѣть, клянусь тебѣ—молчать!...»

14.

И онъ склонилъ мятежную главу,
 И онъ закрылъ лицо свое руками;
 И видно было ей, какъ на траву
 Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
 Безъ смысла и безъ звука, на яву—
 Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
 И, наконецъ, припалъ къ землѣ сырой,
 Самъ, какъ земля, холодный и нѣмой....

15.

И стало жаль Селима ей... И вдругъ
 Заговорила голосомъ печали:
 —«Отецъ мой былъ великий воинъ: Югъ
 И Сѣверъ, и Востокъ обѣ чемъ слыхали.

Онъ былъ свирѣйный врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали.
Я—дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну, но... не измѣню!»

16.

«Оставь меня,—я счастлива съ другимъ!»—
—«Не вѣрю я!.. Ты счастлива?»—«Конечно».—
—«Онъ мой злодѣй, мой врагъ!!»—«Селимъ! Селимъ!
Кто жъ виновать?... Скажи, ужели вѣчно
Не примиритесь вы?»—«Мириться, съ нимъ?...
Да кто же я, чтобы мукою сердечной
Дразнить людей и небо?»—«Ты жестокъ!»
—«Какъ быть, такую душу далъ миѣ рокъ!...»—

17.

—«Процай,—ужъ поздно».—«Богъ разсудить нась!
Но если я съ тобой увижуясь снова,
То это будетъ, знай, въ послѣдній разъ!...»
Онъ быстро всталъ и болѣе ни слова
Онъ не сказалъ и скрылся... День угасъ;
Лишь блѣдныій лучъ изъ-за Бешту крутого
Едва скользила прощальной полосой
Вдоль по челу черкешенки младой.

18.

Селимъ не возвращался. Акбулатъ
Спокоенъ,—онъ не видѣть, что порою
Его жены доселѣ ясный взглядъ
Туманится невольною слезою...
Вотъ разъ съ охоты ѿхалъ онъ назадъ;
Аулъ дремалъ въ тѣни, таясь отъ зною;
Сходя съ мечети тихою стеною,
Ему мулла киваетъ головой

19.

И говорить: «Куда сѣшишь, мой сынъ?
Не лучше ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесъ прямой всегда, вездѣ одинъ
И служить только родинѣ, да волѣ!

Черкесъ—землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшень болѣ,
Какъ только онъ, послушавшись меня,
Жену покинулъ и купилъ коня!»

20.

—«Молись Пророку и Аллѣ, мулла,
И не мѣшайся ты въ дѣла чужія;
Твой вѣренъ глазъ,—моя вѣрнѣй стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!»
Мулла жъ въ отвѣтъ: «Я не желаю зла...
Самъ вспомнишь ты совѣты золотые!
Смутился Акбулатъ, потупилъ взоръ
И скакеть онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

21.

Съ дрожащимъ сердцемъ въ саклю входить онъ;
Глядитъ—на ложѣ смятомъ и разрытомъ
Кинжалъ знакомый блещетъ изъ ножонъ...
Любимый конь не ржетъ, не бѣтъ копытомъ,
Нейдетъ на встрѣчу Зара... Мертвый сонъ
Повсюду, лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень... Онъ невзвидѣль дnia:
Нѣть ни жены ни лучшаго коня!...

22.

Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ, какъ мертвецъ,
Пронзенный сзади шулею несмѣлой,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ,
Присѣль онъ на порогъ, и что кипѣло
Въ его груди, то знаетъ лишь Творецъ!
Часы бѣжали. Небо потемнѣло;
Съ росой на землю пала тишина;
Изъ тучъ косматыхъ глянула луна.

23.

Блѣднѣй луны сидѣлъ недвижимъ онъ...
Вдругъ слышитъ топотъ—ближе, все яснѣе...
Вотъ мчится въ полѣ конь; какъ легкій дымъ,
Волною грива хлещетъ вдоль по шеѣ,

И вьется что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало... Конь летить быстрѣе...
Знакомый бѣгъ... Вотъ близко, прискакалъ,
Но вдругъ затрясся, захрипѣлъ и палъ.

24.

Недвижно, безъ дыханья конь лежитъ...
На немъ, колеблясь, плещетъ покрывало,
По вѣтру развѣвайсѧ, и бѣжитъ
Кровь, чуть примѣтно, струйкой алой...
Къ коню въ смущеньи Акбулатъ спѣшишъ;
Лицо надеждой снова заблистало:
— «Спасибо, другъ, не выдалъ ты меня!» —
И гладить опять издохшаго коня.

25.

Вотъ покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой приподнялъ рукою.
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ: о, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпіонъ, свинецъ
Винился, насытился кровью молодою;
Ремень, обвившій иѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣду надежднымъ прикрѣпленъ узломъ.

26.

Какъ ранній снѣгъ, бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганиая кровью, и луна,
По гладкому челу скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый призракъ сна,
Послѣдняя улыбка исчезала
И, опустивъ, рѣсицы баҳромой
Бездушный взоръ таили подъ собой.

27.

Узналь ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой,
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Быль одаренъ невѣдомою чарой,

Плѣниль еще тому лишь день назадъ?!.
Все стало ясно—и надъ мертввой Зарой
Терзаетъ грудь и рветъ одежды онъ,
Зоветъ ее, но... крѣпокъ мертвыхъ сонъ!...

28.

И въ ту же ночь, за часъ передъ зарей,
Съ мечети грянулъ вѣщій звукъ набата.
Народъ сбѣжался: какъ маякъ ночной,
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры золата,
И чей-то смѣхъ, мучительный и злой,
Сквозь дымъ и плача вылеталъ порой.

29.

И ницъ упалъ испуганный народъ..
«Молитесь, дѣти!... Это—смѣхъ шайтана!»—
Сказалъ мулла таинственно, и вотъ
Какой-то тайный стихъ изъ Алкорана
Запѣль онъ громко... Но огонь реветь
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольbamъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

30.

И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось,
И серна горъ, лежавшая въ кустахъ,
Посышавъ крикъ, вздрогнула, пробудилась,—
Ее невольно обнялъ смутный страхъ,—
И быстрымъ бѣгомъ въ горы устремилась;
И, спавши подъ сѣнью скалы,
Взвилися съ крикомъ дикіе орлы.

31.

Да упадеть прокляtie людей
На жизнь Селима! Пусть въ степи палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пускай булатъ въ рукѣ его дрожащей

Измѣнить въ битвѣ, и въ кругу друзей
Теска туманитъ взоръ его блестящій!
Пускай одинъ, бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышитъ за собой!

32.

Да упадетъ проклятие Аллы
На голову убийцы молодого!
Пускай умреть не въ битвѣ—отъ стрѣлы,
А дома—отъ разбойника ночного,
Иль полумертвый на хребтѣ скалы
Три ночи и три дня лежитъ безъ крова!
Пусть зной палитъ, и бѣть его гроза,
И хищный коршунъ выклюетъ глаза!...

33.

Когда придетъ, покинувъ выси горъ,
Его душа къ обѣщанному раю,—
Пускай Пророкъ свой отворотитъ взоръ
И грозно молвить: «О, тебя я знаю!...»
Тогда, понявъ язвительный укоръ,
Воскликнетъ онъ: «Прости мнѣ, умоляю!...»
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ:
«Ты былъ жестокъ—и я съ тобой жестокъ!»

34.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ;
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь иногда, въ туманный день, черкесъ,
Объ немъ вздохнувъ, разсказываетъ нынѣ,
При малыхъ дѣтяхъ... И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвить казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?...»

1832.

Измаилъ Бей.

(Восточная повѣсть).

[Въ первый разъ напечатана была съ пропусками въ Отеч. Зап. 1843 г. № 3. Затѣмъ одними и тѣми же издателями сочиненій Лермонтова переносилась изъ одного тома въ другой, будучи причисляема то къ слабымъ, то къ лучшимъ произведеніямъ поэта. Какъ судить о ней—редактируя изданія не зналъ. Это видно изъ того напримѣръ, что въ примѣчаніяхъ къ I-му тому изд. 1880 г. господинъ редакторъ говоритъ: «Поэма эта въ предыдущихъ изданіяхъ печаталась въ дополнительномъ томѣ, какъ ненапечатанная при жизни Лермонтова. Мы перенесли ее въ I-ый т. (т. е. отнесли къ лучшимъ произведеніямъ) на основаніи достовѣрного указанія о томъ, что Лермонтовъ желалъ, но не могъ напечатать ее по незавѣщанію отъ него обстоятельствамъ». Однако въ этомъ достовѣрномъ указаніи редакторъ изданія самъ разувѣряется, перенося въ изд. 1887 года Измаила-Бея оныя въ томъ слабыхъ произведеній. Строгій къ своимъ сочиненіямъ Лермонтовъ, не былъ доволенъ Измаиль-Беемъ, несмотря на отдельные красоты, и потому тѣмъ, что считалъ хорошимъ, пользовался позднѣе, а всю поэму напечатать отдумалъ. Такъ пѣсню «Мѣсяцъ плыветъ и тихъ и спокойенъ»... онъ переноситъ въ поэму «Бѣглецъ». О значеніи Измаиль-Бея см. конецъ статьи моей: Литерат. дѣятельность Лермонтова въ университетскіе годы. Русск. Мысль, 1884 г. апрѣль].

So moved on earth Circassia's daughter.
The loveliest bird of Frangestan!
L. Byron (The giaour.)

Посвященіе.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ иѣсонопѣніе
Тоску, развалину страстей.
Такъ посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,

Бестя лазоревымъ крыломъ;
 Пускай реветь, бушуетъ выюга,
 Она поетъ лишь объ одномъ —
 Она поетъ о солнцѣ юга...
 И ты, звѣзда любви моей,
 Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
 Послушай пѣсни прежнихъ дней:
 Давно ужъ нѣть у сердца новыхъ.
 Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
 Не измѣнила власть разлуки:
 Тобою полны счастья звуки,
 Меня узнаешь ты въ другихъ.

M. Lerma.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
 Твоимъ горамъ я путникъ не чужой;
 Онъ меня въ младенчествѣ носили
 И къ небесамъ пустыни пріучили.
 И долго миѣ мечталось съ этихъ поръ
 Все небо юга да утесы горъ.
 Прекрасень ты, суровый край свободы,
 И вы, престолы вѣчные природы,
 Когда, какъ дымъ синѣя, облака
 Подъ вечеръ къ вамъ летять издалека,
 Надъ вами вьются, шепчутся, какъ тѣни,
 Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
 Колеблемыя перья — и луна
 По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
 Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
 Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
 И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
 Когда пещеры и холмы крутые,

Какъ стражи, окликаются ночные;
 И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
 Озолотится, и степной цвѣтокъ,
 Душистую головку поднимая,
 Блистаетъ, какъ цвѣты небесъ и рая!...
 Въ вечерній часъ, дождливыхъ облаковъ
 Я наблюдалъ разодранный покровъ:
 Лиловые, съ багряными краями,
 Одни еще грозятъ, и надъ скалами
 Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
 Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
 Его разсѣть вѣтра дуновенье.
 Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣней
 Преступнаго страдальца сновидѣніе,
 Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
 Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы синѣголовыя,
 Идутъ на западъ облака другія
 И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
 Другъ черезъ друга свѣтлыя глядятъ
 Такъ весело, такъ пышно и безопасно,
 Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!...

III.

И дики тѣхъ ущелій племена;
 Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война;
 Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
 Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
 Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
 Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
 Тамъ поразить врага не преступленье;
 Вѣрна тамъ дружба, но вѣрище мщеніе;
 Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь,
 И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Стариkъ чеченецъ,
 Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
 Когда меня чрезъ горы провожалъ,

Про старину мнѣ повѣсть разсказаъ.
 Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
 Водилъ меня подъ камень Росламбэка,
 Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
 Какъ будто бы удержанній Аллою
 На воздухѣ въ паденіи своемъ.
 Онъ весь обросъ зеленою травою;
 И не боясь, что камень упадетъ,
 Въ его тѣни, хранимъ отъ непогоды,
 Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
 У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
 Склоняясь въ жарь на длинный стебелекъ,
 Растеть воспоминанія цвѣтокъ.
 И подъ столѣтней, мшистою скалою,
 Сидѣлъ чечень однажды предо мною;
 Какъ сѣрая скала, сѣдой стариkъ,
 Задумавшись, главой своей поникъ...
 Быть можетъ, онъ о родинѣ молился;
 И, странникъ чуждый, я прервать страшился
 Его молчанье, и молчанье скаль:
 Я ихъ въ тотъ часъ почти не различаъ.

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
 Я вздумалъ перенестъ на сѣверъ дальний:
 Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,
 Какъ слышалъ, такъ его передаю.
 Я не хочу, незнаемый толпою,
 Чтобы, какъ тайна, онъ погибъ со мною;
 Пускай ему не внemлютъ—до конца
 Я доскажу. Кто съ гордою душою
 Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
 Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
 Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
 Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила....

VI.

Давнымъ-давно у чистыхъ водъ,
 Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,

Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится, *
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли;
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и ниръ гостепріимный:
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали;
Они тогда еще не знали
Ни золота ни русской стали.

VII.

Не все судьба голубить нась:
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды—солнце закатилося,
Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепеща, жены близъ мужей
Держали плачущихъ дѣтей.
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что взять съ собою не могли;
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ,
И мокрый утренний туманъ
Разсвѣялъ вѣтеръ пробужденный,

* Машукъ и Бешту—дѣвѣ главныя горы.

Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле,
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ—не болѣ.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Мухаммеда? Прорицанье?
О, нѣтъ! примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзѧ и счастье.—
Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣеть умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть—кинжалъ двойной;
И страхъ насильства и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы.
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
«Въ насыпьшику русскимъ и въ укоръ
Оставимъ мы утесы горъ;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуютъ надѣть оковы!»
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ
Иль облаками одѣвается
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX.

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
 Готовяще мщеніе народы,
 И пятый годъ ужъ настаетъ,
 А кровь джяуровъ не течетъ.
 Въ необитаемой пустынѣ
 Черкесъ бродящій отдохнулъ,
 Построенъ новый быль аулъ
 [Его слѣдовъ не видно нынѣ],
 Старикъ и воинъ молодой
 Кинять отвагой и враждой.
 Ужъ Росламбэкъ съ береговъ Кубани
 Князей союзныхъ поджидалъ;
 Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
 Готовить стрѣлы и кинжалъ;
 Скопилась месть ихъ роковая
 Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ;
 Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
 Цвѣтами радуги блестая,
 Виситъ, прохладу обѣщаая,
 Надъ беззаботнымъ табуномъ.

X.

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
 Между Желѣзной и Змѣиной, *
 Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ,
 Цвѣтущей, узкою долиной
 Тихонъко всадникъ проѣзжалъ.
 Кругомъ нальво и направо,
 Какъ бы остатки пирамидъ,
 Подъемлясь къ небу величаво,
 Гора изъ-за горы глядитъ;
 И далъ царь ихъ пятиглавый,
 Туманный, сизо-голубой,
 Пугаетъ чудной вышиной.

* Двѣ горы, находящіяся рядомъ съ Бешту'.

XI.

Еще небесное свѣтило
 Росистый лугъ не обсушило;
 Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
 Склонился дикий виноградникъ,
 Его серебрянымъ дождемъ
 Осыпанъ часто конь и всадникъ.
 Но вотъ остановился онъ,
 Какъ новой мыслью пораженъ,
 Смущенный взглядъ кругомъ обводить—
 Чего-то, мнится, не находитъ,
 То пустить онъ коня стремглавъ,
 То остановить и, привставъ
 На стремена, дрожитъ, пылаетъ—
 Все чустро. Онъ съ коня слѣзаетъ,
 Гъ землѣ сырой главу склоняетъ,
 И слышитъ только шелестъ травъ...
 Все одичало, онѣмѣло.
 Тоскою грудь его полна...
 Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
 За близкій топотъ табуна
 Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый.

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
 На немъ чекмень, простой бешметъ,
 Чело подъ шапкою косматой;
 Ножны кинжала, пистолетъ
 Блестятъ на сѣчкой небогатой;
 И перетянуть онъ ремнемъ,
 И шашка чуть звенитъ на немъ.
 Ружье, мотаясь за плечами,
 Бѣлѣть въ шерстяномъ чехлѣ.
 И какъ же горца на сѣдлѣ
 Не различить мнѣ съ казаками?
 Я не ошибся—онъ черкесъ.
 Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
 Съ его ланитъ; снѣга и выюга

И холодъ съверныхъ небесъ,
 Конечно, смыли краску юга,
 Но видно все, что онъ черкесъ.
 Густыя брови, взглядъ орлиный,
 Рѣсицы длинны и черны,
 Движенія быстры и вольны.
 Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
 Не сбривъ бородки и усовъ,
 И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
 Какъ брызги пѣны у бреговъ.
 Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
 Своей отчизны не оставилъ...
 Но горе, горе, если онъ,
 Храня людей суровыхъ мнѣнья,
 Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
 Въ Европѣ душной зараженъ!
 Старикъ для чувствъ и наслажденья,
 Безъ сѣдины между волосъ,
 Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
 Такъ непокойно, такъ игриво,
 Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII.

Какъ наши юноши, онъ молодъ,
 И хладенъ блескъ его очей;
 Поверхность темную морей
 Такъ покрываетъ ранній холодъ
 Корой ледяною своей
 До первой бури. Чувства, страсти,
 Въ очахъ павѣки догорѣвъ,
 Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
 Глубоко въ сердцѣ, но ихъ власти
 Оно никакъ не избѣжитъ.
 Пусть будетъ это сердце камень—
 Ихъ пробужденный адскій пламень
 И камень углемъ раскалитъ.

XIV.

И все прошедшее явилось,
 Какъ тѣнь умершаго, ему.
 Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
 Богъ вѣсть, и какъ и почему.
 Онъ въ поле выѣхалъ пустое—
 Вдругъ слышить выстрѣль—что такое?
 Какъ будто насмѣхъ, звукъ одинъ
 Жилемъ ущелій и стремнинъ
 Трикраты отзывъ повторяетъ.
 Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
 И вотъ съ винтовкой безъ штыка
 Въ кустахъ онъ видитъ казака;
 Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
 Росою съ листьевъ окропленный,
 Блистая радужнымъ хвостомъ,
 Лежалъ въ травѣ, пробить свинцомъ.
 И ближе путникъ подъѣзжаетъ,
 И чистымъ русскимъ языкомъ:
 «Казакъ, скажи мнѣ», вопрошаешь,
 «Давно ли пусто здѣсь кругомъ?»
 — «Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
 Неустранимый твой народъ;
 Въ чужихъ горахъ отъ пасъ онъ скрылся...
 Тому сегодня пятый годъ.»

XV.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою,
 Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
 Подъята съ шашкой роковою?
 Прости улыбку казака!
 Увы! свершилось наказанье:
 Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
 Лежитъ насмѣшивый казакъ.
 Черкесъ глядить на ликъ холодный,
 Въ немъ пробудился духъ природный:
 Онъ пощадить не могъ никакъ,
 Онъ удержать не могъ удара.

Какъ въ тучахъ зарево пожара,
 Какъ лава Этын по полямъ,
 Больной румянецъ по щекамъ
 Его разлился; и блистали,
 Какъ лезвіе кровавой стали,
 Глаза его—и въ этотъ мигъ
 Душа и адъ—все было въ нихъ!
 Оборотясь съ улыбкой злобной,
 Черкесь на съверь кинулъ взглядъ—
 Ничто, ничто смертельный ядъ
 Передъ улыбкою подобной.
 Волною поднялася грудь;
 Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
 Холодный потъ съ чела крутова
 Катился, но изъ устъ—ни слова.

XVI.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
 Къ лукъ припалъ, коня толкнулъ,
 Одно мгновеніе на курганѣ
 Онъ черной птицею мелькнулъ,
 И скоро скрылся весь въ туманѣ.
 Чрезъ камни конь его несетъ,
 Онъ не глядитъ и не боится.
 Такъ быстро скакеть только тотъ,
 За кѣмъ раскаяніе мчится.

XVII.

Куда черкесь направилъ путь?
 Гдѣ отдохнетъ младая грудь
 И усмирится думъ волненіе?
 Черкесь не хочетъ отдохнуть:
 Ужели отдыхаетъ мщеніе?
 Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
 Мечети, кровы мирныхъ сель—
 Все уничтожилъ русскій воинъ.
 Нѣть, нѣть, не будетъ онъ спокоенъ,
 Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,

Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей
И такъ отмстить за унижение
Любезной родины своей.

«Я знаю васъ,—онъ шепчетъ,—знаю!
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня...»
Онъ бѣть и дергаетъ коня,
И конь летить, какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шать подъемлется за ними
Съ двумя главами сиѣговыми,
И путникъ мнитъ: «недалеко;
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко.»

XVIII.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны, какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣть—
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣть.
Блѣдишетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:

Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй;
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулся желанія,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесь, что здѣсь родился.
Межъ скаль незыблемыхъ, одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучемъ зари освѣщены;
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиной,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкусають сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣниво,

И серебрится чешуя
 Надъ перегибистой спиною;
 Такъ сталь кольчуги иль копья
 [Когда забыты послѣ бою
 Они на полѣ роковомъ],
 Въ кустахъ найденная луною,
 Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокой
 Одѣлся буркою широкой;
 За дубомъ низкимъ и густымъ
 Дорога скрылась; вѣтеръ дуетъ;
 Конь спотыкается подъ нимъ,
 Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
 И сталъ. Дивится, слѣзъ сѣдокъ
 И видить пропасть предъ собою,
 А тамъ, на днѣ ея, потокъ
 Во мракѣ бѣшеной волною
 Шумитъ [слыхалъ я этотъ шумъ,
 Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
 И много пробуждалъ онъ думъ
 Въ груди, тоской опустошеннай].
 Въ недоумѣни надъ скалой
 Остался странникъ утомленный;
 Вдругъ видить онъ: въ дали пустой
 Трепещетъ огонекъ—и снова
 Садится на коня лихова;
 И черезъ силу скачеть конь
 Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обмана
 Манилъ трепещущимъ огнемъ,
 Не очи злобнаго шайтана
 Свѣтилися въ ущельѣ томъ:
 Двѣ саклы бѣлыя, простыя,
 Таятся мирно за холмомъ;

Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленою бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя;
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено—
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Пдеть. «Великій Мухаммедъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?»—«Я странникъ!»—былъ отвѣтъ—
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вокругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ,
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ привѣтио въ саклѣ дымной
Пріѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ,
И носятся въ мечтахъ живыхъ

Они къ грядущему, къ былому;
Проходитъ непримѣтно часъ—
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ лезгинецъ; ужъ давно
[Такъ было небомъ суждено]
Не зряль отечства. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ;
При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночные звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихie сыновья.
Живетъ добычей вся семья.
Они повсюду страхъ приносять;
Украсть, отнять—имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просяять
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любого уведутъ коня;
Они боятся только дня
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ,
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденя метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая.

XXV.

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ

Небеснаго, разсѣянный лучами
 Въ улыбкѣ усть, въ движеныи черныхъ глазъ—
 Все, что таkъ дружно съ первыми мечтами,
 Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ—
 Не отличить отъ красоты ничтожной,
 Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
 И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
 Прелестный ликъ, но хладная душа!
 Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
 То, что сперва почель бы онъ душою
 Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣней,
 Слетѣвшихъ въ міръ, чтобы утѣшать людей.
 Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаеть:
 Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
 Восточная видна въ ланитахъ кровь;
 Но только удалится образъ милый—
 Онъ станеть сомнѣваться въ томъ, что было;
 И заблужденью онъ повѣритъ вновь.

XXVI.

Нѣжна, какъ пери молодая,
 Созданіе земли и рая,
 Мила—какъ намъ въ краю чужомъ
 Межъ звуковъ языка чужова
 Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
 Такъ утѣшительно мила,
 Какъ древле узнику была
 На сумрачномъ окнѣ темницы
 Простая пѣсня вольной птицы,
 Стояла Зара у огня.
 Чело немножко наклоня,
 Она стояла гордо, ловко;
 Въ ея нарядѣ простота,
 Но также вкусъ. Ея головка
 Платкомъ прилежно обвита;
 Изъ-подъ него до груди нѣжной
 Двѣ косы темныя небрежно
 Бѣгутъ—ужъ вѣрио часть она

Ихъ расплетала, заплетала;
Она понравиться желала—
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала
Идти ли! Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Чтѣ скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвіе
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... Смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гиѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ;
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутить онъ; но хладный,
Печальный смѣхъ пейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движеніе глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!...
Довольно! этого удара

Вторично дѣва не снесеть;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ...

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И, какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей—
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой
Слезу старается встрѣтить,
Улыбкѣ хладно отвѣтить;
Коль обласкаетъ—такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не вѣритъ онъ;
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей,
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣть пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла:
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ;
И часто думаютъ они,
Что ихъ излѣчить край далекій,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни;

Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все виѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго вслѣдъ
И мыслить: «нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья!
Бессильный, свѣтлый лучъ зарѣ,
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится».

XXX.

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшись! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной;
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цѣловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?...»

• • • • • • • • • • • • •

XXXI.

Пора! яснѣеть ужъ востокъ;
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ

Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслить онъ...
И кто жъ коня ему подводить?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
«Твой конь готовъ; моей рукой
Надѣта бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блеститъ кубанская насычка,
И бурку черную ремнемъ
Я привязала за сѣдломъ.
Мнѣ это дѣло вѣдь не ново,
Любезный странникъ, все готово.
Твой конь прекрасенъ; не страшна
Ему утесовъ крутизна;
Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
Въ немъ дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Какъ камень, сглаженный потокомъ;
Какъ уголь, взоръ его блеститъ,
Лишь наклонись—онъ полетитъ;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
Отъ вражьей шашки и кинжала
Въ степи глухой, въ недобрый часъ.»

XXXIII.

«Но погоди въ стальное стремя
Ступать поспѣшною ногой:
Послушай, странникъ молодой,
Какъ знать? быть можетъ, будетъ время,
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ;
И если чаша нирваны

Кипитъ, блестить въ рукъ твоей,
 То не ласкай воспоминанья,
 Гони отъ сердца поскорѣй;
 Но если эта мысль родится,
 Но если образъ мой приснится
 Тебѣ въ страдальческую ночь —
 Услышь, услышь мое моленье:
 Не презирай то сновидѣніе,
 Не отгоняй тѣ мысли прочь.»

XXXIV.

«Пріють нашъ малъ, зато спокоенъ;
 Его не тронетъ русскій воинъ.
 И что имъ взять? — пять-шесть коней
 Да наши грубыя одежды?...
 Повѣрь ты скромности моей,
 Откройся мнѣ, куда надежды
 Тебя коварныя влекутъ?
 Чего искать? — Останься тутъ,
 Останься съ нами, добрый стражникъ:
 Я вижу ясно: ты изгнаникъ,
 Ты отъ земли своей отвыкъ,
 Ты позабылъ ея языкъ.
 Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
 И что тамъ ждеть тебя — це знаю.
 Пусть мой отецъ твердить порой,
 Что безъ малѣйшей укоризны
 Должны мы жертвовать собой
 Для непризнателной отчизны —
 По мнѣ отчизна только тамъ,
 Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ.»

XXXV.

«Еще туманъ бѣлѣеть въ полѣ,
 Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
 Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
 Послушай, часъ одинъ, не болѣ
 Пробудь, жестокій, близъ меня;

Я покормлю еще коня,
 Моя рука его отвяжетъ,
 Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;
 А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
 Главу мнѣ на руку склони:
 Твоихъ рѣчей услышать звуки
 Еще желала бѣ я хоть разъ;
 Не удержу вѣдь счастья часъ,
 Не прогоню вѣдь часъ разлуки?...»
 И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
 Ждала напрасно два-три слова;
 Скрывать печали силы нѣть,
 Слеза съ рѣсицѣ упасть готова...
 Увы! молчаніе храня,
 Садится путникъ на коня;
 Ужъ ѿхать онъ приготовлялся,
 Но обернулся—испугался,
 И, состраданьемъ увлеченъ,
 Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

«Не обвиняй меня такъ строго;
 Скажи, чего ты хочешь—слезъ?
 Я ихъ имѣлъ когда-то много:
 Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
 Но не рѣшусь судьбы мятежной
 Я раздѣлять съ душою нѣжной;
 Свободный, рабъ иль властелинъ,
 Пускай погибну я одинъ.
 Все, чтобъ меня хоть малость любить,
 За мною вслѣдъ увлечено;
 Мое дыханье радость губить;
 Щадить—мнѣ власти не дано.
 И не простого человѣка
 [Хотя въ одеждѣ я простой],
 Утѣшься, Зара, предъ собой
 Ты видишь брата Росламбѣка.

Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ... Прости, прости!...»

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдалены умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальний звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.
О Зара, Зара, краткою мечтою
Ты дорожила—гдѣ жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другова;
Все, что прошло, ты оживляешь снова!...
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродить;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожить и ждетъ его она—
И, постепенно вѣтромъ разносимый,
Все ближе, ближе топотъ—и все мимо...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь—и близокъ онъ—и вдругъ погасъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

High minds, of native pride and force
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains have
Thou art the torturer of the brave!
Marmion. S. Walter.-Scott.

I.

Шумить Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,

Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы съ дѣтской простотой,
Она, рѣзясь, играетъ и катится.
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездину ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вѣтется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты
Надъ мрачной бездной гробовая плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онъ — волна не дремлетъ,
Пусть темнота вокругъ ее объемлетъ,
Прорвать Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь.

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно изгнанный врагомъ народъ
Аулъ построилъ свой и ждалъ мгновенья,
Когда свершить придуманное мщенье;
Черкесъ готовиль дерзостный набѣгъ,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбэкъ,
Склонялся передъ русскими смиренно;
А между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разоряль во тьмѣ ночной;
И, возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ пѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
Иувѣряль ихъ въ дружбѣ, и щутиль,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,

Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;
 Не должно мыслей открывать своихъ,
 Иль спрашивать у подданныхъ совѣта
 И забывать, что лучше горъ златыхъ
 Иному ласка и слова привѣта.
 Старайся первымъ быть вездѣ, всегда;
 Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
 Не трогай суевѣрій никогда
 И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
 Страшишь сначала много успѣвать,
 Страшишь народъ къ побѣдамъ пріучать,
 Чтобъ въ слабости своей онъ призывался,
 Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
 Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
 И почиталъ нуждою—принужденья;
 Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,
 И не проси никакъ вознагражденья;
 Народъ ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
 Не покушайся вырвать—но украдь.

IV.

У Росламбэка братъ когда-то былъ;
 О немъ жалѣютъ шайки удалыя;
 Отцомъ въ Россію посланъ Измаиль,
 И ихъ надежду отняла Россія.
 Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
 Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
 Чтобъ знать законы и права чужія.
 Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
 Родился Измаиль, не пѣснью иѣжной
 Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
 Его баюкалъ бури вой мятежной.
 Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
 Его улыбку встрѣтила гроза.
 Въ пещерѣ темной—гдѣ, гонимый братомъ,
 Убийцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
 Его отецъ таился много лѣтъ—
 Изгнаникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не зналъ.
Не у груди—подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣта;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстъя нѣтъ о немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнаниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоить отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;

И облака родныхъ небесъ
 Въ мечтаньяхъ видѣть ужъ черкесъ:
 Тамъ лугъ душистый, день свѣтлѣе,
 Роза перловая свѣжѣе;
 Тамъ разноцвѣтною дугой,
 Развеселясь, иерѣдко дивы
 На тучахъ строятъ мостъ красивый,
 Чтобъ отъ одной скалы къ другой
 Пройти воздушною тропой;
 Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
 На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
 Ездѣ веселье, ликованья;
 Мулла оставилъ алкоранъ,
 И не слыхать его призванья;
 Мечеть кругомъ освѣщена;
 Всю ночь надъ хладными скалами
 Огни краснѣютъ за огнями,
 Какъ надъ земными облаками
 Земныя звѣзды; но луна,
 Когда на землю взоръ наводитъ,
 Себѣ соперницъ не находитъ
 И, одинокая, она
 По небесамъ въ сіянья бродить.

VIII.

Ужъ скакча кончена давно;
 Стрѣльба затихнула; темно.
 Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
 Столпилась юность удалая,
 И старики сѣдые въ рядъ
 Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
 На сѣромъ камнѣ, безоружень,
 Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
 Нарядъ войны ему не нуженъ,
 Онъ гордъ и бѣденъ—онъ иѣвентъ.

Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣль онъ пѣсню старины:

IX.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить — завидна доля,
Но еще милѣе воля.

Не женися, молодецъ,

Слушайся меня:

На тѣ деньги, молодецъ,

Ты купи коня.

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣль:

Съ русскимъ въ бой онъ не поскачеть.
Отчего? — жена заплачетъ?

Не женися, молодецъ,

Слушайся меня:

На тѣ деньги, молодецъ,

Ты купи коня.

Не измѣнить добрый конь:

Съ нимъ — и въ воду и въ огонь;

Онъ — какъ вихрь въ степи широкой;

Съ нимъ — все близко, чтобъ далеко.

Не женися, молодецъ,

Слушайся меня:

На тѣ деньги, молодецъ,

Ты купи коня.

X.

Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчанье раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь

И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
 Три уздя за ними вслѣдъ.
 «Великъ Алла и Мухаммѣдъ!»
 Воскликнулъ князь. «Сама могила
 Покорна имъ! Въ странѣ чужой
 Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
 Вы узнаете ль Измаила?...
 Между врагами онъ возросъ,
 Но не призналъ онъ ихъ святыни,
 И въ наши синія пустыни
 Одну лишь ненависть принесъ.»

XI.

И по долинѣ восклицанья
 Восторга дикаго гремятъ;
 Благословляя часть свиданья,
 Вокругъ Измаила старъ и младъ
 Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
 На плечи маленькихъ ребята,
 Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
 На князя новаго глядятъ.
 Гдѣ жъ Росламбэкъ, кумиръ народа?
 Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода?—
 Одинъ, забыть, передъ огнемъ,
 Поодаль, съ пасмурнымъ человѣкомъ,
 Стоялъ онъ, жертва злой досады.
 Давно ли привлекалъ онъ самъ
 Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
 Давно ли по его слѣдамъ
 Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
 Давно ль, дивясь его дѣламъ,
 Ихъ мать ребенку повторяла?
 И что же вышло?—Измаиль,
 Враговъ отечества служитель,
 Всю эту славу погубилъ
 Своимъ прѣздомъ—и властитель,
 Вчераший гордый полубогъ,
 Вниманья черни безтолковой

Къ себѣ привлечь уже не могъ.
 Ей все плѣнительно, чтобъ ново.
 «Простынетъ!» мыслить Росламбэкъ.
 Но если злобный человѣкъ
 Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
 Совсѣмъ забыть ее никакъ:
 Ея насмѣшилый призракъ
 И днемъ и ночью духъ тревожить.

XII.

Война!... знакомый людямъ звукъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
 Предъ алтаремъ погибъ невинно...
 Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
 Промчался кликъ: война! война!
 И пробудились племена;
 На смерть идутъ они охотно.
 Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
 Недавно слушали пѣвца;
 Оружья звонъ, движенье стана—
 Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
 Вотъ удовольствія байрана!
 «Смотри, какъ всякий биться радъ
 За дѣло чести и свободы!...
 Такъ точно было въ наши годы,
 Когда насть велъ Ахметъ-Булатъ!»
 Съ улыбкой гордою шептали
 Между собою старики,
 Когда дорогой наблюдали
 Отважныхъ юношей полки.
 Пора! кипятъ они досадой,
 Что русскихъ нѣть: имъ крови надо!

XIII.

Зима проходить; облака
 Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
 Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
 Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,

Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
 Улыбкѣ неба своего,
 И бѣлыхъ путниковъ его,
 Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
 И ровны, прямы, какъ стѣна,
 По берегамъ темнѣютъ горы;
 Ихъ крутизна, ихъ вышина
 Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
 Къ вершинамъ ихъ прицѣплены
 Нагими красными корнями,
 Кой-гдѣ кудрявая сосна
 Стоитъ печальна и одна,
 И часто мрачными мечтами
 Тревожитъ сердце: такъ, порой,
 Властитель, полубогъ земной,
 На пышномъ тронѣ, окруженнѣй
 Лѣстцовъ толпою униженной,
 Груститъ о томъ, что одному
 На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему.

XIV.

Завоевателю преграда
 Положена въ долинѣ той:
 Изъ камней и деревъ громада
 Аргуну давить подъ собой.
 Къ аулу нѣтъ пути инова;
 И мыслять горцы: «врагъ лихой!
 Тебѣ могила ужъ готова?»
 Но прямо врагъ идетъ на нихъ,
 И блескъ орудій громовыхъ
 Далеко сквозь туманъ играетъ.
 —И Росламбэкъ совѣтъ сзываєтъ;
 Онъ говоритъ: «въ тиши ночной
 Мы нападемъ на ихъ отряды,
 Какъ упадаютъ водопады
 Въ долину солнцу весной...
 Погибнутъ молча наши гости,
 И ихъ разбросанныя кости,

Добыча врановъ и волковъ,
Сгнютъ, лишенныя гробовъ.
Межъ тѣмъ съ боязнью лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ,
И втайнѣ mestію кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ.»

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
Я видѣть, видѣть кровь люблю;
Хочу, чтобы мною пораженный
Зналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
И даже болѣе чѣмъ ты;
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной странѣ,
Ишую славу надо мнѣ!...»
И поединка ожидали
Межъ братьевъ мѣлча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ—всѣ еще молчали....

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ, гласить преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.

Здѣсь, три столѣтья очарованъ,
 Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
 Когда надмешній съ новыхъ скаль
 Стрѣлой Пророку угрожалъ.
 Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
 Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
 Тропинка желтая прорыта
 Слезой отчаянья по ней;
 Она ни мохомъ ни кустами
 Не зарастаетъ никогда;
 Пестрѣя чудными слѣдами,
 Она ведетъ Богъ вѣсть куда.
 Олень съ вѣтвистыми рогами,
 Между высокими цвѣтами,
 Одѣтый хмѣлемъ и плющемъ,
 Лежитъ полуобъятый сномъ;
 И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
 И чуетъ близкаго врага:
 Поднявши медленно рога,
 Минуту свѣжестью подышитъ,
 Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ,
 И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
 Черезъ утесь—и вотъ онъ мчится,
 Терновъ колючихъ не боится
 И хмѣль коварный грудью рветъ—
 Но, вольный путь пересѣкая,
 Предъ нимъ тропинка роковая...
 Никѣмъ незримая рука
 Царя лѣсовъ останавливаетъ,
 И онъ, какъ гибель ни близка,
 Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жъ подъ ужасною горой
 Зажегъ огонь сторожевой?
 Треща, краснѣя и сверкая,
 Кусты вокругъ онъ озарилъ.
 На камень голову склоняя,

Лежитъ поодаль Измаиль.
Его приверженцы хотѣли
Итти за нимъ—но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата;
Но люди, люди—что природа имъ?
Едва успѣлъ обнять изгнаникъ брата,
Ужъ клевета и зависть—все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что бѣ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья лѣ созданъ Измаиль?
Бывають люди: чувства Ѵмъ—страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ древле въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами...
И дѣтамъ рока мѣста въ мірѣ нѣть;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ:
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

«Безсмыленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?

Все прежнее, незнаемый молвой,
 Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
 Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ,
 Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ—и нынѣ
 Картины счастья живо предъ тобой
 Проходятъ укоряющей толпой:
 Ты жмешь ей руку; грудь ея и плечи
 Цѣлуешь въupoеніи; ласки, рѣчи,
 Исполненные счастья и любви,
 Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
 Волшебный взоръ—все предъ тобой, какъ было
 Еще недавно; все мечты твои
 Такъ вѣроятны, что душа боится,
 Не вѣря имъ, вторично ошибиться...
 А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?»
 Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
 Вдругъ выстрѣль, два, и много: онъ вскочилъ,
 И слушаетъ... но все утихло снова.
 И говорить онъ: «это сошъ больнова!»

XX.

Души волненьемъ утомленъ,
 Опять на землю князь ложится,
 Трещитъ огонь и дымъ клубится...
 И что же? Призракъ видѣть онъ:
 Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
 На саблю опершись рукой,
 Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
 Печальный, блѣдный и худой.
 Спросить хотѣлось Измаилу:
 Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
 И свѣтъ дрожащаго огня,
 Упавъ на смуглые ланиты,
 Черкесу придалъ видъ сердитый.
 —«Чего ты хочешь отъ меня?—
 Гостепріимства и защиты?»
 Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
 «Свой путь въ горахъ я потерялъ,

Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
 И казаковъ моихъ убили,
 И вѣрный конь подъ мною палъ.
 Спасти, убить врага ночнова
 Равно ты можешь. Не боюсь
 Я смерти: грудь моя готова,
 Твоей я чести предаюсь!
 — Ты правъ: на честь мою надѣйся!
 Вотъ мой огонь — садись и грѣйся».

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была,
 Свѣтила на небѣ блистали,
 Луна за облакомъ спала,
 Но люди ей не подражали.
 Передъ огнемъ враги сидять,
 Хранять молчанье и не спятъ.
 Черты пришельца возбуждали
 У князя новыя мечты:
 Онѣ ему напоминали
 Давно знакомыя черты.
 То не игра воображенья!
 Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
 И такъ пришельцу говорилъ
 Нетерпѣливый Измаиль:
 — «Ты молодъ, вижу я. За славой
 Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
 Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
 Съ необразованной толпой.
 За что завистливой рукой
 Вы возмущали нашу долю?
 За то, что бѣдны мы, и волю,
 И степь свою не отдадимъ
 За злато роскоши нарядной;
 За то, что мы боготворимъ,
 Чтобъ презираете вы хладно!
 Не бойся, говори смѣлый:
 Зачѣмъ ты на насъ возненавидѣлъ.

Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?»

XXII.

«Ты ошибаешься, черкесъ!»
Съ улыбкой русскій отвѣтъ.
«Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ и темный лѣсъ;
Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
Встрѣчая пышную зарю,
И ваше племя я люблю;
Но одного я ненавижу:
Черкесъ онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой—
Себѣ, иль князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чemu оять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье миѣ укоръ;
Но выслушай, ты все узнаешь,
И самъ досадой занылаешь»...

XXIII.

«Ты знаешь, вѣрио, что служилъ
Въ Россійскомъ войскѣ Измаилъ,
Но, образованный межъ нами,
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался:
Для нашихъ женщинъ—онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ воображенье,
Повелѣвалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ наслажденье
Не почиталъ онъ никогда;
Не знаю, было то презрѣнья
Къ законамъ стороны чужой

Или испорченные чувства...
 Любовью женщинъ, ихъ тоской
 Онъ веселился, какъ игрой;
 Но избѣжать его искусства
 Не удался ни одной.

XXIV.

«Черкесь! видаль я здѣсь прекрасныхъ
 Свободы нѣжныхъ дочерей:
 Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
 Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
 Ты не любилъ!... Ни словъ опасныхъ,
 Ни устъ волшебныхъ не зналъ:
 Кудрями дѣвы золотыми
 Ты въ упоеніи не игралъ;
 Ты клятвамъ страсти не внималъ
 И не былъ ты обманутъ ими...
 Но я любилъ!... Судьба меня
 Блестящей радугой манила,
 Невольно къ безднѣ подводила...
 И ждалъ я счастливаго дня!
 Своей невѣстой дорогою
 Я смѣль ужъ ангела назвать,
 Невиннымъ ласкамъ отвѣтить
 И съ райской дѣвой забывать,
 Что рая нѣть ужъ подъ луною.
 И вдругъ ударила страшный часъ—
 Причина долголѣтней муки:
 Призывъ войны, отчизны гласъ,
 Раздался вѣстникомъ разлуки.
 Какъ дымъ, разсвѣялись мечты...
 Тотъ день я буду помнить вѣчно...
 Черкесь, черкесь! ни съ кѣмъ, конечно,
 Ни съ кѣмъ не разставался ты?...

XXV.

«Въ то время Измаилъ случайно
 Невѣstu увидалъ мою,
 И страстью запылалъ онъ тайно.

Межъ тѣмъ, какъ въ дальномъ я краю
 Искалъ въ бояхъ конца, иль славы—
 Сластолюбивый и лукавый,
 Онъ сердце дѣвы молодой
 Опуталъ сѣтью роковой.
 Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
 Къ себѣ довѣрѣнность вселять,
 Насмѣшкой скромность побѣждать,
 И, побѣждая, видъ покорный
 Хранить—иль весь огонь страстей
 Мгновенно открывать предъ ней!...
 Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
 Ея желанья; вѣдалъ онъ
 Что быть не могъ ея супругомъ,
 Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ—
 И обольщенная упала
 На грудь убійцы своего!
 Кромѣ любви, она не знала,
 Она не знала ничего...

XXVI.

«Но скоро скучу пресыщенья
 Постигъ виновный Измаилъ.
 Таиться не было терпѣнья,
 Когда погасъ минутный пылъ;
 Оставилъ жертву обольститель
 И удалился въ край родной,
 Забывъ, что есть на небѣ мститель,
 А на землѣ еще другой!
 Моя рука его отыщетъ
 Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
 И казни грозный мечъ просвищетъ
 Надъ непреклонной головой.
 Пусть ликъ одежда измѣняеть;
 Не взоръ—душа врага узнаеть!...

XXVII.

«Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
 Какъ справедлива месть моя.

Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
 Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ!...
 О, если бъ могъ пересказать я,
 Изобразить ужасный часъ,
 Когда прелестное созданье
 Я въ унижены увидалъ
 И безотчетное страданье
 Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!...
 Она разсудокъ потеряла:
 Рядилась, пѣла и плясала,
 Иль сидя молча у окна,
 По цѣлымъ дніямъ; какъ бы не зная,
 Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
 Ждала измѣнника она.
 Вся жизнь погибшей дѣвы милой
 Остановилась на быломъ;
 Ея безумье даже было
 Любовь къ нему и мысль о немъ...
 Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!...»
 И долго русскій говорилъ
 Про месть, про счастье, про измѣну.
 Его не слушалъ Измаиль.
 Лишь знаетъ онъ, да Богъ единій,
 Что подъ спокойною личиной
 Тогда происходило въ немъ.
 Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
 (Хоть сердце гордое и взгляды
 Не ждали отъ небесъ отрады),
 Лежалъ онъ на землѣ сырой,
 Какъ та земля, и мрачный и нѣмой.

XXVIII.

Видали-ль вы, какъ хищные и злые
 Къ оставленному трупу, въ тихій долѣ,
 Слетаются наслѣдники земные,
 Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
 Такъ есть мгновенія, краткія мгновенія,
 Когда, столпясь, всѣ адскія мученія

Слетаются на сердце и грызутъ!
 Вѣка печали стѣять тѣхъ минутъ...
 Лишь дунетъ вихрь—и сломится лилея;
 Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
 Не вынесеть минутъ подобныхъ онъ;
 Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
 Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.
 Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ:
 Все въ мірѣ есть—забвенья только нѣтъ...

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
 На небосклонѣ голубомъ
 Зубцы подъемлють золотые;
 Слилися съ утреннимъ лучомъ
 Края волнистаго тумана
 И на верху горы Шайтана
 Огонь, стыдясь передъ зарей,
 Блѣдишетъ. Тихо приподнялся,
 Какъ передъ смертю большой,
 Угрюмый князь съ земли сырой.
 Казалось, вспомнить онъ старался
 Разсказъ ужасный, и желалъ
 Себяувѣрить онъ, что спалъ;
 Желалъ бы счастье онъ все мечтою,
 И по челу провелъ рукою;
 Но грусть—жестокій властелинъ!
 Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
 Пришельцу быть проводникомъ;
 Не зная думать что о немъ,
 Согласенъ юноша смущенный.
 Идутъ они глухимъ путемъ;
 Но ихъ тревожитъ все: то птица
 Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
 То краснобокая лисица

Въ кусты цвѣтущиे нырнетъ.
 Они все ниже, ниже сходятъ
 И рукъ отъ сабель не отводятъ.
 Черезъ опасный переходъ
 Спѣшать, нагнувшись, безъ оглядки;
 И вновь на холмъ крутой взошли--
 И цѣпью русскія палатки,
 Какъ на почлегѣ журавли,
 Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
 Тогда черкесь остановился,
 За руку путника схватилъ—
 И кто бы, кто не удивился?
 По-русски съ нимъ заговорилъ.

XXXI.

«Прощай! ты можешь безопасно
 Теперь итти въ шатры свои.
 Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
 Ты хочешь потопить въ крови
 Свою печаль! Страхись; быть можетъ,
 Раскаянье прибавишь къ ней.
 Болѣзни этой не поможетъ
 Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
 Напрасно здѣсь, въ kraю далекомъ,
 Ты губишь прелесть юныхъ дней.
 Нѣть! не достать враждѣ твоей
 Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
 Онъ палачамъ судей земныхъ
 Не уступаетъ жертвъ своихъ!
 Твоя бѣла рука не устрашила
 Того, кто борется съ судьбой:
 Ты худо знаешь Измаила;
 Смотри жъ: онъ здѣсь передъ тобою!»
 И съ видомъ гордаго презрѣнья
 Отвѣта князь не ожидалъ;
 Онъ скрылся межъ уступовъ скаль...
 И долго русскій, безъ движенья,
 Одинъ, какъ вкопаный, стоялъ.

XXXII.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
 Расположась военнымъ станомъ,
 Толпа черкесовъ удалыхъ
 Сидѣла вкругъ огней своихъ.
 Они любили Измаила:
 Съ нимъ вмѣстѣ слава иль могила,
 Имъ все равно, лишь только бѣ съ нимъ!
 Но не могла бѣ судьба однимъ
 И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
 Сковать людей съ умомъ простымъ
 И съ безикойною душою:
 Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбекъ!
 [Таковъ повсюду человѣкъ].

XXXIII.

Сидѣть наѣздники безпечно.
 Курятъ турецкій свой табакъ;
 И князя ждутъ они. «Конечно,
 Когда исчезнестъ очи мракъ,
 Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
 Смирить враждебныя дружины,
 И вздрогнутъ передъ нимъ они,
 Какъ Росламбекъ и уздени!»
 Такъ, иѣсно воли напѣвая,
 Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
 Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
 Подругѣ думъ любви мятежной,
 Прекрасный юноша стоялъ—
 Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
 Онъ также Измаила ждалъ,
 Но не беспечно. Трепетъ тайный
 Порывамъ сердца измѣнялъ,
 И вздохъ тяжелый, не случайный,
 Не разъ изъ груди вылеталъ;
 И онъ явился къ Измаилу,

Чтобъ раздѣлить съ нимъ—хоть могилу;
 Увы! такая ли рука
 Въ куски изрубить казака?
 Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,
 Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
 Зачѣмъ онъ здѣсь и ночью темной
 Лицомъ прелестный, какъ любовь,
 Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
 Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
 Хотя страшился онъ сказать,
 Не трудно было бъ отгадать,
 Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
 Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже,
 Хранитъ причину отъ людей
 Своихъ надеждъ, своихъ страстей,
 И тайна юнаго Селима,
 Чуждаясь усть, ланитъ, очей,
 Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
 Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

*She told nor whence, nor why she left behind
 Her all for one who seem'd but little kind.
 Why did she leave him? Curious fool!—be still—
 Is human love the growth of human will?*

L. Byron (Lara XXII).

I.

Какія степи, горы и моря
 Оружію славянъ сопротивлялись?
 И гдѣ велѣнью русскаго царя
 Измѣна и вражда не покорялись?
 Смирись, черкесь! и западъ и востокъ,
 Быть можетъ, скоро твой раздѣлять рокъ.
 Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
 «Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
 Настанетъ часъ—и новый, грозный Римъ
 Украсить Сѣверъ Августомъ другимъ.

II.

Горятъ аулы: иѣть у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты.
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Брывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей;
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою;
Но жены горѣ не съ женскою душою:
За поцѣлуемъ вслѣдъ звучить кинжалъ—
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ.
«Отмсти, товарищъ!» и въ одно мгновеніе
[Достойное за смерть убійцы мищење]
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ—черкесской вольности костеръ.

III.

Въ аулѣ дальнемъ Росламбекъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ обѣять,
Но у него коварныя есть думы—
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаилъ?—Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыни усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они—какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгновеніе.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ

И не плѣнялся именемъ героя;
 Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
 Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ.
 Недолгій жаръ ногасъ; душой усталый,
 Его бы не желалъ онъ воскресить:
 И не родной аулъ—родныя скалы
 Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
 Какъ за прозрачной пеленою...
 Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
 На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
 Орла на вышинѣ беззвѣтной;
 Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
 Въ пещеру дикую прокрался,
 И гладкій черенъ озарилъ,
 И самъ на жителѣ могиль
 Передъ кончиной разыгрался,
 И по разбросаннымъ костямъ,
 Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
 Скользнулъ огнистой полосою,
 Дивясь ихъ вѣчному покою.
 Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
 Недвижныхъ также—но живыхъ...
 И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
 Они беспечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно—Измаилъ.
 Безвѣстной думой угнетаемъ,
 Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
 Какъ мы нерѣдко провожаемъ
 Гостей докучливыхъ; на немъ
 Черкесскій панцырь и шеломъ,
 И пятна крови омрачали
 Мѣстами блескъ военной стали.
 Младую голову Селимъ
 Вождю склоняется на колѣни;

Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота ни иени
Не слышалъ на его устахъ....
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ—
И весель трудъ ему и страхъ.

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсицы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жестко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученъемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ кося, иль конь сомнѣть.

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говорить во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился.
Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
«Ты могъ забыть?—Любви не нужно

Одной лишь нѣжности наружной....
 Оставь же!» сонный говорилъ.
 —Кого оставить?—Князь спросилъ.
 Селимъ умолкъ, но на мгновеніе;
 Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣніе?
 На всемъ лежитъ его презрѣніе....
 Увы! чтб значать передъ нимъ
 Простая дѣва иль Селимъ?
 Такъ будетъ вѣчно между нами...
 Зачѣмъ безцѣнными устами
 Онъ это имя освятилъ?»
 —Не я лъ? подумалъ Измаиль;
 И, погодя, онъ слышитъ снова:
 «Ужасно, Боже! для дѣтей
 Проклятие отца родного,
 Когда на склонѣ позднихъ дней
 Оставленъ ими... но страшнѣй
 Его слеза!...» Еще два слова
 Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
 Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощенія,
 И улетѣлъ.—Изъ состраданья,
 Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И, вздрогнувъ, юноша проснулся,
 Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
 Когда онъ ясно увидалъ,
 Что на колѣняхъ друга спалъ.
 Но, покраснѣвши, сновидѣніе
 Пересказать стыдился онъ,
 Какъ будто бы лукавый сонъ
 Имѣлъ съ судьбой его сношеніе.
 Не отвѣчая на вопросъ
 [Примѣта явная печали],
 Шипалъ онъ листья дикихъ розъ
 И наконецъ двѣ капли слезъ
 Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
 И, съ быстротой отворотясь,

Онъ слезы осушилъ рукою...
 Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
 Но не смутился онъ душою
 И приписалъ онъ простотѣ,
 Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
 Конечно, самъ давно не зналъ онъ
 Печалей сладостныхъ любви,
 И самъ давно не предавалъ онъ
 Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
 Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
 Не разъ, лициною искусства,
 Слезой и сердцемъ ледянымъ,
 Когда обмановъ самъ чуждался,
 Обманутъ былъ онъ—и боялся
 Онъ вѣрить только потому,
 Что вѣрилъ иѣкогда всему...

И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
 Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
 Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный;
 Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
 Гдѣ льстить намъ зло, но болѣе тревожить,
 Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
 И гдѣ они, покорствуя страстиамъ,
 Раскаянье одно приносятъ намъ...

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ...
 Сребристый стелется ковыль
 Вокругъ пещеры; сумракъ бродить
 Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
 Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,
 И крикъ черкесовъ по зарѣ
 Гудить, теряясь въ пустынѣ...
 Селимъ все слышалъ на горѣ;
 Стремглавъ въ пещеру онъ вѣгаеть:
 «Они! они!» онъ восклицаетъ,

И князя нѣжною рукой
 Влечеть онъ быстро за собой.
 Вотъ первый всадникъ показался;
 Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
 Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
 За нимъ другой, еще другой—
 И вереницею тянулись
 Они по узкому пути:
 Тамъ, если бъ два коня столкнулись,
 Назадъ бы оба не вернулись,
 И не могли бъ впередъ итти.

XII.

Толна джигитовъ * удалая,
 Передъ горой остановясь,
 Съ коней измученныхъ слѣзая,
 Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь—
 И все утихло; уваженье
 Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
 Но уваженіе—не страхъ,
 Не власть его основа—миѣнье;
 «Какія вѣсти?»—Русскій станъ
 Пришелъ къ Оссаевскому Полю,
 Имъ льстить и бѣдность нашихъ странъ!
 Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
 Молчать. «Такъ дайте жъ отдохнуть
 Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
 Въ бою мы рады лечь костями;
 Чего же лучшаго намъ ждать?
 Но въ цвѣтѣ жизни умирать,
 Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!...»

XIII.

Блѣднѣеть юноша и взоръ
 Попятно выразилъ укоръ.
 «Нѣть, говорить онъ: я повсюду
 Въ изгнаньѣ, въ битвѣ—спутникъ твой;
 Нѣть! клятвы я не позабуду—

* Наѣздники.

Угаснуть или жить съ тобой.
 Не робокъ я подъ свистомъ пули—
 Ты видѣлъ это, Измаилъ!
 Меня враги не ужаснули,
 Когда ты, князь, со мною былъ.
 И съ твоего чела не я ли
 Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
 Когда друзья твои бѣжали,
 Чьи рѣчи, ласки прогоняли
 Суровый мракъ твоей печали?
 Мои слова, моя любовь!
 Возьми, возьми меня съ собою!
 Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
 Могу... И что мнѣ смерть! О, нѣтъ!
 Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
 Моя душа не дорожила;
 Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ—
 Но не оставлю Измаила!»

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
 И наконецъ, отворотясь,
 Онъ протянулъ Селиму руку;
 И крѣпко тотъ ее пожалъ
 Зато, что смерть, а не разлуку
 Печальный знакъ сей обѣщалъ.
 И долго витязь такъ стоялъ;
 И подъ нависшими бровями
 Блеснуло что-то; и слезами
 Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
 Когда бъ не скрылся онъ опять.

XV.

По косогору ходятъ кони;
 Колчаны, ружья, сѣдла, брони
 Въ пещеру на ночь снесены;
 Огни у входа зажжены.
 На князѣ яркая кольчуга
 Блестить красиѣя; погруженъ

Въ мечтанье горестное онъ;
 И отъ страстей, какъ отъ недуга,
 Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
 И говорить Селимъ: «навѣрно,
 Тебя терзаетъ духъ пещерной!
 Дай, пѣсни я тебѣ спою;
 Нерѣдко дѣва молодая
 Ее поетъ въ моемъ краю,
 На битву друга отпуская.
 Она печальна; но другой
 Я не слыхалъ въ странѣ родной;
 Ее пѣвала мать родная
 Надъ колыбелію моей.
 Ты, слушая, забудешь муки,
 И на глаза навѣютъ звуки
 Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней.»
 Селимъ запѣлъ, и ночь кругомъ внимаетъ,
 И пѣсни ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА.

Мѣсяцъ плыветъ
 И тихъ и спокойнъ;
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ.

Ружье заряжаетъ джигитъ
 И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый! смѣлѣе
 Ввѣряйся ты року,
 Молися Востоку,
 Будь вѣренъ Пророку,
 Любви будь вѣрнѣе!

«Всегда награжденъ,
 Кто любить до гроба;
 Ни зависть ни злоба
 Ему не законъ;

Пускай его смерть и погубить:
 Одинъ не погибнетъ, кто любить!

«Любви измѣнившій—
 Измѣной кровавой,
 Врага не сразивши—
 Погибнуть безъ славы;
 Дожди его ранъ не обмоютъ,
 И звѣри костей не зароютъ!»
 Мѣсяцъ плыветъ
 И тихъ и спокоенъ;
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ...
 —————

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
 Воскликнулъ князь: «зачѣмъ упрекъ?...
 Тебя ль послушаетъ Пророкъ?...
 Тамъ, облить кровью, въ битвѣ шумной,
 Твои слова я заглушу,
 И разорву ея оковы,
 И память въ сердцѣ удушу...
 Вставайте?... Какъ? Вы не готовы?...
 Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!...
 Друзья, коней!... Вы не слыхали?
 Удары, топотъ, визгъ ядра,
 И крикъ и трескъ разбитой стали.
 Я слышалъ... О, не пой, не пой!
 Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что же?
 Ты недовольна? Боже, Боже!...
 Зачѣмъ казнить ея рукой?...»
 Такъ рѣчъ его оторвалася
 Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
 Невнятно, какъ далекій громъ.
 Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
 До половины освѣщенный,
 Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
 Стоялъ недвижимъ Измаиль,
 Какъ призракъ злой, отъ сна могиль
 Волшебнымъ словомъ пробужденный.
 Онъ взоръ всей силой устремилъ

Въ пустую степь, грозилъ рукою,
 Чему-то страшному грозиль:
 Иначе, какъ бы Измаиль
 Смутиться твердой могъ душою?—
 И понялъ наконецъ Селимъ,
 Что витязь говориль не съ нимъ...
 Неосторожный! онъ коснулся
 Душевныхъ струнъ—и звукъ проснулся,
 Растрогнувъ хладную тюрьму...
 И самъ искусству своему
 Селимъ невольно ужаснулся...

XVI.

Толпа садится на коней.
 При свѣтѣ гаснущихъ огней
 Мелькаютъ сумрачныя лица.
 Такъ опоздавшая станица
 Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
 Вдругъ поднимается съ полей...
 Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье—
 Все дышитъ буйствомъ и войной;
 Во всемъ приличія незнанье,
 Отвага дерзости слѣпой.

XVII.

Свѣтлѣеть небо полосами;
 Заря межъ синими рядами
 Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
 Вдолъ по лощинѣ Ѣдетъ князь.
 За нимъ черкесы цѣпью длинной.
 Признаться, конь по сѣдоку:
 Бѣжитъ и будто вѣтръ пустынnyй,
 Скользящій шумно по песку,
 Крутится, вѣтсѧ на скалу;
 Онъ былъ, какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
 Его замѣтить могутъ очи.
 Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
 Отягощенъ своимъ нарядомъ,
 Селимъ проворный Ѣдетъ рядомъ,

На кобылицѣ вороной.
 Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойной,
 Плынетъ отважно и спокойно—
 И вдругъ, по тверди голубой
 Отрывокъ тучи громовой,
 Грозы дыханіемъ гонимый,
 Какъ черный лоскуть мчится мимо;
 Но, какъ не бейся, въ вышинѣ
 Онъ съ тѣмъ не станетъ наравиѣ.

XVIII.

Ужъ близко роковое поле.
 Кому-то пасть рѣшить судьба?...
 Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
 И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
 И пушки голосъ громовой
 Раздался скоро за горой.
 И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою:
 «Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
 Сказалъ и бросилъ повода.
 Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
 Онъ не казался! Повелитель,
 Герой по взорамъ и рѣчамъ,
 Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
 Летѣлъ, какъ ангель-истребитель:
 И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
 Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
 Отрядъ могучихъ казаковъ
 Гнался за малою ватагой
 Неустранныхъ удальцовъ.
 Всю эту ночь они блуждали
 Вокругъ непріязненныхъ патровъ,
 Ихъ часовые увидали—
 И пушка гранила по нимъ.
 И витязи сиѣшатъ на встрѣчу.
 Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ

Они поддерживали съчу,
 Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
 Что смерть ихъ можетъ испугать.
 Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
 Одинъ подъ саблею свалился,
 Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
 Былъ въ поле унесенъ конемъ,
 И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
 Оружье брось—надежды нѣтъ;
 Черкесъ, читай свои молитвы!
 Въ крови твой шелковый бешметъ,
 Тебѣ другой не видѣть битвы...
 Вдругъ пыль и крикъ—онъ имъ знакомъ:
 То крикъ родной, не бесполезный!
 Глядятъ—и видятъ надъ холмомъ
 Стоить ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Недолго Измаилъ стоялъ!
 Вздохнуть коню онъ только далъ,
 Взглянулъ и ринулся, и смялъ
 Враговъ, и путь за нимъ кровавый
 Межъ ихъ рядами виденъ сталъ,
 Вездѣ, налево и направо,
 Чертя по воздуху круги,
 Удары шашки упадаютъ:
 Не видятъ блескъ ея враги
 И беззащитно умираютъ.
 Какъ юный левъ, разгорячась,
 Въ средину ихъ врубился князь;
 Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
 Но что жъ? Его хранить Пророкъ!
 Шеломъ удары не согнули,
 И худо мѣтится стрѣлокъ.
 За нимъ погибель разсыпая,
 Вломилась шайка удалая,
 И чрезъ минуту шумный бой
 Разсыпался въ долинѣ той

XXI.

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлыхъ трамскихъ табуновъ,
Разсѣдланный, хладъя постепенно,
Лежалъ издохшій конь, и передъ имъ,
Участiemъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесь. Соратника лишенный,
Крестомъ скавъ руки и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ.
Его печаль—была печаль героя.
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугъ подскакалъ Селимъ,
[Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы].

XXII.

— Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Чуда онъ скрылся? «Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣ,
Гдѣ гуще пыль, и смерти крикъ сильнѣ,
Гдѣ кровью облитъ мертвай и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣть надежды никакой.
Онъ тамъ... Смотри: летить какъ съ неба пламя.
Его шишакъ и конь—вотъ наше знамя!
Онъ тамъ; какъ духъ, разить и невредимъ,
И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда степей свободы.

XXIII.

Кто этотъ русскій съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ.
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила—и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно; обманулся
Его свинецъ!—но выстрѣль роковой

Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «ты вновь передо мной!...»
Свидѣтель Богъ: не я тому виной!...»
Воскликнулъ онъ: и шашка зазвенѣла,
И отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И миръ ему! въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено.

XXIV.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки:
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ во слѣдъ,
И никому пощады нѣть.
Но что жъ? Побѣда измѣнила.
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издалеча,
Направя синie штыки
Спѣшать ширванскіе полки...
Навстрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за поводъ коня схватилъ

Черкесъ, и въ горы за собою—
 Какъ не противился сѣдокъ—
 Коня могучаго увлекъ.
 И ни малъшаго движенья
 Среди всеобщаго смятенья
 Не упустилъ младой Селимъ:
 Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
 Ударъ судьбы благословляетъ
 И быстро слѣдуетъ за нимъ.
 Не стыдъ, но горькая досада
 Героя медленно грызетъ.
 Жизнь побѣжденнымъ не награда...
 Онъ на друзей не кинулъ взгляда
 И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
 Тѣмъ слаже предаваться намъ
 Предположеньямъ и мечтамъ.
 Родится ль тайное пристрастье
 Къ другому миру, хоть и тамъ
 Судьбы примѣтно самовластье,
 Мы все свободнѣе даримъ
 Ему надежды и желанья;
 И украшаемъ, какъ хотимъ,
 Свои воздушныя созданья.
 Когда забота и печаль
 Покой душевный возмущаютъ,
 Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
 Душа и мысли улетаютъ,
 И ловятъ сны, въ которыхъ нѣть
 Сѣдовъ и тѣней прежнихъ лѣтъ.
 Но умъ, сомнѣніемъ охлажденный,
 И спорить съ рокомъ пріученный,
 Не уладить, не позабыть
 Свои страданія желаетъ,
 И если иногда мечтаетъ,
 То онъ мечтаетъ—побѣдить.

И, зная собственную силу,
Пока не сбросить прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу.

XXVI.

Онъ раненъ; кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышитъ;
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность на челѣ;
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его бы съ жизнью разлучило.
Будь передъ міромъ онъ злодѣй—
Чтѣмъ для любви слова людей?
Чтѣмъ ей небесь опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь—гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло.

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони;
Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой,
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И бесполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты

Висятъ, за шапки задѣвая;
 И съ неприступной высоты,
 На новыхъ путниковъ взирая,
 Чернѣеть серна молодая...
 Налѣво—пропасть; по краямъ
 Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
 Всегда обрушиться готовый.
 Внизу свирѣпъ и одинокъ,
 Никѣмъ невѣдомый потокъ,
 Какъ тигръ Америки суровый,
 Бѣжитъ гремучею волной;
 То блещетъ бахромой перловой,
 То изумрудною каймой;
 Какъ двѣ семьи враждебный геній—
 Два гребня раздѣляеть онъ.
 Вдали на синій небосклонъ
 Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
 Ведутъ желаніе и взглядъ
 Сквозь облака, которыхъ тѣни
 По nimъ мелькаютъ и спѣшатъ:
 Смѣняя въ зависти другъ друга,
 Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
 И мнится, что подъ солнцемъ юга
 Въ нихъ страсти южныя кипятъ.

XXVIII.

Ужъ полдень. Измайлъ слабѣеть...
 Пылаеть солнце высоко,
 Но есть надежда: дымъ синѣеть,
 Роднай аулъ недалеко...
 Тамъ, гдѣ кустарникомъ покрыты,
 Встаютъ красивые граниты
 Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
 Есть поворотъ и путь, прорытый
 Арбы скрипучимъ колесомъ.
 Оттуда кровы земляные,
 Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
 Аргуны воды голубыя,

Какъ подъ ногами, встрѣтить взоръ...
Достигнуть поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
И бѣлый конь сильный рванулся...
Не вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тягостью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежаль безъ чувства на землѣ;
Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часть его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать прахъ.
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
Нѣть! нѣть! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склоняясь въ отчаянны надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ надшимъ гнется алтаремъ—
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одночье.
И если бъ страшное мгновеніе
Всѣ мысли не убило въ немъ.
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы провидѣнья...

XXX.

Встаетъ, глядѣть кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ.
Зоветъ—и тучка дождевая

Летитъ на зовъ его одна,
 По вѣтру крылья простирая,
 Какъ смерть темна и холодна.
 Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
 Одѣла путниковъ она—
 И юноша въ испугѣ новомъ!
 Прижавшись къ другу съ быстротой;
 «О, пощади его... постой!»
 Воскликнулъ онъ: «я вижу ясно,
 Что ты пришла меня лишить
 Того, кого люблю такъ страстно,
 Кого слабѣй нельзѧ любить;
 Ступай, ищи другихъ по свѣту;
 Всѣ жертвы бога твоего!...
 Ужель меня несчастнѣй нѣту,
 И нѣтъ виновнѣе его?»

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
 Хотя не понялъ онъ моленій,
 Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
 Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣль—
 Онъ былъ далеко. Освѣженный
 Его прохладою мгновеній,
 Очнулся блѣдный Измаилъ.
 Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
 Онъ слабъ: другую ищетъ руку,
 Его дрожащая рука;
 И, каждому внимая звуку,
 Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
 И все, чтѣ близко, отдаленно,
 Предъ нимъ яснѣеть постепенно...
 Гдѣ жъ другъ послѣдній, гдѣ Селимъ?
 Глядитъ... и что же передъ нимъ?
 Глядитъ... уста оледенѣли,
 И мысли зреѣнемъ овладѣли...
 Не могъ бы описать подобный мигъ
 Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ:
Раскрылась грудь, на шолковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ —
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О, небо, небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль?
Оставить — страшно, уничтожить — жаль?
Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая
Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
И любить ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣсто подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцѣловалъ онъ нѣжныя ланиты —
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила;
Смущаются Зару ласки Измаила;
Но сердцу какъ ума не соблазнить?
И какъ любви стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли — святыни
И только для людей порокъ она;
Во всей природѣ дышитъ сладострастье,
И только люди иокупаютъ счастье.

Прошло два года, все кипѣть война;
Безплодного Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знайный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.

Казалось, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая мѣсть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуетъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная скрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце былое,
Какимъ владѣть онъ недостоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спить послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами муки
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ —
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ:
Кто бѣ Измаила смѣлъ спросить о томъ?

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры золата,
Задумчивъ на курганѣ Измаиль
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышной картины,
Разливъ зари и лѣдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣть страстей?
О чёмъ бы онъ ни думалъ — Западъ дальней
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...
Но что за выстрѣль?... Дымъ взвился бѣлъ,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,

Друзьями окруженъ, любимецъ брани
 Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
 Послѣдній лучъ зари еще игралъ
 На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
 Его лицу румянецъ, и казалось,
 Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
 Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
 Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
 Когда душа отторгнулась отъ тѣла
 Его лица оставить не успѣла.
 Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
 Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный;
 Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой;
 Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной...
 Гремучій ключъ катился невдали,
 Къ его струямъ черкесы принесли
 Кровавый трупъ. Растигнуть ихъ рукою
 Чекмень, пробитый пулей роковою,
 И грудь обмыть они уже хотятъ...
 Но почему ихъ омрачился взглядъ?
 Чего они такъ явно ужаснулись?
 Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
 Зачѣмъ? Какой-то локонъ золотой
 [Конечно талисманъ земли чужой],
 Подъ гробою одеждью измятый,
 И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
 Блистали на груди у мертвѣца...
 — «И кто бы отгадаль! — джаяуръ проклятый!
 Нѣть, ты не стоилъ лучшаго конца;
 Нѣть, мусульманинъ вѣрный — Измаилу,
 Отступнику, не выроеть могилу!...
 Того, кто презиралъ людей и рокъ,
 Кто смертю игралъ такъ своенравно,
 Лишь ты низвергнуть смѣль, святой Пророкъ!
 Пусть, не оплаканъ, онъ сгинетъ безславно,
 Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!...»
 [Оконченъ 10 мая 1832].

М. Лермонтовъ.

1831—1832.

Каллы.*

(Черкесская повесть).

[Повесть эта писана была около 1832 года и рукопись ея, сохранившаяся въ Публичной библиотекѣ, писанная на бумагѣ 1826 года, носить на себѣ признаки ранняго творчества. Въ этомъ видѣ была она напечатана въ декабрьской книжкѣ «Русской Старинѣ» 1882 года; но еще раньше того мною въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» того же года, въ исправленномъ видѣ, по списку начала 30-хъ годовъ, сохранившемуся въ бумагахъ г-жи Верещагиной. Надо полагать, что поэтъ исправлялъ поэму эту позднѣе—въ бытность свою въ Школѣ Гвардейскихъ Юнкеровъ, потому что въ спискѣ г-на Хохрякова въ концѣ набросано стихотворение:

Въ рядахъ стояли бесмолвной толпой,

Когда хоронили мы друга. (Т. I стр. 243).

Стихотвореніе очевидно относится къ «Товарищу улану» (вѣроятно къ Сиверсу, умершему въ школѣ въ 1833 году). Должно быть поэтъ, исправляя «Каллы», все-таки исправленіями не удовлетворился, и передѣлалъ поэму. Изъ этой передѣлки вышелъ «Хаджи Абреќъ», съ которымъ «Каллы» имѣть много общаго, какъ уже замѣчено мною при первомъ ея вышеупомянутомъ изданіи въ «Русской Мысли». Въ изданіяхъ стихотвореній Лермонтова поэма печаталась только въ небольшомъ отрывкѣ].

* Черкесскій убийца. М. Л.

'T is the clime of the East; 't is the land of the Sun—
 Can he smile on such deeds as his children have done?
 Oft wild as the accents of lovers' farewell
 Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.
 (The Bride of Abydos). Byron *.

I.

«Теперь насталъ урочныи часъ,
 И тайну я тебѣ открою.
 Мои совѣты—Божій гласть;
 Клянись имъ слѣдоватъ душою...
 Узнай: ты чудомъ сохраненъ
 Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
 Чтобъ неба оправдать законы
 И отомстить за пораженныхъ.
 Нѣть, не тебѣ принадлежать
 Твои часы отъ дня рожденія:
 Ты на землѣ—орудье мщенья,
 Палачъ, а жертва—Акулатъ...
 Отецъ твой, мать твоя и братъ,
 Отъ рукъ злодѣя погибая,
 Молили небо объ одномъ:

* Тотъ край—Востокъ, то—солнца сторона!
 Въ ней дышеть все божественній красою;
 Но люди тамъ съ безжалостной душою...
 Земля, какъ рай... Увы! зачѣмъ она—
 Прекрасная—злодѣятъ предана?
 Въ ихъ сердцѣ—мѣсть, ихъ повѣсти печальныы,
 Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.
 Байронъ: «Невѣста Абидосская» (перев. Козлова).

Чтобъ хоть одна рука родная
 За нихъ развѣдалась съ врагомъ!
 Такъ будь же ты суровъ и мраченъ,
 Забудь о жалости пустой,—
 На грозный подвигъ ты назначенъ
 Закономъ, клятвой и судьбой.
 За всѣ минувшія злодѣйства
 Изъ обреченаго семейства
 Ты никого не пощади.
 Удариль часть ихъ истребленья!
 Возьми жъ мои благословенья,
 Кинжалъ булатный и—поди!».
 Такъ говорилъ мулла жестокій,
 А кабардинецъ черноокій,
 Безмолвно чистя свой кинжалъ,
 Уроку мщенія внималъ.
 Онъ молодъ сердцемъ и годами,
 Но чуждый страха,—онъ готовъ
 Обычай дѣдовъ и отцовъ
 Исполнить свято надъ врагами;
 Онъ поклялся своей рукой
 Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II.

Погаснуль день. Угрюмо бродить
 Аджи вкругъ сакли... Ужъ давно
 Въ горахъ все тихо и темно.
 Луна, какъ яркое пятно,
 Изъ тучки въ тучку переходитъ:
 То въ ней померкнетъ, то блеснетъ.
 Какъ призракъ, юноша ползетъ
 Беззвучно къ вражьему порогу,
 Кинжалъ изъ кожаныхъ ноженъ
 Освобождаетъ понемногу—

И вотъ дыханье слышитъ онъ...
 Аджи не долго разсуждаетъ:
 Врагу заснувшему онъ въ грудь
 Кинжалъ убийственный воизаетъ,
 И въ ней спѣшить перевернуть.
 Кому убийцей быть судьбина
 Велитъ, тотъ будь имъ до конца...
 Одинъ погибъ; но съ кровью сына
 Смѣшать спѣшить онъ кровь отца.
 Предъ нимъ стариkъ: власы сѣдыя,
 Черты открытаго лица
 Спокойны, и усы большие
 Уста закрыли баxромой;
 Какъ на молитву скжаты руки...
 Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
 Аджи? Не совѣсти ли муки
 Ты слышишь?... Вновь взмахнулъ рукой—
 И съ ложа внизъ, окровавленный,
 Скатился медленно стариkъ;
 Сталъ неподвиженъ блѣдный ликъ,
 Лобзаньемъ смерти искаженный...
 Но мщенья не совершенъ завѣть,—
 Еще послѣдней жертвы нѣтъ...
 Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышитъ,
 Но не встрѣчаетъ ничего;
 И только сердца своего
 Біенѣе трепетное слышитъ.
 А гдѣ жъ она?... Ужели нѣтъ?—
 Жила же дочка съ Акбулатомъ!
 И ждетъ ее въ семнадцать лѣтъ
 Одна судьба съ отцомъ и братомъ...
 И вотъ луны скользящій свѣтъ
 Проникнулъ въ саклю, озаряя
 Два трупа на полу сыромъ
 И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
 Спала лезгинка молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
 Передъ убіцею своимъ
 Она, раскинувшись небрежно,
 Лежала; только сонъ мятеjный,
 Волнуя дѣственную грудь,
 Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
 И вотъ, исполнены томленья,
 Открылись черные глаза
 И—тайный призракъ упоенъя—
 Блистала ярко въ нихъ слеза;
 Но, не стряхнувши грёзы ночи,
 Мгновенно вновь сомкнулись очи.
 Увы, ни радость, ни любовь,
 Ни грусть ихъ не откроютъ вновь...
 Аджи глядить, и въ думахъ тонеть
 Его душа... Урочный часъ!...
 Раздался стонъ... Кто такъ простонетъ,
 Тотъ простональ въ послѣдній разъ.
 Кому жъ пришлося такіе звуки
 Услышать,—ихъ не позабыть,
 И никогда не заглушить
 Воспоминанья тяжкой муки.

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ,
 Добытыхъ въ Персіи счастливой,
 И въ дымкѣ легкихъ облаковъ
 Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво...
 Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:
 Въ крови, съ зловѣщими очами,
 Аджи явился молодой;
 Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой—

Окаймлена волосъ волнами,
Лезгинки юной голова.
«Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
Подарокъ... Какъ вѣрны удары
Мои!...—Аджи ему сказалъ.—
Ну, что жъ, узналъ, узналъ ли старый?...»
И взмахъ руки—и ужъ торчалъ
Въ груди дымящійся кинжалъ.

V.

На вышинѣ горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озареенный,
Какъ одинокій часовой,
Бѣльется памятникъ простой:
Изъ камня столбикъ округленный,
Чалмы подобіе на немъ *;
Шиповникъ стелется кругомъ...
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ—
Свободы вѣчныя твердыни—
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другого любить безъ боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
Ни мщенья ревности она.

* Эти могильные столбики въ изобиліи разсѣяны по Кавказу. Они ставятся на выдающихся, видныхъ скалахъ и возвышенностяхъ, или же на самомъ мѣстѣ преступленія. Подъ ними зарываются убитые, требующіе кроваваго отомщенія.

VI *.

И слѣдъ Аджи простылъ... Катился
 За годомъ годъ, и вотъ въ горахъ
 Абрекъ чужой всѣмъ появился,
 Вселяя суевѣрный страхъ.
 Какъ звѣрь онъ отъ толпы таился,
 Встрѣчаться съ женщиной не могъ,—
 Быть можетъ, совѣсти упрекъ
 Въ ея чертахъ пайти страшился...
 Слѣды страданья и тревогъ
 Не укрывались отъ вниманья;

* Въ спискѣ, находящемся въ Публичной библіотекѣ и попорченномъ, глава VI представляетъ слѣдующій видъ:

И въ это время слухъ промчался,
 (Гласить преданье) что въ горахъ
 Безвѣстный странникъ показался,
 Опасный въ мирѣ и бояхъ,
 Какъ дикий звѣрь, людей чуждался;
 И женщинъ онъ ласкать не могъ!—
 Быть можетъ
 Въ его чертахъ
 Слѣды страда
 Но укрывал
 Подъ башлы
 И больше
 Онъ не гост
 И вѣрно бѣ
 На томъ къ
 Встрѣчаль ли
 Ему открыгъ был
 Хринал онъ вѣчное молчанье;
 Но не затѣмъ, чтобы подстремнуть
 Толпы болтливое вниманье;
 И онъ лишь знаетъ, почему
 Каллы ужасное прозванье
 Въ горахъ осталося ему.

[Другіе варианты въ поэмѣ не значительны и указываются на исправленіе первоначального текста, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ этотъ текстъ съ напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ»].

Подъ башлыкомъ упорный взоръ
 Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья
 Ни сожалѣнья—лишь укоръ
 Судѣбъ читался въ немъ... Никто
 Не признавалъ въ Абрекѣ друга,—
 Онъ поражалъ, какъ бичъ недуга...
 Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
 Встрѣчалъ ли днемъ,—всегда его
 Всѣ сторонились, избѣгали,
 Какъ дней проклятъя иль печали.
 Ему открыть былъ всюду путь...
 Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
 Но не затѣмъ, чтобъ подстrekнуть
 Толпы болтливое вниманье.
 И зналъ одинъ онъ, почему
 Каллы ужасное прозванье
 Въ горахъ присвоили ему.

[Въ 1830 и 1831 году были написаны и второй и третій очерки «Демона». Ихъ напечатаемъ ниже].

1833—1834.

Хаджи-Абрекъ.

[Это первое изъ сочиненій Лермонтова было отнесено товарищемъ его редактору «Библіотеки для Чтенія» и появилось въ печати, въ журнальѣ его, 1835 г. Т. XI, съ подписью «Лермонтовъ»].

Великъ, богатъ аулъ Джемать.
Онъ никому не платить дани,
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ браны,
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скаль горячихъ паръ струится,
Орель, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣеть,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣтѣть,
Гдѣ изъ утеса бѣть потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чёмъ ведеть переговоры

Совѣть джематскихъ уdalцовъ?
 Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
 На ловлю чуждыхъ табуновъ?
 Не ждутъ ли русскаго отряда,
 До крови лакомыхъ гостей?
 Нѣтъ—только жалость и досада
 Видна во взорахъ узденей.
 Покрытъ одеждами чужими,
 Сидитъ на камиѣ между ними
 Лезгинецъ дряхлый и сѣй;
 И льется рѣчъ его потокомъ,
 И вкругъ себя блестящимъ окомъ
 Печально водить онъ порой.
 Разсказу старого лезгина
 Внимали всѣ. Онь говорилъ:
 «Три пѣжныхъ дочери, три сына
 Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
 Но бури злые разразились,
 И вѣтви дрѣва обвалились,
 И я стою теперь одинъ,
 Какъ голый пень среди долинъ.
 Увы, я старъ! Мои сѣдины
 Бѣлѣе снѣга той вершины,
 Но и подъ снѣгомъ иногда
 Бѣжитъ кипучая вода!...
 Сюда, наѣздники Джемата!
 Откройте уdalъ мнѣ свою!
 Кто знаетъ князя Бей-Булата?
 Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
 Въ плѣну сестры ея увяли,
 Въ бою неравномъ братья паи:
 Въ чужбинѣ двое, а меньшой
 Пронзенъ штыкомъ передо мной.
 Онъ улыбался, умирая!
 Онъ, вѣрно, зрѣль, какъ дѣва рая
 Къ нему слетѣла предъ концомъ,
 Махая радужнымъ вѣнцомъ...

И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я, какъ святыню;
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее,
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижинѣ лишенъ;
Къ бѣдѣ я скоро пріучился;
Давно былъ къ волѣ пріученъ.
Но часъ ударилъ неизбѣжный—
И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!...
Однажды ночь была глухая,
Я спалъ... Безмолвно надо мной,
Зеленої вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь!... слышу: шопотъ—
И слабый крикъ—и конскій топотъ...
Бѣгу и вижу—подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятья.
Я съ нимъ послалъ свои проклятья.
О! для чего второй гонецъ
Настиль не могъ ихъ—мой свинецъ!
Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
И нѣть покоя для меня
Съ того мучительного дня...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте у达尔ъ мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«Я!» молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за книжалъ широкій

И въ изумлениі нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

«Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня;
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей Пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь».

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый, надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышитъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѿдеть шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
Склонился дикий виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ;
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальний отзывъ за горой
Уныло вторить пѣснѣ той.

Есть поворотъ— и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты

Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
 Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
 Смиренный различить ауль,
 И пыль, поднятую стадами,
 И пробужденья первый гулъ;
 И на краю крутого ската
 Отмѣтить саклю Бей-Булата.
 И, какъ орелъ, съ вершины горъ
 Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
 Въ тѣни прохладной, у порога,
 Лезгинка юная сидитъ.
 Предъ нею тянется дорога,
 Но грустно вдаль она глядитъ.
 Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
 Съ заботой иѣжною такой?
 Не другъ ли будетъ издалека?
 Не братъ ли съ битвы роковой?
 Отъ зноя утомясь дневного,
 Твоя головка ужъ готова
 На грудь высокую упасть.
 Рука скользнула вдоль колѣна,
 И иѣги сладостная власть
 Плечо исторгнула изъ плѣна;
 Отяготѣль твой ясный взоръ,
 Покрывшись влагою жемчужной;
 Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
 Играетъ пламя крови южной;
 Уста волшебныя твои
 Зовутъ лобзаніе любви.
 Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
 Обнять ты ищешь что-нибудь,
 И перси слабымъ трепетаньемъ
 Хотятъ покровы оттолкнуть.
 О, гдѣ ты, сердца другъ безцѣнны!...
 Но вотъ и топотъ отдаленный,
 И пыль знакомая взвилась—
 И дѣва шепчетъ: «это князь!»

Легко надежда утѣшасть;
 Легко обманываетъ глазъ;
 Ужъ близко путникъ подѣзжаетъ ..
 Увы! она его не знаетъ,
 И видитъ только въ первый разъ;
 То странникъ, въ полѣ запоздалый,
 Гостепріимный ищетъ кровъ;
 Дымится конь его усталый;
 И онъ спрыгнуть уже готовъ...
 Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
 Какъ будто крова исцугался?
 Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
 Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
 Какъ листъ отъ вѣтви молодой,
 Измятый лѣтнею грозой.
 «Что медлишь, путникъ у порога?
 Слѣзай съ походнаго коня.
 Случайный гость — подарокъ Бога.
 Кумысъ и медъ есть у меня.
 Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
 Почти же кровлю Бей-Булата!
 Когда опять пойдешь въ путь,
 Въ молитвѣ насъ не позабудь!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Леила!
 Ты гостя лаской подарила;
 И отъ отца тебѣ поклонъ
 За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
 Въ разлукѣ долгой не забылъ?
 Гдѣ онъ живеть?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ —
 То въ чуждой сакѣ, то въ пустынѣ

ЛЕИЛА.

Скажи: онъ весель? онъ счастливъ?
Скорый отвѣтствуй мнъ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождамъ и стужъ
Открыта голова его...
Но ты?...

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ (*Tихо*).
Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвишь?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.
Ничего!

Сидитъ пріинслецъ за столомъ.
Чихиръ съ серебрянымъ ишеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоять. Онъ страненъ въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онъ по немъ?

Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой береть;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поеть.
Ея глаза, какъ звѣзды, блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, по живымъ,
Душа невинная обѣята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката—
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,

Вертить его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводить—и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба я горе—все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! Перестань, Леила!
На мигъ веселость позабудь:
Скажи: ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣтай!

ЛЕИЛА.

Нѣть! Что миѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕИЛА.

Къ чему? Миѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣть!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка, вырвется, умчится...
Повѣрь миѣ—счастье только тамъ,
Гдѣ любять насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!... Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любви,
И только хотеть слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,

Когда умретъ другое счастье;
 Въ немъ преступлений сладострастье,
 Въ немъ адъ и рай души моей.
 Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
 То мучить, то ласкаетъ насъ...
 Нѣть, за единый миѳенья часъ,
 Клянусь, я не взялъ бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
 Тому назадъ, имѣль я брата;
 И онъ—такъ было суждено—
 Погибъ отъ пули Бей-Булата,
 Погибъ безъ славы, не въ бою,
 Какъ звѣрь лѣсной—врага не зная;
 Но месть и ненависть свою
 Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
 И я убийцу отыскалъ;
 И занесенъ быль мой кинжалъ...
 Но я подумалъ: «это ль миѳенье?
 Что смерть! Ужель одно мгновенье
 Заплатить мнѣ за столько лѣтъ
 Печали, грусти, муки?... О, нѣть!
 Онъ что-нибудь да въ мірѣ любить:
 Найду любви его предметъ,
 И мой ударъ его погубить!»
 Свершилось наконецъ. Пора!
 Твой часъ пробилъ еще вчера.
 Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
 Пора! я слышу голосъ брата...
 Когда сегодня въ первый разъ
 Я увидалъ твой образъ нѣжный,
 Тоскою горькой и мятежной
 Душа, какъ адомъ, вся зажглась.
 Но это чувство улетѣло...
 Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повернулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холодныя ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! Ничего не значать
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжался!... Говори—какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ!...
Погибнуть рано, рано миѣ!...
Оставь миѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣта
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, иѣтъ!»

Хаджи, въ молчаныи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокій, не видать...
Ахъ!... Боже!... Ай!... дай подождать!...
Хоть часть одинъ... одно мгновеніе!...»

Блеснула шашка. Разъ—и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукой
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвемъ
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послѣніи конь его, объятый

Внезапно страхомъ неземнымъ,
Хранитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла.

Заря блѣднѣеть; поздно, поздно!
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится—мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бѣть изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвай головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ ни дикий звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы—теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ...
То змѣй блистаетъ чешуей...
Твою гривой въ полѣ браны
Стиралъ я кровь съ могучей длані;
Въ стени глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты сиасъ.
Мы отдохнемъ въ kraю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ

Обвѣшъ русскимъ серебромъ;
 И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
 Давно ль, давно ль ты измѣнился,
 Скажи, товарищъ дорогой?
 Что рано пѣною покрылся?
 Что тяжко дышишь подо мной?
 Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
 Верхи деревъ осеребрить,
 И намъ откроется поляна,
 Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ:
 Заблещутъ, издали мелькая,
 Огни джематскихъ пастуховъ,
 И различимъ мы, подъѣзжая,
 Глухое ржанье табуновъ;
 И кони вкругъ тебя столпятся...
 Но стоитъ миѣ лишь приподняться—
 Они въ испугѣ захрапятъ
 И всѣ шарахнутся назадъ:
 Они почуютъ издалека,
 Что мы съ тобою дѣти рока!...»

Долины ночь еще объемлетъ,
 Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
 Одинъ стариkъ лишь въ немъ не спитъ;
 Одинъ, какъ памятникъ могильный,
 Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
 На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
 Его глаза на путь далекой
 Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этотъ всадникъ? Бережливо
 Сѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
 Его товарищъ долгогривый
 Поникъ усталой головой.
 Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
 Онъ что-то держитъ осторожно,
 И бережетъ, какъ свѣтъ очей.»
 И думаетъ стариkъ согбенный:

«Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнныи
Отъ милой дочери моей!»

Ужъ всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видить—Боже правый!
Своей Лейлы голову!...
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился;
Взглянувъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И склонили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,

И ярко начертала злоба
 Проклятие на ихъ челѣ.
 Обнявшись крѣпко, на земль
 Они лежали, костенѣя,
 Два друга съ виду,—два злодѣя!
 Быть можетъ, то одна мечта,
 Но бѣднымъ странникамъ казалось,
 Что ихъ лицо порой мѣнялось,
 Что все грозили ихъ уста.
 Одежда ихъ была богата,
 Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
 Въ одномъ узнали Бей-Булата,
 Никто другого не узнавъ.

[Три поэмы: «Петергофскій Праздникъ», «Уланша» и «Госпетадъ» принадлежать ко времени пребыванія Лермонтова въ Школѣ Гвардейскихъ Юнкеровъ и были имъ помѣщены въ рукописномъ товарищескомъ журнале: «Школьная Заря». Товарищи складывали написанное въ особо назначенный для того ящикъ, и изъ набравшагося материала составлялся номеръ журнала. Здѣсь описывались по большей части разныя события, имѣвшія болѣе или менѣе общей интересъ для молодого разгульного товарищества, скованнаго рамками строгой дисциплины, разныя накантные случаи или проказы школьнай и лагерной жизни и т. п. Лермонтовъ писалъ, по большей части, подъ псевдонимомъ графъ Діарбекиръ. Эти талантливые, но нескромныя произведения расширили невыгодную для поэта славу Многія лица, задѣтые безпощаднымъ стихомъ, во всю жизнь не прощали Лермонтову его насмѣшекъ. Въ то время, какъ Михаилъ Юрьевичъ расточалъ свой талантъ на потѣху общему вкусу товарищевъ, онъ таилъ отъ огромнаго большинства ихъ настоящіе перлы своего творчества. Предлагаемые отрывки поэмъ печатались въ изданіяхъ сочиненій поэта. «Петергофскій Праздникъ» и «Уланша», съ небольшими пропускаами вышли въ заграничныхъ изданіяхъ (стихотв.

М.Ю. Лермонтова, не вошедшія въ послѣднєе изданіе (Berlin, Behr's Buchhandlung). Отрывокъ изъ «Госпиталя» былъ помѣщенъ въ Русск. Стар. 1882 г. августъ, кѣмъ-то, скрывающимъ свою фамилію подъ буквами Н. Н. Героями поэмы являются, главнымъ образомъ, кн. А. Ив. Баратинскій, Н. И. Поливановъ и Шубинъ. Вполнѣ въ первый разъ напечатана поэма за границей безъ означенія мѣста [вѣроятно въ Берлинѣ] въ небольшой книжкѣ «Русский Эротъ». Въ предисловіи стоитъ 1879 годъ, что невѣрно,—книга напечатана въ концѣ 80-хъ годовъ. Во всѣхъ трехъ поэмахъ слишкомъ нескромныя выраженія я позволилъ себѣ замѣнить другими, печатая ихъ въ скобкахъ и курсивомъ. Замѣнять ихъ точками было не всегда удобно—нарушалась плавность стиха. Къ этому способу прибегали и прежніе издатели, причемъ не всегда отмѣчали свои поправки].

Петергофскій Праздникъ.

Кипитъ веселый Петергофъ;
 Толпа на улицахъ пестрѣеть;
 Печальный лагерь юнкеровъ
 Замѣтио тихнетъ и пустѣеть.
 Туманъ ложится по холмамъ,
 Окрестность сумракомъ одѣта—
 И вотъ къ далекимъ небесамъ,
 Какъ длиннохвостая комета,
 Летить сигнальная ракета.
 Волшебно озарился садъ,
 Затѣмъ либо, разнообразно.
 Толпа валитъ впередъ, назадъ,
 Толкается, зѣваетъ праздно.
 Узоры радужныхъ огней,
 Дворецъ, жемчужные фонтаны,
 Жандармы, бѣлые сultansы,
 Корсеты дамъ, гербы ливреи,
 Колеты кирасиръ мучные,
 Лядунки, ментики златые,
 Куничихъ парчевые платки,
 Кинжалы, сабли, алебарды,
 Съ гшильми фруктами лотки,
 Старухи, франты, казаки,

Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей,

Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ;
Французовъ тощихъ, толстыхъ иѣмцевъ,
И долговязыхъ англичанъ—
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ темныхъ и густыхъ,
И сверху ярко освѣщалось
Огнями, стеклянокъ росписныхъ.

Гурьбу товарищей покинувъ,
У моста Бибиковъ стояль,
И, каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный, мечталъ...

Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.
Стоитъ онъ, пасмурный и пьяный,
Уставъ одинъ бродить вездѣ,
Съ досадой глядя на фонтаны,
Ворчить . . .

. . . . «Два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшино сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять!...
Нѣтъ, видишь, гонять, какъ скотину—
Ступай-ка въ садъ, да губъ не дуй»,

Умолкъ, поникнувъ головою;
Народъ толпясь шумитъ вокругъ;
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,

За фалду дернуль, тронуль каску.
 Кутила вздрогнуль изумленъ:
 Романа чуднаго завязку
 Ужъ предугадываетъ онъ;
 И, слыша вновь прикосновенье,
 Онъ обернулся съ быстротой...

• • • • •
 Въ платкѣ и шляпкѣ голубой,
 Мания улыбкой сладострастной,
 Предъ нимъ хорошенъкая—(*илядъ*)
 Вдругъ вырвалась, и цу бѣжать;
 Онъ вслѣдъ за нею—трудъ напрасны!
 То по дорожкамъ, по мостамъ,
 Легка, какъ мотылекъ воздушный,
 Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
 То удаляясь равнодушно,
 Грозитъ насмѣшиво перстомъ,
 Иль дразнить дерзко языкомъ.
 Вотъ углубилася въ аллею,
 Все дальше, глубже. Онъ за нею,
 Схватясь за кончикъ палаша,
 Кричитъ: «постой, моя душа!»
 Куда! Красавица не слышитъ,
 Свернула въ чащу, все бѣжитъ,
 Высоко грудь младая дышитъ,
 И шляпка на спинѣ висить.
 Вдругъ пошатнулась, оступилась,
 Въ травѣ запуталась густой...

• • • • •
 Кругомъ все тихо.

Уланша.

Какъ должно, вышелъ на дорогу
Улашъ съ развернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важко, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хоть, признаюся, запахъ винной
Изобличалъ его порой.
Но безъ вина что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не улашъ.

Скажу вамъ имя квартиря:—
То быль Лафа,** буянъ лихой,¹
Съ чьей молодецкой головой
Ни донцель-кюммель, ни мадера,

* Большая и малая Ижора—деревни близъ Петергофа.

^{**} И. И. Поливановъ — другъ и товарищ поэта еще по Московскому университету [ср. стих. И. И. Поливанову т. I, стр. 177].

И даже шумное аи
 Ни разу сладить не могли...
 Его коричневая кожа
 Была въ сияющихъ угряхъ,
 И словомъ все: походка, рожа—
 На сердце наводили страхъ.
 Надвинувъ шапку на затылокъ,
 Идетъ онъ; все гремитъ на немъ,
 Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
 Толкаясь въ ящикѣ болицомъ.

Шумя, какъ бѣсь, онъ въ избѣ входить.
 Шинель, скользя, валится съ плечъ,
 Глазами вокругъ онъ косо водить
 И мнить, что видить сотню свѣчъ,—
 Въ избѣ жь всего одна лучина:
 Треща предъ нимъ, горить она,
 Но что за дивная картина
 Ея лучемъ озарена?
 Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
 Мелькаютъ лица юнкеровъ.
 Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны,
 Кто въ сбруѣ весь, кто безъ...
 Пирують... Въ ихъ кругу туманикомъ
 Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
 И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
 Пылаеть синимъ огонькомъ.
 «Народъ», сказалъ Дафа (*вставая*),
 «Что тутъ сидѣть! За мной ступай!
 «Я поведу васъ въ двери рая!»...
 «Идемъ-же!..» разъярясь, какъ звѣри,
 Повѣсы загремѣли вдругъ,
 Вскочили, ринулись, и съ двери
 Слетѣль какъ разъ желѣзный крюкъ...

 Они въ пылу самозабвенья

Ни слезъ, ни слабаго моленья,
Ни тяжкихъ стоновъ не поймутъ;

•
Простите счастливые дни...
Вотъ голоса, стукъ, гамъ—они...
Земля дрожитъ... идутъ... о Боже!

•
Когда межъ сѣрыхъ облаковъ
Явилось раннее свѣтило,
Струи залива озарило
И кровли бѣдныя домовъ
Живымъ лучемъ позолотило,
Раздался крикъ: «вставай скорѣй!
Ужь сборъ пробили барабаны!»
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней.
Мирзу не шпорить Разинъ * смѣлый;
Князь Нось, ** сопя, къ сѣду прилегъ,
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловить за курокъ...
Идутъ и видятъ... изъ амбара
Выходитъ женщина:

•
Съ тѣхъ поръ промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши громкое названье.

* Товарищи Лермонтова и Поливанова: Александровъ, прозванный Стенькой Разиномъ.

** Кн. Шаховской Іосифъ; курокъ называли товарищи его римскій нось.

Госпиталь.

(Рассказъ).

1.

Друзья, вы помните конечно
Нашъ Петергофскій госпиталь;
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, съпая
Жила съ усатымъ деньщикомъ...
Но дѣло вовсе не о томъ.
Ея служанка молодая
Нескромной бойкостю словъ,
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ,
Неумолимыхъ юнкеровъ.
И то сказать: на эти очи,
На эту ножку, стань и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтобъ въ продолженьи цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ

* * * * *

2.

Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслаждений,
Съ Лафою сталъ держать pari...

* * * * *

«Шесть штукъ шампанского?» — «пожалуй!»
— И разошлись... Проходитъ день....

Заря угасла... Вечеръ ясный...
 У тѣсной лѣстницы, какъ тѣнь,
 Нашъ князь вертится ежечасно.
 И вотъ на первую ступень
 Онъ ставитъ трепетную ногу:
 Доска проклятая скрипитъ;
 Боятся онъ поднять тревогу.
 Какъ быть?—Вернуться?—Страхъ и стыдъ

Courage, mon cher! allons скорѣй!»
 Кричитъ Choubin * изъ-за дверей....

Но въ ту же ночь ихъ факторъ смѣлый,
 Клянясь доставить ящикъ цѣлый,
 Пошелъ Бакушкинъ ** со двора
 Съ пригоршней полной серебра.
 И поутру смѣялись, пили
 Внизу, какъ прежде... а потомъ?
 Потомъ?! что спрашивать?.., забыли,
 Какъ забываютъ обо всемъ.

* Шубинъ товарищъ Лермонтова еще и по Московскому университету.

** Служитель исполнявший разныя порученія юнкеровъ.

1835—1836.

Монго.

[Въ этой щуточной поэмѣ Лермонтовъ описываетъ себя подъ школьнымъ именемъ «Маешки», а друга своего Ал. Столыпина подъ именемъ «Монго». Офицерами л.-гв. гусарскаго полка они пѣзъ Краснаго села верхами проѣзжали на петергофскую дорогу, на дачу, гдѣ жила балерина Пименова. См. биографію. Напеч. было въ «Библіогр. Зап.» 1859 г. № 12 и въ берлинскомъ изданіи 1862 года].

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ—высокъ и худощавъ—
Кобылу сѣрью собравъ,
То горячить нетерпѣливо,
То сдержить вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой...
Храня, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ—
Стеней башкирскихъ сынъ счастливый....
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженыхъ размахомъ
Они любуются порой,
И рѣчъ ведутъ между собой:
— Монго, послушай—тутъ направо!
Осталось только три версты!...
— Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Грозятъ и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маеника! только наасъ
Позмучить это приключение!

Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
—Нѣтъ, въ семь—я самъ читалъ приказъ!

Но прежде надо вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго—повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлиный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ—
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ немытый цѣлый день;
Носилъ фуражку набекренъ;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но, если вы когда йзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ...
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мѣщенья
Въ душѣ обиженнай его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;

Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его,
И не щадилъ онъ никого.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый—враль безбожно,
И молчаливъ былъ—на иирахъ.
Характеръ вовсе бесполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезныЙ,
Что дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ—
Плзжкой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады,
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ—
Мелькаютъ въ рядъ, изъ-за ограды,
Разнообразные фасады
И кровли пестрыя домовъ
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ—и онъ отъ реки
Зовется *Краснымъ Кабачкомъ*,
И тамъ—для блага человѣка—
Построенъ сумасшедшихъ домъ.
Вблизи пріютъ себѣ смиренныЙ
Актриса юная нашла.
Краса и честь балетной сцены

На (*попечніи*) была.

N. N., помъщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожиль,
Безъ объясненій, безъ признаній
[*Ее по-своему любилъ*].

—Мой другъ!—сму я говорилъ:
Ты не въ свои садишься сани;
Актрисой вздумалъ управлять!
Ну, гдѣ тебѣ?

Но обратимся поскорѣе
Мы къ напимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоятъ въ густой аллѣ,
Коней привязываютъ тамъ;
И вотъ тронинкой потаеной
Они къ калиткѣ отдаленой
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брезжѣсть лунный свѣтъ,
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполеть.
Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ пронолзъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ—
Судьба окончить остальное.

Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ актриса молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно, и, зѣвая,
Такъ, тихо, думала она:
Чудна судьба! о томъ ни слова:

На матушки моей ченецъ
 Фасона самаго дурного,
 И мой отецъ—простой кузнецъ;
 А я—на шелковомъ диванѣ
 Быть мармеладъ, пью шоколадъ;
 На сценѣ—знаю ужъ заранѣ—
 Минѣ будетъ хлопать третій рядъ.
 Теперь со мной плохія шутки—
 Меня сударыней зовутъ,
 И за меня три раза въ сутки
 Кашалью повара дерутъ.
 Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
 Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
 Не любить смѣху онъ, ни пѣсень,
 Зато богатъ и глупъ.....
 Теперь не то, что было въ школѣ:
 Быть за троихъ, порой и болѣ,
 И за обѣдомъ пью люпель.
 А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
 Днемъ танцы, выправка, ученье,
 А ночью—жесткая постель.
 Встаешь, бывало, утромъ рано,
 Бренчитъ ужъ въ залѣ фортецію,
 Поютъ всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
 А тутъ сама, поднявши ногу,
 Стоишь какъ аистъ на часахъ.
 Флѣри хлопочеть, бѣстъ тревогу...
 Но вотъ одиннадцатый часъ—
 Въ кареты всѣхъ сажаютъ на сѣ.
 Тутъ у подъѣзда офицеры
 Стоять всѣ въ рядъ, порою въ два...
 Какія милыя манеры
 И все отборныя слова!
 Иныхъ улыбкой ободряешь,
 Другихъ браинишь и отгоняешь.
 Зато, вернувшись лишь домой—
 Директоръ поретъ на убой!

Ни взглядъ не думай бросить лишний,
 Ни слова ты сказать не смѣй;
 А самъ—прости ему, Всевышній!—
 Вѣдь ужъ какой.

Но тутъ въ окно она взглянула,
 И чуть не брякнулась со стула.
 Предъ ней, какъ призракъ роковой,
 Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
 Готовый влѣзть почти въ окошко,
 Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
 «Что это значитъ, господа?
 И кто васъ звалъ прйтти сюда?
 Ворваться къ дѣвшкѣ—безчестно!»
 — Намъ, право, это очень лестно!...
 «Я васъ прошу: подите прочь!»
 — Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
 Мы мчались, выбились изъ силы...
 «Вы неучи!»—Вы очень милы!—
 «Чего хотите вы теперь?
 Ей-Богу, я не понимаю!»
 — Мы просимъ только чашку чаю!
 «Панфишка, отвори имъ дверь!»

Поклонъ отвѣшивши пренизко,
 Монго ей бросилъ иѣжинъ взоръ,
 Потомъ садится очень близко
 И продолжаетъ разговоръ.
 Сначала колкие намеки,
 Воспоминанія, упреки,
 Ну, словомъ, весь любезный вздоръ...
 И иѣжинъ вздохъ прилично-томный
 Порхнулъ изъ груди молодой...
 • • • • •

Маёшка, другъ великодушный,
 Засѣль поодаль на диванъ,
 Угрюмъ, безмолвешъ, какъ султанъ.

Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье

• • • • •
(*Быть*) адъютантомъ на сраженіи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или кадровымъ офицеромъ.
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ.

Межъ тѣмъ Монго горить и таетъ...
Вдругъ самый пламенныій пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка—
Неотразимый гибъ боговъ!...
То былъ Н. Н. съ своею свитой:
Степаномъ, Федоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, шумятъ, орутъ.—Содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира
И на устахъ (*о,стыдъ сказать*)...
По нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать?

Въ истерикѣ младая дѣвка:
Какъ защититься ей отъ гибва,
Куда гостей своихъ дѣвать—
Подъ столъ, въ комодъ, иль подъ кроватъ!
Въ комодѣ мѣста нѣть и платью,
(*Полныя картонки*) подъ кроватю...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...

Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но въ мигъ проснулся духъ воинъ:
Прыгъ, прыгъ—и были таковы!...

* * *

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они (*порого*) спотыкались,
И лѣнность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни идѣть.

Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися по утру,
Воспоминанья почти бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ многое шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ пашь не врѣть,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будѣть мило...

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете лѣ, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами....

* Точки въ рукописи.

1835—1836.

Сашка.

«Нравственная поэма».

[Первый разъ напечатана въ «Русск. Мысли», янв. 1882, съ мопъю предисловиемъ. Оригиналъ находится у Б. Поэма задумана не раньше 1833 и поэтъ тогда же набрасывалъ отрывки ея, но серьезно принялъся за выполнение въ концѣ 1835 г. См. примѣчанія въ концѣ книги].

I.

Нашъ вѣкъ смѣшионъ и жалокъ, — все пиши
Ему про казни, цѣпи, да изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спить, кто думать любить,
Кто дни свои воспоминаемъ губить.
Внадаль я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣль отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало, —
Пою смѣясь. — Герой мой добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
Но я за то нимало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
Когда же веселъ, счастливъ — глазъ не кажеть.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ *ты*;
Хвалилъ во мнѣ, что прочие хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрило.

III.

Онъ былъ мой другъ.* Ужь нѣть такихъ друзей...
 Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
 Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
 Не тронуто никѣмъ, какъ дружба наша
 Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
 Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
 Но съ твердостью. Таинственная дума
 Еще блуждала на челѣ твоемъ,
 Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
 И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
 Изъ слушавшихъ не понялъ ни единій.

IV.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
 Названье ли оставленного друга,
 Или тоска по жизни молодой,
 Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга, — **
 Какъ разгадать? Что можетъ въ чась такой
 Наполнить сердце, жившее такъ много
 И такъ недолго съ смутною тревогой?
 Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
 И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
 Твои мечты, дѣла и приключения —
 Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
 Кто бъ ни былъ ты: внукъ Евы или Адама,
 Разумникъ ли, шалунъ ли молодой, —

* Вместо прежнихъ трехъ строкъ было:

«Онъ прострѣлилъ мнѣ руку на дуэли
 И ровно мѣсяцъ отъ моей постези
 Не отходилъ..»

** Эти четыре строки и предшествующія десять перенесены въ 1839 году въ стихотвореніе памяти А. И. Одоевскаго.—Кн. Одоевскаго, декабриста, звали Сашей, какъ и поэга Полежаева, къ которому здѣсь относится Лермонтовъ, считавшій его погибшимъ.

Картина будеть; это — только рама!
 Отъ правиль утвержденныхъ стариной
 Не отступлю, — я уважаю строго
 Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
 Не правда-ль, что не старъ въ 18-ть лѣтъ,
 Тотъ вѣрно не видаль людей и свѣтъ, —
 О наслажденьяхъ знаетъ лишь какъ слухъ
 И самъ лишь Ѳестъ и пить да давить мухъ? *

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
 Я врагъ Невъ и невскому туману.
 Тамъ [я весь міръ въ свидѣтели возьму]
 Веселье вредне русскому карману,
 Занятья вредны русскому уму.
 Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
 Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
 Москва — не то: нѣкуда я живу,
 Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
 Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
 Былъ боленъ отъ любви и любостраствия.

VII.

Москва, Москва!... люблю тебя какъ сынъ,
 Какъ русскій, — сильно, пламенно и нѣжно!
 Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
 И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
 Напрасно думалъ чуждый властелинъ
 Съ тобой, стольнимъ русскимъ великаномъ,
 Помѣриться главою и — обманомъ
 Тебя извергнуть. Тщетно поражалъ
 Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ — онъ упалъ!
 Вселенная замолкла... Величавый,
 Одинъ ты живъ, наследникъ нашей славы.

* Прежде было:

«О наслажденьяхъ знаетъ лишь по слухамъ
 И преданъ былъ учителямъ и наукамъ.»

VIII.

Ты живъ!... Ты живъ и каждый камень твой —
 Завѣтное преданье поколѣній.
 Бывало, я у башни угловой
 Сижу въ тѣни, и солица лучъ осенний
 Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
 И изъ гнѣзда, прикрытоаго карнизомъ,
 Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
 Кружатся, вются, чуждыя людей.
 И я, такъ полный волею страстей,
 Завидовалъ ихъ жизни безъизвѣстной,
 Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ — Боже сохрани! —
 И не мечтатель. За полетомъ птички
 Я не гонюсь, хотя въ былые дни
 Не вовсе чуждъ быть глупой сей замашки.
 Ну, муза, — ну, скорѣе, — разверни
 Запачканный листокъ свой подорожный!
 Не завирайся, — тутъ зоиль безбожный...
 Куда теперь намъ ѿхать изъ Кремля?
 Воротъ вѣдь много, велика земля!
 Куда? — «На Прѣсню погоняй, извозчикъ!» —
 «Старуха, прочь!... Сворачивай, разносчикъ!»

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
 Какъ щитъ варяжскій или сыръ голландскій.
 Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
 Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
 Спокойствія рачитель на часахъ
 У будки пробудился, восклицая
 «Кто ѿдетъ?» — «Муз!» — «Что за чортъ! Какая?»
 Отвѣтъ нѣть. Но вотъ уже пруды...
 Бѣлѣеть мостъ, по сторонамъ сады
 Подъ инеемъ пущистымъ спятъ унылы;
 Луна сребрить желѣзныя перилы.

XI.

Гуляка праздный, пьяный молодецъ,
 Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
 Держась за нихъ, бредетъ — и вотъ конецъ
 Периламъ. — «Все направо!» — Заскрипѣли
 Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
 По мрамору... Лачуги цѣпью длинной
 Мелькая мимо, кланяются чинно...
 Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
 «Держи къ воротамъ... Стой, — сугробъ глубокъ!...
 Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише,
 И платье подними какъ можно выше».

XII.

Калитка — скрыпъ... Дворъ теменъ. По доскамъ
 Итти неловко... Вотъ, наслу, сѣни
 И лѣстница; по снѣгомъ по мѣстамъ
 Занесена. Дрожащія ступени
 Грязятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
 Взошли. Толкнули дверь — и свѣтъ огарка
 Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
 Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
 И спрашиваетъ: «Что угодно вамъ?»
 Но, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
 Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, несмотря на это, мы взойдемъ:
 Вы знаете, для музы и поэта,
 Какъ для хромого бѣса, каждый домъ
 Имѣеть входъ особый; ни секрета
 Ни запрещенья нѣть для нась ни въ чемъ...
 У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
 Сидѣли дѣвицы — не дѣвицы...
 Красавицы... названье тутъ какъ разъ!...
 Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я васъ
 Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
 Красавицею быть или дѣвицей?

XIV.

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ; и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды: — то, что мы и всѣ видали.
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
Въ углу передиемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтovъ,
И верба, наклоненная надъ ними,
Блистала вдругъ листами золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ [красавицъ] не вполнѣ
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ — о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный...
Она сидѣла нѣсколько пѣбрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое «нѣть» или «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья..

XVI.

Она была затѣйливо мила,
Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣсть съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличень. Какъ Сусанна,
Она бѣ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ.
Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И лжи тутъ нѣть, какъ въ томъ, что мы — варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпиономъ
И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастіонамъ,
Неловкій выстрѣль въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
Несчастный жидъ,— онъ умеръ не подъ палкой!»
Его жена пять мѣсяцевъ спустя
Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
Проходимъ не замѣчена,— ни зла
Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ насталъ,— пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказалъ два слова:
Она въ объятья божества земного
Упала; но, увы, прошло дней шесть,
Ужъ полу bogъ успѣль ей надѣсть;
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались, какъ туманъ.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платить за обманъ
[Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже].
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемный
Огонь горѣль въ очахъ, безъ цѣли томно;
Покрыты свѣтлой влагой иногда,
Они блуждали: такъ порой звѣзда

По небесамъ блуждаетъ, — и, конечно,
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

XX.

Безвѣстная печаль смѣялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной...
[Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!] Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлъ, и бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ и на ликъ младой
Лоснясь катился черною струей;
И ножка, разрѣзаясь, не зная плѣна,
Безстыдно обнажалась до колѣна.

XXI.

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шумя, смѣясь, роскошно упадала,
Поспорю: мудрено ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою сплой
Явиться и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаемъ,
Все это мы современемъ узнаемъ.

XXII.

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались во едину
И мысли ихъ встрѣчались во всемъ.
О, если бъ знали, сколько въ этомъ званьѣ
Сердецъ отличныхъ, добрыхъ! Но внимание
Увлечено блестаньемъ модныхъ дамъ.
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...

Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ модной лавки!

XXIII.

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ сиѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея,
Когда она смѣялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснѣя,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юпка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла буйно, горячо,
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

XXIV.

Она звалась Варюшою... * Но я
Желалъ бы дать другое ей названье:
Скажу, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердитъ, — молчу, или браню весь домъ,
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Нтакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
В[арюшу] здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

XXV.

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣеть лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно застывшаго вампира,
Грозя перстомъ, поднялся молча онъ,
И мысль къ нему прикована... Ужели

* Въ одной рукописи имени не выставлено, а лишь прописная буква В и затѣмъ точки.

Въ моей груди изгладить не успѣли
 Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ —
 Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
 Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
 Получше ихъ видалъ я послѣ много.

XXVI.

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
 Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
 Но первого восторга чудный звукъ
 Въ груди не умираеть, — и порою,
 Сквозь облако заботъ, когда недугъ
 Мой слабый умъ томить неугомонно,
 Ея глаза мнѣ свѣтять благосклонно.
 Такъ въ часть ночной, когда гроза шумитъ
 И бродятъ облака, — звѣзда горитъ
 Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
 И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII.

Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
 Красавицы раздумавшись сидѣли,
 И заставляль ихъ вздрагивать порой
 Унылый свистъ играющей метели.
 И какъ и вамъ, читатель милый мой,
 Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
 Условнаго, залаяла собака
 И у калитки брякнуло кольцо.
 Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
 Шараша потянулась и зѣвила
 Такъ, что едва не бухнулась со стула*.

XXVIII.

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
 Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
 Явился гость... Насмѣшивый поклонъ
 Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ

* Вар. «Такъ что едва не уронила стула».

Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
Сняла Параша плащъ, потомъ другою
Стряхнула иней съ шелковыхъ кудрей
Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо.

XXIX.

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣть,
Пзяцно былъ причесанъ и такъ далъ.
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ
И галстукъ надушонъ былъ, какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣднотью казались покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты
[Не знаю, мукъ иль бурь послѣднихъ слѣдъ,
Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ] —
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчнай блуждала.

XXX.

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошии, т.-есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился, что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ;
Въ глазахъ его открытыихъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюдений дальнихъ
Презрѣніе, гордость хоть онъ не былъ гордъ,
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ.

XXXI.

Борьба рождаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...

Клянусь, имѣть великий надо гений,
Чтобъ разомъ сбросить цѣль предубѣждений,
Бакъ сбросилъ бы я платье, если бъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышний сдѣлалъ югъ.
Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII.

Да кто же этотъ гость?... Pardon, сейчасъ!...
Разсѣянность... Messieurs, рекомендую:
Герой мой, другъ мой — Сашка!... Жаль для насъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.
Я говорилъ, — онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь!...
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Трудиѣ въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII.

Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... «Сашка» — старое название!
Но «Сашка» тотъ печати не видалъ
И недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаніѣ.*
Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другого имя, — дурно ль, хорошо ли,
Разувѣять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: «Гдѣ Тирза?» — «Дома». — «Что жъ не видо
Ея?» — «Уснула». — «Какъ ей спать не стыдно!»

XXXIV.

И онъ поспѣшило входить въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенныя ночи

* Рѣчь идеть о поэмѣ Полежаева «Сашка», да и о немъ самомъ, кото-
рого тоже звали Александромъ и Сашкой

Онъ проводилъ... Все полно тишиной
 И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
 Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой
 И на столъ въ узоры ледяные
 Кидаетъ искры, блески огневые,
 И голубымъ сияніемъ стѣна
 Игриво и свѣтло озарена.
 И онъ—(не мѣсяцъ), но мой Сашка—слышитъ,
 Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышитъ.

XXXV.

Онъ руку протянулъ,—его рука
 Попала въ стѣну; протянулъ другую,—
 Ощупалъ тихо кончикъ башмачка,
 Схватилъ потомъ и ножку, но какую?!...
 Такъ миньятюрина, такъ нѣжна, мягка
 Казалась эта ножка, что невольно
 Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.

* * * * *

XXXVI.

Блаженная минута!... Закипѣль
 Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей
 Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣль
 И стань ея обвилъ рукой дрожащей.
 Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смѣль
 Дохнуть... Онъ думалъ: «Тирза дорогая!
 І жизнию и чувствами играя,
 Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,—
 Какъ ты, одинъ съ свободою моей
 Не зшаю въ людяхъ ни врага ни друга,—
 Живу, чтобъ жить какъ ты, моя подруга!

XXXVII.

«Судьба вчера свела случайно насть,
 Случайно завтра разведеть павѣчно,—

* Здесь и ниже точками замѣщены строки неудобныя къ печати.

Не все ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только бъ я провелъ его безопасно?...»

И не сводилъ опъ яркихъ черныхъ глазъ

Съ своей жидовки и не зналъ, казалось,

Что рѣзвое созданье притворялось.

Межъ тѣмъ почла за нужное она

Проснуться и была удивлена,

Какъ надлежало... Страхъ и удивленье

Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

XXXVIII.

И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?»—«Я, твой Саша!»—

«Неужто?... Видишь, баловникъ какой!

Ступай, давно тамъ ждеть тебя Параша!

Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,

Я отомщу». И за руку схватила

Его проворно и... и укусила,

Хоть это былъ скорѣе поцѣлуй.

Да, мерзкій критикъ, что ты не толкуй,

А есть уста, которыя украдкой

Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!...

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрио бъ свой престоль украсилъ сю,-

У ногъ ея и царство, и законъ,

И славу позабылъ бы... Но не смѣю

Васъ увѣрять затѣмъ, что не рожденъ

Владыкой и не знаю въ низкой долѣ,

Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ;

Но знаю только то, что Сашка мой

За цѣлый міръ не отдалъ бы порой

Ея улыбку, щечки, брови, глазки,

Достойные любой восточной сказки.

XL.

«Откуда ты?»—«Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!»—«Балъ! Что то такое?»—

«Невѣжда милый!—говорь, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское,—
Наружный блескъ, обманчивый недугъ.
Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ.
Кто ловить душу, кто пять тысячъ душъ...
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель».

XLI.

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.
Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала
И уязвлять, но не желая зла;
Соперницъ гордо презирать и въ свѣтѣ
Блистать, да ѿздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полураскрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла.

Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье—
И цѣлый часъ я пропущу въ молчанью.

XLIII.

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
И только раздавались иногда
Сверчка ночного жалобныя трели;

Да мышь въ тѣни родного уголка
 Скреблась въ обои старые прилежно.
 Моя чета, раскинувшись небрежно,
 Покоялась, не думая о томъ,
 Что небеса грозили близкимъ днемъ,
 Что ночь... Вы на вѣку своею едва ли
 Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
 И молвила: «Послушай, прочь всѣ шутки!
 Какая мысль миѣ странная пришла:
 Что если бъ ты, откинувъ предразсудки,—
 (Она его тутъ крѣпко обняла),—
 Что если бъ ты, мой милый, мой безцѣнныиѣ,
 Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
 То завтра или даже въ день иной
 Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.
 Извѣстно миѣ, все для тебя возможно,
 А отказать въ бездѣлицѣ безбожно».

XLV.

—«Пожалуй!—отвѣчалъ ей Саша. Онъ
 Изъ словъ ея разслушалъ половину,—
 Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
 Какъ птица клонитъ слабую тростину.
 Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
 Съ безсонницей. Въ теченыи долгой ночи
 Бывало беспокойно бродятъ очи,
 И жжетъ подушка влажное чело.
 Душа грустить о томъ, что ужъ прошло,
 Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
 Какъ лаззарони, а по-русски—нищій...*

XLVI.

И жадный червь ее грызеть,—грызеть,
 Я думаю, тотъ самый, что когда-то

* Въ другой рукописи: «какъ лаззарони или русскій нищій».

Терзалъ Саула; но порой и тотъ
 Имѣль отраду: арфы звукъ крылатый,
 Какъ ангела таинственный полетъ,
 Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
 И опускались пламенныя вѣжды,
 Съ гармоніей сливалася мечта,
 И злобный духъ бѣжалъ, какъ отъ креста.
 Но этихъ звуковъ нѣть ужь въ поднебесной,—
 Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII.

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
 Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могильный
 Другого,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
 Случайно уцѣлѣвшая и сильно
 Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
 Свѣтила ей двоюродные братья,
 Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
 Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
 Вліянье благотворное на насть...
 А дай сойтись, такъ заварится каша,—
 И въ кулаки... прощай планета наша.

XLIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
 Какъ ангеловъ вечернія лампады.
 Придетъ конецъ воздушной ихъ игры,
 Печальная разгадка сей шарады...
 Люблю я съ колокольни иль съ горы,
 Когда земля молчитъ и небо чисто,
 Теряться взорами средь цѣпи ихъ огнистой,—
 И мнится, что межъ ними и землей
 Есть путь давно измѣренный душой,—
 И мнится, будто на главу поэта
 Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спить. Пріятный сонъ!
 Покойной ночи! Вы жъ, читатель милый,

Пожалуйте,—иначе принужденъ
 Я буду васъ удерживать (здѣсь) силой...
 Романъ, впередъ!... Не хочетъ?—Ну, такъ онъ
 Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ. Покуда,
 Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
 Кто мать его была, и кто отецъ,
 Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ,
 Какъ онъ попалъ въ позорную обитель,
 Кто былъ его лакей, и кто учитель.

L.

Его отецъ—симбирскій дворянинъ,
 Иванъ Ильичъ N. N—овъ, мужъ дородный,
 Богатаго отца любимый сынъ.
 Былъ самъ богатъ. Имѣлъ онъ умъ природный
 И, что ума полезнѣй, важный чинъ.
 Съ четыринацати лѣтъ служилъ, и съ миромъ
 Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;
 А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
 Былъ человѣкъ, и слѣдственно уменъ.
 Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
 Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
 Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья.
 Спалъ очень долго, ѳль за четверыхъ;
 Ни на кого не обращалъ вниманья
 И не носилъ приличія веригъ.
 Однако же предъ знатью горделивой
 Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво.
 Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
 Неумолимо требовалъ поклонъ;
 А кланяться закону иль вельможѣ—
 Считалося тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, зато и самъ
 Почтительность вознаграждалъ улыбкой

И, ревностный хотя угодникъ дамъ,
Женился, по словамъ его, ошибкой.
Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
По мнѣ, они большие эгоисты,—
Все женъ винятъ, какъ будто сами чисты.

LIII.

Благодари меня, о женскій полъ!
Я—Демосѳень твой: за твою свободу
Я радъ шумѣть; я непомѣрно золъ
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?... Возстаньте,—часть пришелъ!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье!
Конецъ всему есть! Беззаботно явно
Идите вслѣдъ за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ вашихъ жилахъ—кровь, не молоко;
Ну, и краснѣть умѣете ужъ кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братъи...

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ вель себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница жъ жена, не утаю,
Читать любила нѣжные романы,
Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдѣ темной сидя до утра.
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ,—отъ нихъ мечты рождаются...
А искушенью только бъ подобраться!

LV.

Она была прелакомый кусокъ
 И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью.
 Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
 А не на камень. Чувствамъ и веселью
 Казенныхъ не назначено дорогъ.
 Но въ брачной жизни * Марья Николавна
 Была, какъ надо, ласкова, исправна.
 Но, говорять,—хоть, можетъ-быть, и лгутъ,—
 Что долгъ супруги—только лишній трудъ.
 Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
 Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

LVI.

Ивацъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
 На самой на горѣ, противъ собора.
 При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ,
 И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
 Какъ инвалидъ съ георгіевскимъ крестомъ.
 Но нѣкогда съ кудрявыми главами
 Вдолъ стѣнъ колонны высились рядами;
 Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
 Какъ клѣтка, между нихъ висѣлъ балконъ,
 И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
 Видѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно; на столахъ
 Пестрѣли разноцвѣтныя клеёнки,
 И люстры отражались въ зеркалахъ,
 Какъ звѣзды въ лужѣ; москви и болонки
 Встрѣчали шумно каждого въ дверяхъ,
 Одна другой несноснѣе, и далѣ
 Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
 Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?... Дуракъ!»
 А гость съ улыбкой думалъ: «какъ не такъ!»

* Въ одной изъ рукописей: «на брачномъ ложѣ».

И, ласково хоziйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

L VIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то-есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами,
И кое-гдѣ въ тѣни отрада днемъ,
Уютный садъ, обсаженый рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или, какъ межъ знатныхъ дамъ
Румяная крестьянка—дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды.

L IX.

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками напрavo,
Катилася широкой пеленоj
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣль канатъ
Натянутый *. Красибющій закатъ
Изъ-за горы кидалъ свой лучъ прощальный
На гребни сизыхъ волнъ и берегъ дальний.

L X.

И странный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ плавцовъ—
Все въ гулѣ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хоть суровъ

* Вариантъ: « И, сѣрой мглой объяять,
Виднѣлся дальний берегъ, и бѣлѣли
Вругъ острова края песчаной мели».

Казался вътеръ, день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой часто, сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея лѣ сложеніе было въ томъ виной,
Или его не молодыя лѣты?...
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.

LXII.

Какая радость въ мысли: я отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной —
Оставить въ мірѣ слѣдъ и, наконецъ,
Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно,—
Злодѣемъ потому, что жизнь — вѣнецъ
Терновый, тяжкій, — такъ по крайней мѣрѣ...
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чemu, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но, исключая два-три дня да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.

LXIII.

Бывало, этой думой удрученъ,
Я прежде много плакалъ и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,

Въ немъ родился бури, какъ въ пустынѣ,
 Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
 Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ,
 Одинъ лишь отзывъ—звукій, горькій смѣхъ...
 Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игравый,
 Лежать кремни—и блещутъ, но не живы!

LXIV.

Прилично было бъ мнѣ молчать о томъ,
 Но я привыкъ итти противъ приличій
 И, говоря всеобщимъ языкамъ,
 Не жду похвалъ.—Поэтъ природы птичей,
 Любовникъ розъ надъ розовымъ кустомъ
 Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ.
 О чёмъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?—
 Прошу хоть разъ спросить у соловья.
 Онъ вамъ отвѣтить пѣснью... Такъ и я
 Пину, что мыслю, что придется,
 И потому мой стихъ такъ плавно льется.

LXV.

Два года миновало. Третій годъ
 Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
 Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
 Предметъ заботъ мучительныхъ и иѣжныхъ,
 У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
 Былъ восхищенъ, и три дня были пьяны
 Всѣ на подборь, отъ кучера до начи.
 А между тѣмъ печально у воротъ
 Всю ночь собаки выли напролетъ,
 И, что страшнѣе этого, ребёнокъ
 Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
 Который много счастья обѣщаestъ.
 И про меня сказали точно такъ,
 А правда ль это вышло?—Небо знаетъ!
 Къ тому же полуночный вой собакъ

И страшный шумъ на чердакѣ высокомъ—
Примѣты злыхъ; но, не бывъ пророкомъ,
Я только покачаю головой.

Гамлетъ сказалъ: «Есть тайны подъ луной
И для премудрыхъ»,—какъ же мнѣ поэту
Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?...

LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
Живые глазки, бѣлыя ручонки
И русый волосъ, выюющійся кольцомъ—
Плѣнили всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнились на немъ;
И, первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
Года неслись, а Саша росъ и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по врождѣнному влеченью,
Имѣлъ большую склонность къ разрушенью.

LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бравилъ и сѣкъ—
Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто сѣченъ,
А, слава Богу, вышелъ человѣкъ:
Ни стыдъ семьи, ни тупъ, ни изувѣченъ.
Понятъя были низки въ старый вѣкъ...
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья,—предъ судьбою,
Передъ бичомъ язвительной молвы
Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!... Но чѣмъ теплѣе кровь,
Тѣмъ раньше зреютъ въ сердцѣ беспокойномъ
Всѣ чувства—злоба, гордость и любовь,
Какъ дерева подъ небомъ юга знойнымъ.
Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,

Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ взгляда
Онъ вздрогивалъ, какъ будто бѣ капля яда
Лилась по жиламъ. Это, можетъ-быть,
Смѣшино,—что жъ дѣлать!—онъ не могъ любить,
Какъ любять всѣ гостиныя собачки
За лакомства—побои и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньи,
И что, когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать,
И что отецъ, немножко съ нимъ поспоря,
Велѣлъ его посѣчь... конечно, съ горя.

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнию сердце предалъ
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушныій,
И въ немъ терялся мыслю послушной.
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
Лады къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты жъ на немъ незнаемы увянуть...

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безопаснѣость.
Они летали надъ его главой,

Какъ царская корона; но безъ власти
 Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
 Впервыя пробудясь, живымъ огнемъ
 Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
 Достойной жертвы,—и въ пустынѣ свѣта
 На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, если бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ
 Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
 Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
 И долго упиваться ихъ рѣчами,
 И обнимать ихъ перси, какъ суиругъ,—
 Въ глухи степей дышать со всей природой!
 Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
 О, если бъ могъ онъ, въ молнию одѣть,
 Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!...
 Но, къ счастію для васъ, читатель милый,
 Онъ не былъ одаренъ подобной силой.

LXXIV.

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
 Характеръ Саши выставить наружу
 И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ.
 Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
 Къ рѣшенію... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
 Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
 Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!...
 Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
 Былъ Саша,—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
 Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
 Взбѣсилъ бы иногда любого бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
 Marquis de Tess. Педантъ полузабавный,
 Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
 И потому бралъ деньги преисправно.
 Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ.

Онъ сочинялъ сонеты, хоть порою
По часу бился съ риemoю одною;
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманѣ онъ
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, чтѣ кестати, чтѣ некестати.

LXXVI *.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненъя:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставилъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И натощакъ отправился въ походъ,
И, наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенъе:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный миллионъ
Кричалъ, смѣясь: «да здравствуетъ законъ!»
И, въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
Прелестная на звучныя ступени

* Пять слѣдующихъ строфъ изъ тетради поэта почти въ томъ же видѣ
помѣщены подъ оглавленіемъ «Отрывокъ» въ пер. разъ въ изд. соч. Лерм.
1880 г. т. II, стр. 420.

Всходила женщина *... Слѣды заботъ,
 Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызений
 Виднѣлись на лицѣ ея. Народъ
 Рукошескалъ... Вотъ кудри золотыя
 Посыпались на плечи молодыя;
 Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
 Склонилася на плаху... О, Творецъ!
 Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!...
 И голова отторгнута отъ шеи...

LXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
 И загремѣла жадная сѣкира...
 И ты, поэтъ, высокаго чела
 Не уберегъ! ** Твоя живая лира
 Напрасно по вселенной разнесла
 Все, все, что ты считалъ своей душою—
 Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
 Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
 Не отомстивъ, и творческую грудь
 Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
 Не посѣтилъ—и ты погибъ безплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
 Къ ногамъ убийцъ, бездушныхъ и ничтожныхъ.
 Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
 Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
 Никто не вышелъ съ твердою душой, ***—
 Межъ тѣмъ какъ втайникъ взоръ Наполеона
 Ужъ зреялъ ступени будущаго трона...
 Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
 Но истина—не въ модѣ, а писать

* Марія Антуанета.

** Андрей Шенье.

*** Далѣе были двѣ строчки:

«Трехцвѣтныя знамена величаво

Изъ стана въ станъ неслись на прѣ кровавый».

О томъ, что было двѣсті разъ въ газетахъ,
Смѣшно, тѣмъ болѣ о такихъ предметахъ.

LXXXI.

Къ тому же я совсѣмъ не моралистъ,—
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальныи листъ
И клеветой героя не унижу,—
Ни пlesкъ восторга, ни насышки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ
Хоть похвалы порою и достоинъ,
Но отъ кадильницъ дыма и свѣчей
Не каждому здоровилось, ей-ей!
И, длиннымъ одамъ внемля, поневолѣ
Зѣвалъ кто въ комнатѣ, кто на престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнестъ мой трупъ въ пустыню и высокій
Курганъ надъ нимъ насыпать и любви
Символъ ненарушимый — одинокій
Поставить крестъ: быть-можеть издали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ,
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимный нищій пѣшеходъ
Его замѣтить, медленно придетъ
И, отряхнувши посохъ безнадежнѣй,
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней —

LXXXIII.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,—
И проклянетъ грозы бессильный вой
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
Но иѣть, къ чему мнѣ слушать плачъ людской?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
Пусть отадутъ меня стихіямъ! Птица,
И звѣрь, и огонь, и вѣтеръ, и земля —
Раздѣлять прахъ мой, и душа моя

Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфиромъ,
Сольется и развьется надъ міромъ!...

LXXXIV.

Пускай отъ сердца полнаго тоской
И желчью тайныхъ, тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій,
Я, выпивъ ядъ по каплѣ, ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ моемъ лицѣ ни страха ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ.
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ, а по праву мести
Сталь унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV.

Но совершимъ скорѣе переходъ,—
Вновь обратимся къ нашему герою.*
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ философій міра. Пять системъ
Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire» — такъ мнѣ угодно!

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ,—
Разсѣянно въ тетрадкѣ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ и нѣжно

* Вариантъ: «Но кончимъ этотъ скучный эпизодъ
И обратимся къ нашему герою».

Вздыхалъ онъ и хранилъ его прилежно
 Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
 Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ.
 Такъ прячутъ иногда сухую травку,
 Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскружить
 Неопытную голову, впервые
 Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
 И взволновать надежды огневыя?
 Къ чему?... Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить,
 Идя во слѣдъ извѣстнаго Фоблаза.*
 Его любовь, какъ сиѣгъ вершинъ Кавказа,
 Чиста,— тепла, какъ небо южныхъ странъ...
 Ему ль платить обманомъ за обманъ?...
 Но кто жъ она? — Не модная вертушка,
 А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
 Онъ привыкалъ, — скажу вамъ подъ секретомъ,
 Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ, —
 Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ
 Когда луна бросала томный свѣтъ
 На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
 И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
 Въ аллеѣ кралась, — легкою стопой
 Онъ догонялъ ихъ пошутить порой.
 Его невинность; — вы поймете сами, —
 Вѣдь не могла расти съ его годами.

LXXXIX.

Но между нихъ онъ отличалъ одну:
 Въ ней было все, что увлекаетъ душу,
 Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.

* Вариант: «Со всѣмъ искусствомъ древняго Фоблаза».

Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
 И на портретъ накину пелену.
 Ее любилъ мой Саша той любовью,
 Которая по жиламъ съ юной кровью
 Течеть огнемъ, клокочеть и кипить;
 Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
 Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться, —
 Вѣдь надобно жъ на что-нибудь рѣшиться.

ХС.

И мудрено ль? Четыридцати лѣтъ
 Я самъ страдалъ отъ каждой женской ножки,
 За каждую отдалъ бы цѣлый свѣтъ,
 Я цѣловалъ слѣды ихъ по дорожкѣ.*
 Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
 И алыхъ усть горячее дыханье
 Во мнѣ рождали чудное желанье;
 Я трепеталъ, когда моя рука
 Атласныхъ плечъ касалася слегка,
 Но лишь въ мечтахъ видалъ я безъ покрова
 Все, что для васъ, конечно, ужъ не ново...

ХСІ.

Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ,
 Молчать весь день и часто бредить ночь;
 По коридору бродить и грустить
 И ждеть, чтобъ показалась Евы дочь,
 Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
 Принявъ, онъ иногда улыбкой хладной
 Отвѣтствовалъ на взоръ ея отрадный
 И чувства подавлялъ онъ, какъ раба! **
 А съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!...
 Итакъ, мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
 И положилъ съ Маврушей объясняться.

* Вариант: «Я самъ страдалъ отъ каждой женской рожѣ
 И простодушно увѣрялъ весь свѣтъ,
 Что другъ на дружку всѣ онѣ похожи».

** Вариант: «Любовь же неизбѣжна, какъ судьба».

XCII.

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами,
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Виолнѣ Симбирскомъ овладѣли; даже
Волна катилась медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый пашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ единенія
Двухъ душъ, — предметъ достойный размышленья?

XCVIII

Вдругъ слышитъ онъ направо, за кустомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди, а потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье.
Какъ Сашъ быть? Забилось сердце. въ немъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни.
Трещать и гнуться вѣтви подъ рукой
И вдругъ предъ нимъ съ Маврушкой молодой,
Обнявшійся въ тѣни цвѣтущей вишни,
Іванъ Ильичъ... [Прости ему Всевышній].

XCIY.

XCV.

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлалъ Саша? — Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холденъ и нѣмъ;
Какъ Абадона грозный новымъ адомъ

Напуганный, но помнящий эдемъ,
Съ поникшою стоялъ онъ головою
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу
И онъ упалъ, какъ съ неба,

ХCVI.

Упалъ [прости невинность!], какъ змѣя
Маврушу крѣпко обнялъ онъ руками,
То холодъя, то какъ жаръ горя,
Неистово впился въ нее устами
И — обезумѣлъ... Небо и земля
Слились въ туманъ. Мавруша простонала
И улыбнулась; какъ волна вставала
И упадала грудь, и томный взоръ,
Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета
Боясь всего: людей, деревъ и свѣта...

ХCVII.

Теперь, друзья, скажите напрямикъ,
Кого вишить?... По-минъ всего прекраснѣй
Сложить весь грѣхъ на чорта, — онъ привыкъ
Къ напраслинѣ; къ тому же безопаснѣй
Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
Итакъ, замѣтимъ мы, что духъ незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,
Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
И, слѣдя пустѣйшему капризу,
Кидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

ХCVIII.

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Слегка платокъ накинувъ шерстяной,
Явилась къ Сашѣ дѣвка молодая;

Задувъ лампаду трепетной рукой,
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.

• • • • • • • • • • • • •

Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
И съ жгучимъ поцѣлуемъ онъ сливался.

ХCIX.

Казалось, рокъ забылъ о нихъ; но разъ,—
Не помню я, въ который день недѣли,—
Ужъ пролетѣлъ свиданья часъ;
А Саша все одинъ былъ на постели.
Онъ сѣлъ къ окну въ раздумья. Тихо гасъ
На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣли облака.
Дремало все, лишь въ окнахъ иногда
Являлась свѣтка, силуэтъ рубчатый
Старухи, изъ картинъ Рембрандта взятый,

C.

Мелькая, рисовался на стеклѣ
И исчезалъ. На площади пустынной,
Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
Лежала тѣнь отъ колокольни длинной,
И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери,
И вы бѣ сказали — поступь райской пери
Посышалась. Невольно нашъ герой
Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны — царицы ночи...

CI.

И онъ узналъ Маврушу. Но — Творецъ! —
Какъ измѣнилось иѣжное созданье!

* Варіантъ: «Являлся свѣтъ, и силуэтъ объятый
Тьмой ночи пѣзъ картинъ Рембрандта взятый».

Казалось, тѣло извялъ рѣзецъ,
 А Богъ вдохнулъ не душу, но страдаше.
 Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
 Подходитъ и холодными руками
 Хватаетъ руку Саши, и устами
 Прижалась къ ней, и слезы потекли
 Все больше, больше и, казалось, жгли
 Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины —
 Раскаянья преступной Магдалины?

СII.

И кто бы смѣль изобразить въ словахъ,
 Чтѣ дышитъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
 Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ,
 И мысль одна въ душѣ,—и на колѣни
 Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
 Какъ струны лютни, потрясаєтъ жилы,
 И слышишь близость чудной тайной силы,
 Которой въ мірѣ вѣруетъ лишь тотъ,
 Кто, какъ въ гробу, въ душѣ своей живетъ,
 Кто терпитъ всѣ упреки, всѣ печали,
 Чтобъ геніемъ глупцы его назвали.

СIII.

И долго молча плакала она.
 Разсыпавшись на кругленькия плечи,
 Ея власы бѣжали, какъ волна.
 Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
 Отзвукъ того, чѣмъ грудь была полна,
 Блуждали на губахъ ея; но звуки
 Яснѣѣ были словъ... И голосъ муки
 Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
 Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
 И не щадилъ ни нѣжностей, ни ласки,
 Чтобъ поскорѣе осушить ей глазки *.

* Варіант: «Чтобъ поскорѣй добраться до развязки.»

CIV.

Онъ говорилъ: «Къ чему печаль твоя?
Ты молода, любима,—гдѣ жъ страданье?
Въ твоихъ глазахъ—мой міръ, вся жизнъ моя,
И рай земной—въ одномъ твоемъ лобзаньѣ...
Быть-можеть, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣсть
Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣть,
Французъ давно не годенъ ипкуда...
Ну, полно! Слезы прочь и сядь сюда!»

gy

«Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ.
Принебрегла опасность, наказанье,
Стыдъ, совѣсть—все, чтобъ только впѣсть вѣсть.
Поцѣловать вамъ руку на прощанье
И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отвергайте бѣдную,—довольно
Ужь я терплю,—за что же?... Сердце вольно.
Ивашь Ильичъ провѣдалъ отъ людей
Завистливыхъ... Все Ванька вашъ, злодѣй,—
Черезъ него я гибну... Все готово!
Молю... о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CYI.

«Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ,—гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля,—бѣдная забыта...
А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами?—
Раба, игрушка!... Точно, день, два, три
Мила, а тамъ?—пожалуй, хоть умри!...»
Тутъ началися слезы, восклицанья,
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII.

«Ахъ, баринъ, баринъ, вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!...
Прощай,—тебя мнѣ больше не видать,
Зато ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнѣ жъ должно страдать.
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи,—
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!...
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальний хуторъ, гдѣ Маврушу ждутъ
Страданья, мужъ съ косматой бородою...
А ты?—Вздохишь и слюбишся съ другою!»

CVIII.

Она заплакала. Такъ, или нѣтъ
Изгнаница младая говорила,
Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣть—
Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
А тотъ, кто рассказалъ мнѣ повѣсть эту—
Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу,— я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свини и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки!

CIX.

СХ.

Ударъ ногою съ трескомъ раствориъ
 Стеклянной двери обѣ половины
 И очника лучъ блѣдный озарилъ
 Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
 Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ,—
 Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ,—
 Вошелъ и строго обратился къ Сашѣ:
 «Eh bien monsieur, que vois-je?» — «Ah, c'est vous!»
 «Pourquoi ce bruit? — Que faites vous donc?» — «.....»
 И молвивъ такъ (пускай простить мнѣ музъ),
 Однимъ тузомъ онъ выгналъ воинъ француза.

СХI.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань Кавказскихъ горъ,
 Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
 Не распостясь, но кинувъ иѣжный взоръ,
 Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
 Не могъ унять волненія сердца. «Вздоръ,—
 Шепталъ онъ, — вздоръ: любовь — не жизнь!» Но утро,
 Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
 Ужъ начало заглядывать въ окно,
 Какъ милый гость, ожиданный давно,
 А на дворѣ, унылый и докучный,
 Раздался колокольчикъ однозвучный.

СХII.

Къ окну въ волненіи Саша подбѣжалъ:
 Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
 Вотъ сѣль ямщикъ и возжи подобралъ;
 Вотъ чей-то голосъ: «Что же, все готово?» —
 «Готово». — Вотъ садится... Онъ узналъ:
 Она!... Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
 Съ обычною улыбкою своею,
 Ему кивнула тихо головой
 И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
 Взвился. «Пошелъ!»... Колеса застучали
 И вмигъ... Но что намъ до чужой печали?

СХІІІ.

Давно-ль?... Но дѣтство Саши протекло.
 Я рассказалъ, что знать вамъ было нужно...
 Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
 И быть иначе;—нѣжностью наружной
 Обманывать онъ почиталъ за зло,
 За низость,—но правдивой мести знаки
 Онъ не щадилъ (хотя бъ дошло до драки),
 И потому родитель, разсчитавъ,
 Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
 Сынка, рыдая, какъ мы всѣ умѣемъ,
 Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ...

-СХІV.

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
 Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правиль.
 Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ.
 Ее красиѣть ни разу не заставилъ.
 Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
 Которая, страшась святого брака,
 Не смѣютъ дать рѣшительного знака,
 И потому въ сомнѣнии ждутъ да ждутъ.
 Покуда ихъ на вистъ не позовутъ.
 Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
 За картами клевещутъ и жалтѣютъ.

СХІV.

Не иногда какой-нибудь лакей
 Усердный, честный, вѣрный, осторожный,
 Имѣя входъ къ владычицѣ своей
 Во всякой часѣ, съ покорностью возможной,
 Въ уютной спальни замѣняетъ ей
 Служанку, то-есть грѣбеть одѣяло,
 Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
 Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣль,
 Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ....
 И если бы хоть разъ онъ былъ свидѣтель,
 Какъ сладко спить съдая добродѣтель

CXVI.

Шалупъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много пріобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидаль, что дружба, какъ поклонъ—
Двусмысленная вещь; что добрый малый—
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавный и споспѣшный,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

CXVII.

И списокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
На двухъ листахъ, раскрашенныхъ отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обвернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальными замкомъ и розовой каймой.
Любиль онъ заговоры злобы тайшой
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любиль враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣтить,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

CXVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки,
И, наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ запосчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ, .
Какъ съ чаемъ пить иль просто голый ромъ,---
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками

CIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валить народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъupoенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ.. Профессоръ длинный
Напрасно входить, кланяется чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. Сущій адъ!...
По сердцу Сашѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

CXX.

Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часть придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключенъ и не спѣша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ,—
Я снова обращу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

CXXI.

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привести въ порядокъ ихъ одежды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятьяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрапанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала:
Она довольно долго позѣвала.

CXXII.

На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она спѣшишъ лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній
На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водой обмыла станъ свой бѣлоснѣжный...
Опять свѣжа, какъ персикъ молодой,
И, на плечи капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безпечной паготовою,
Она подходить къ нашему герою.

CXXIII.

Садится въ изголовьи и потомъ
На сонаго студею влагой плещеть.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещеть,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругий сныть на улицѣ хрустить,
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ, что миѣ всегда досадно,
Колокола трезвонять безпощадно...

CXXIV.

Прелестный день! Какъ иышенъ Божій свѣтъ!
Какъ небеса лазурны!... Торошливо
Бскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ,
Атласный галстукъ повязалъ лѣниво,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
Изобличалъ его... Но, между нами,
Сказать тихонько: это—не порокъ.
У нашихъ дамъ найти бѣ его я могъ,
Хотъ между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невиннѣй нѣту подъ луною.

СХХV.

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой
 И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,
 Онъ видитъ Катерину предъ собой,
 Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ
 И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
 Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
 Кровать; на ней, закрыта
 Хранить Нараша, отвернувъ лицо.
 Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо
 И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
 Чтобы не смѣль забыть онъ обѣщањя:

СХХVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
 Для бѣдной, милой Тирзы, и такъ далъ.
 Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
 Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
 Замѣтять ли невинный маскарадъ?
 Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
 Зачѣмъ толпу не наказать случайно
 Презрѣніемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
 И что молва?—Глушиловъ крикливы судъ,
 Коварный шопотъ злой старухи или
 Два—три намека въ польскомъ иль въ кадрили!

СХХVII.

Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входить онъ,
 Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
 «Чѣмъ кончился вчераший вашъ бостонъ?
 Я бъ не рѣшился на такую скучу,
 Хотя бы мнѣ давали миллионъ.
 Какъ ваши зубы?... А Фиделька гдѣ же?
 Она являться стала что-то рѣже.
 Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ,—увы,
 Какая жалость!... Знаете ли вы,
 На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
 Которая несетъ погибель свѣту?...

CXXVIII.

«И по дѣломъ, вѣдь новый магазинъ
 Открылся на Кузнецкомъ,—не угодно лѣ
 Вамъ посмотреть?... Тамъ есть мамзель Abine,
 Monsieur Dupr , Durand, французъ природный,
 Теперь купецъ, а бывшій дворянинъ;
 Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть субретка
 Fanchaux—плутовка, смуглая кокетка!
 Вся молодежь вокругъ нея вертится.
 Ей Богу, все равно мнѣ, что случится!
 И по одной значительной причинѣ
 Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

CXXIX.

«Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
 Онъ пустъ, какъ голова француза,—малость
 Истратилъ я; но это миѣ урокъ—
 Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!»
 И, притворясь печальнымъ, сколько могъ,
 Шалунъ склонился къ теткѣ, два—три раза
 Вздохнулъ, чтобы удалась его проказа.
 Тихонъко ларчикъ отперевъ, она
 Заботливо дорылася до дна
 И вынула три бѣленыхъ бумажки.
 И... вы легко поймете радость Сашки.

CXXX.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
 То у дверей съ недвижностью примѣрной,
 Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
 Стоялъ арапъ *, его служитель вѣрный.
 Покрытъ какъ лакомъ быль чугунный цвѣтъ
 Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
 И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,

* Арапъ этотъ быль слугою въ домѣ Лопухиныхъ, близкихъ друзей Лермонтова. Онъ его очень любилъ и упоминаетъ о немъ тоже и въ письмѣ къ С. А. Бахметевой въ августѣ 1832 г

Когда смеялся онъ, иль говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ,
И въ голосъ его, инымъ казалось,
Надменностью безсильной отзывалось.

СXXXI.

Союзъ довольно странный заключенъ
Межъ имъ и Сашей былъ. Ихъ разговоры
Казались таинственны, какъ сонъ;
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
Воображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страстный обожатель
И потому «Зафиromъ» нареченъ
Его арапъ. За nimъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?—
Всѣ восхищались этой скверной рожей!

СXXXII.

«Зафиру» Сашка что-то прошепталъ.
Зафиръ кивнулъ курчавой головою,
Блеснувъ, какъ рысь, очами, денегъ взялъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей еще стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью,
На языкѣ чужомъ и тайной страстью
Одушевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего рассказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

СXXXIII.

И, наконецъ, онъ подаль знакъ рукой
И тотъ исчезъ быстрый китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
Онъ жилъ у Саши, какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовой);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,

Добро и зло. Ему была законъ
Лишь воля господина. Въдалъ онъ,
Что, кромъ Саши, въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о «Зафирѣ».

СXXXIV.

Однако были дни давнѣмъ-давно,
Когда и онъ на берегу Гвинеи
Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
И ожерелье красное на шеѣ,
И мало ли?... О, тамъ онъ былъ звено
Въ цѣпи семей счастливыхъ!... Тамъ пустыня
Осталась неприступна, какъ святыня.
И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
И пѣна водъ бѣлѣ жемчуговъ.
Тамъ жгутъ лобзанья, и произаютъ очи,
И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

СXXXV.

Но родина и вольность, будто сонъ,
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все было непонятно—
Блестящихъ городовъ и шумъ и звонъ.
Такъ облачко, оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его.
Ему обидно общее веселье,—
Оно, нахмурясь, прячется въ ущельѣ.

СXXXVI.

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стального шишака
Колеблемыя перья! Предъ грозою
Въ одеждахъ золотыхъ издалека
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ
И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,

Обнявшись, свившись, будто куча змѣй,
Безпечно дремлють на скалѣ своей.
Настанетъ день, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спросить?

CXXXVII.

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не открылъ вниманью дружбы нѣжной.
И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно между нами,—
Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,—
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
И, не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ чуждый жизни... Миръ съ тобою.

CXXXVIII.

И миръ твоимъ костямъ! Онъ стгніютъ,
Покрытыя одеждою военной...
И сумраченъ, и тѣснѣ твой пріютъ,
И ты забытъ, какъ часовой безсмѣнныи.
Но что же дѣлать?—Жди, авось придутъ,
Быть-можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ братій.
Какъ знать, земля до молодыхъ обѣятій
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?... Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все лѣ какъ прежде
Ты любишь насъ и вѣруешь надеждѣ?

CXXXIX.

И вы, вы всѣ, которыми столько разъ
Я подносила пріятельскую чашу—
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанья славы,
Какъ призракъ, разлетѣлися. Вы правы,

Я не рожденъ для дружбы и ипровъ...
 Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
 Ущелій и свободы, и, не зная
 Гнѣзда, живу какъ итичка кочевая.

CXL.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
 Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
 Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ,
 И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
 Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
 Какъ съ свѣжаго рисунка, сладилъ краску
 Съ картины прошлыхъ дней, вздохиулъ и маску
 Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
 Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
 И, грубо пробуждая ихъ безопасность,
 Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

CXLI.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ
 За неземной границей міра?—Смутный,
 Безбрежный океанъ, гдѣ иѣть вѣкамъ
 Названья и числа; гдѣ безирютины,
 Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
 Заброшенъ въ ихъ иѣмые хороводы,
 Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
 Который вѣрно созданъ всѣхъ умній,
 Чтобъ пожирать растенія и звѣрей,
 Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
 Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

CXLII.

О, суeta! И вотъ вашъ полубогъ—
 Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
 Землей и моремъ,—всѣмъ, чѣмъ только могъ,—
 Не въ силахъ онъ прожить три дня не ъвши.
 Но полно! Злобный бѣсь меня завелъ
 Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
 Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный

Мои слова прославить, и тогда
 Нельзя креститься будетъ безъ стыда
 И поневолѣ станешь лицемѣрить,
 Смѣясь надъ тѣмъ, чemu желалъ бы вѣрить.

CXLIII.

Блаженъ, кто вѣрить счастью и любви,
 Блаженъ, кто вѣрить небу и пророкамъ,—
 Онъ долголѣтъ будетъ на земли
 И для сыновъ останется урокомъ!
 Блаженъ, кто думы гордая свои
 Умѣль смирить предъ гордою толпою,
 И кто грѣховъ тяжелою цѣною
 Не покуналъ пурпурныхъ усть и глазъ,
 Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ, какъ алмазъ!
 Блаженъ, кто не склонялъ чела младого
 Какъ бѣдный рабъ предъ идоломъ другого!—

CXLIV.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
 Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленої
 Играющихъ и шепчущихъ листовъ,—
 Подъ кровомъ скаль, откуда ключь студеный
 По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
 Струей гремучей прыгаетъ, сверкая,
 И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
 Стоитъ, какъ призракъ позднею порой,
 Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
 Трещитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
 Отсюду смотритъ черными очами!

CXLV.

Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
 Межъ дикими воспитанъ табунами,
 Кто пріученъ бытъ на хребтѣ коней,
 Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ памп
 Златыя облака, отъ раннихъ дней
 Носиться,—кто главой припавъ на гриву,
 Летаю, подобно сумрачному диву,

Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звонкимъ и впередъ землею
Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.

CXLVI.

Блаженъ!... Его душа всегда полна
Поэзіей природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣть вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина;
Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ больною грудью и больной душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скучки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—

CXLVII.

Или, трудясь, какъ глупая овца,
Въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,—
Искать чиновъ, мириясь съ людскимъ презрѣньемъ,
И поклоняться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?—
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдеть
Отчизну и картофель?... Вотъ народъ:
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служить,
Слабѣйшихъ давить, бьють его—не тужить*!

CXLVIII.

Вотъ племя: всякий чортъ у нихъ баронъ!
Профессоръ важный—каждый ихъ сапожникъ!
И смѣло вкрикъ и вкосъ глаголетъ онъ.
Какъ пиеія, возсѣвъ на свой треножникъ,

* Въ другой рукописи:

«Безъ денегъ править и за деньги служить
Всѣхъ давить самъ, а бьють его—не тужить!»

Кричитъ, шумитъ... Но что жъ?—Онъ не рожденъ
 Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
 Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
 Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
 Гдѣ-бѣ могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ.
 Которые съ ихъ грозными дѣлами
 Унесены забвенія волнами...

CXLIX.

Кто недоволенъ выходкой моей,
 Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору,
 Съ листомъ въ рукахъ, съ оправою друзей,
 И, вѣруя ихъ опытному взору,
 Печатаетъ анаему, злодѣй!...
 Я кончилъ... такъ! Дописана страница.
 Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
 Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
 Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
 Которые давно ужъ не звучали
 И вдругъ съ пера, Богъ знать, какъ упали!...

конецъ 1-й главы.

ГЛАВА II.

I.

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
 Испытывать читателей терпѣнье,
 И потому примусь за свой разсказъ
 Безъ предисловій.—Сладкое смятенье
 Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ,
 Ловлю прыгунью риѳму и, потѣя,
 Въ досадѣ призываю Асмодея.
 Какъ будто снова Богъ переселилъ
 Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,—
 Когда не зналъ я, что на слово младость
 Есть риѳма: *гадость*, а не только *радость!*

II.

Давно когда-то за Москвой-рѣкой,
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой,
Былъ домъ угольный, и въ немъ жизнь играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустой.
Внизу живеть съ беззубой половиной
Безмолвный дворникъ... Шылью, паутиной
Обвѣшаны, какъ и неемъ, кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
И временемъ, и окна краской бѣлой
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Искерченный; но часть ихъ не пришелъ,—
Они гниютъ незримо, лишь порою
Скользить по нимъ играющій эолъ,
Или еще крыло жильца развалинъ—
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
Исчезнувшихъ принельцевъ гордый слѣдъ.
Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужъ иѣтъ:
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоцѣнной?
Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ присталъ,
И русскій Богъ отмстилъ за храмъ священный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ имъ путь въ степи морозной—
И степь ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и илѣномъ и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался, какъ комета,
Сталь говорить съ насмѣшкой голось свѣта.

V.

И старый домъ, куда привеъ я васъ,
Его паденья былъ свидѣтель хладный.
На изразцахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи и жадно
Въ нихъ ищетъ мысли—и безплодный часъ
Проходитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
Какъ надписи надгробныя, онъ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ,—
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

VI.

И образы языческихъ боговъ—
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами—
Лежатъ въ углахъ извергнуты съ столбовъ,
Раскрашеныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ и глядятъ сурово,
И, мнится, обвинительное слово
Изъ мертвыхъ усть ихъ пзлетить,—увы!
О, если бъ этотъ домъ знали вы
Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если бъ время было въ нашей волѣ!...

VII.

Бывало только утренней зарей
Освѣтятся церквей главы златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя,
Отражены зеркальною волной;
Бывало только прачка молодая
Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ, зѣвая,
Выходитъ, и сквозь утренній морозъ
Раздастся первый стукъ колесъ,—
А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И нестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII.

И каждый день идетъ въ немъ ширъ горої,
 Смѣются гости и бренчать стаканы.
 Въ стеклѣ граненомъ даръ земли чужой
 Елокочеть и шинить аи румяный,
 И отъ крыльца каретъ недвижный строй
 Далеко тячетсѧ, и въ залѣ длинной,
 Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
 Красавицы, столицы лучшій цвѣтъ,
 Мелькаютъ... Вотъ учтивый минуэтъ
 Рисуется вамъ, вотъ шопотъ удивленья,
 Улыбка, взгляды, вздохи, изъясненья...

IX.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
 Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,
 Бездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
 У зеркала

[Здѣсь рукопись обрывается].

1836.

Казначейша.

[Собственно озаглавлена была «Тамбовская казначейша» и напечатана въ «Современникѣ» 1838 г., т. XI, № 3. По цензурнымъ соображеніямъ, и въ текстѣ вмѣсто «Тамбовская» вездѣ печатали только заглавную букву Т. Рукопись не найдена, а потому пополнить пропуски нельзя. Однако родственникъ Лермонтова Ак. Павловичъ Шанъ-Гирей продиктовалъ мнѣ вѣкоторыя пропущенные мѣста. (Строфа I, строка 13.—Строфа XII, послѣднія три строки.—Строфа XVI, строки 3 и 4, да снизу третья.—Строфа XXXIII, 5 стр.—Строфа XLIV, стр. 7 и 8). Кромѣ того въ строфе VIII я внесъ изъ «Современника» 2-ую строку, по недосмотру пропускавшуюся въ послѣднихъ изданіяхъ. — Ср. письмо къ М. Я. Лопухиной 15 февр. 38 г.].

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

Посвященіе.

Пускай слыву я старовѣромъ —
Мнѣ все равно, я даже радъ:
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку.
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненѣемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ —
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Тамбовъ на картѣ генеральной
 Кружкомъ означенъ не всегда;
 Онъ прежде городъ былъ опальный,
 Теперь же, право, хоть куда!
 Тамъ есть три улицы прямые,
 И фонари и мостовые;
 Тамъ два трактира есть: одинъ
 Московскій, а другой Берлинъ;
 Тамъ есть еще честыре будки,
 При нихъ два будочника есть,
 По формѣ отдаются вамъ честь,
 И смына имъ два раза въ сутки;
 Тамъ зданье лучшее острогъ...
 Короче, славный городокъ!

II.

Но скуча, скуча, Боже правый!
 Гостить и тамъ, какъ надъ Невой,
 Поить васъ прѣсною отравой,
 Ласкаетъ черствою рукой.
 И тамъ есть чопорные франты,
 Неумолимые педанты,
 И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
 И музыкальныхъ вечеровъ;
 И тамъ есть дамы — просто, чудо!
 Діаны строгія въ чепцахъ,
 Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
 При нихъ нельзя подумать худо:
 Въ глазахъ грѣховное прочтуть,
 И васъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ ожился кругъ дворянскій,
 Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,
 Пришло извѣстье: полкъ уланскій
 Въ Тамбовъ будетъ зимовать.
 Уланы!... ахъ, такие хваты!.

Полковникъ вѣрио неженатый;
А ужъ бригадный генераль,
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
Зато, несносные скунцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье; сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV.

И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотить Аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ кабакъ,

Уланы справа по шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

v.

Услыши ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура! Катерина!
Скорѣе туфли и платокъ!
Да гдѣ Иванъ? Какой мѣшокъ!
Два года ставни отворяютъ...»
Вотъ ставни настежь. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ —

И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!» — «Гдѣ? Майоръ?» — «О, нѣть!
Какъ онъ хороши, а кошь — картина!
Да жаль, онъ, кажется, користъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣриши ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостиницы Московской —
Притона буйныхъ усачей —
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,
Зато предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки:
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ шторъ —
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;

Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
 Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
 Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
 Блуждать была его охота,
 И потому онъ былъ игрокъ
 [Его единственный порокъ].
 Любиль нальво и направо
 Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
 Четвертый кушъ перечеркнуть,
 Рутёркой понтирунуть со славой,
 И талью скверную порой
 Запить цимлянского струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
 Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
 Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
 И воспитатель ихъ сыновъ.
 Его краплённая колоды
 Не разъ невинные доходы
 Съ индеекъ, масла и овса
 Вдругъ пожирали въ полчаса.
 Губернскій врачъ, судья, исправникъ —
 Таковъ его всегдашній кругъ;
 Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
 И за столомъ такой забавникъ,
 Что казначейша иногда
 Сгорить бывало отъ стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
 Что казначей мой былъ женатъ.
 Благословилъ его Создатель,
 Пославъ ему въ супругъ кладъ.
 Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
 Хотя держаль довольно просто
 И не выписывалъ чепцовъ

Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый стариkъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямь, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронетъ землю башмачекъ.
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла, какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалось, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки —
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Не чисто *р* произносила;
Но этотъ маленький порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ! — о томъ причины скрыты;

Но есть въ Тамбовѣ двѣ кумы,
У нихъ, пожалуй, спросимъ мы. *

XIII.

Для болѣй ясности романа
Здѣсь объявить миѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чёмъ тутъ, Боже справедливый,
Не судять милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ нелживый —
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

Итакъ, тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы
• • • • • • • • • • • •
Что жъ — знаніе се сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса мілый,
[Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ],
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ,
Штабсъ-ротмистръ, строенъ, какъ корнетъ,
Взоръ пылкій, усы довольно черный;
Короче, идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

* По рассказу А. П. Шань-Гирея Лермонтовъ самъ выкинулъ эти три строки, касавшіяся его тетки, сестры отца, Анны Петровны и ея пріятельницы, но на что собственно намекалъ Лермонтовъ, Шань-Гирей запамятаовалъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣніе
Еще корнетомъ прокутилъ.
Съ тѣхъ порь дарами Провидѣнія,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ, спать ложась, привыкъ не вѣдать —
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтеромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣль имѣли хвастовства.

XVI.

Страстью земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда
И не смущенъ бы былъ и раемъ,
Когда бъ попался и туда.
Бывало въ дѣлѣ подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшилъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподѣльной остротой.
Шутя однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Чтобъ отъ кнута избавить вора.*
Порой, незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;

* Редакторъ послѣднихъ изданій совершенно произвольно пополнилъ эту
гл. «Современикъ» точками означенную строку, придуманнымъ стихомъ
«Иль стала душою заговора».

Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умъя пролагать.
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни;
А не смотря на то, друзья!
Счастливый былъ, чѣмъ вы и я.

.

Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Гаринъ:
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ не мало онъ смѣшнова—
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль беспокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
«Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
«Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь! и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей!»

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ.
На кудри мягкая надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой—
Даръ молдаванки молодой.

Сидить и смотрить онъ прилежно...
 Воть промелькнувши какъ во мглѣ,
 Обрисовался на стеклѣ
 Головки милой профиль иѣжный;
 Воть будто стукнуло окно...
 Воть отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенье городъ сонный,
 На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
 Еще по улицѣ мощеной
 Не раздается стукъ каретъ...
 Что жъ казначейшу молодую
 Такъ рано подняло? Какую
 Назвать причину повѣрнѣй?
 Ужъ не безсонница ль у ней?...
 На ручку опершись головкой,
 Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
 Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ—
 Заняться этимъ намъ неловко...
 И если правду ужъ сказать,
 Ну, кстати ль было бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
 Бродилъ по синимъ небесамъ,
 Потомъ склонился къ поднебесной
 И вдругъ—какой позоръ и срамъ,
 Напротивъ, у окна трактира,
 Сидѣтъ мужчина—безъ мундира.
 Скорѣй, штабсъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ!
 И подѣломъ... оконшко стукъ...
 И скрылось милое видѣнье.
 Конечно, добрые друзья,
 Такая грустная статья
 На васъ навѣяла бъ смущенье;
 Но я отдамъ улану честь—
 Онъ молвилъ: «что жъ? начало есть!»

XXII.

Два дня окно не отворялось.
 Онъ терпѣливъ. На третій день
 На стеклахъ снова показалась
 Ея плѣнительная тѣнь.
 Тихонько рама заскрипѣла;
 Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
 Но опытный замѣтилъ взглядъ
 Ея заботливый нарядъ.
 Своей удачею довольный,
 Онъ всталъ и вышелъ со двора—
 И не вернулся до утра.
 Потомъ, хоть было очень больно,
 Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
 Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
 Имѣла участъ нѣжныхъ ссоръ:
 Межъ нихъ завелся очень скоро
 Нѣмой, но внятный разговоръ.
 Языкъ любви—языкъ чудесный,
 Одной лишь юности извѣстный—
 Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
 Не сталъ ты языккомъ роднымъ?
 Въ минуту страстнаго волненія
 Кому хоть разъ ты не помогъ
 Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
 Кого подъ игомъ принужденья,
 Въ толпѣ завистливой и злой,
 Не спасть ты, чудный и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
 Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
 Когда она встаетъ съ постели,
 Пить съ мужемъ чай, идетъ гулять,
 Отправится ль она къ обѣднѣ—

Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній:
 Къ сырой колонѣ прислоняясь,
 Стоитъ, все время не крестясь.
 Лучемъ красиющѣй ламиады
 Его лицо озарено:
 Какъ мрачно, холодно оно!
 А испытующіе взгляды
 То вдругъ померкнутъ, то блестятъ —
 Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣніе,
 Что любопытенъ иѣжный поль.
 Улашъ большое впечатлѣніе
 На казначейшу произвѣлъ
 Свою странностю. Конечно,
 Не надо было бъ мысли грѣшной
 Дорогу въ сердце пролагать,
 Ея бояться и ласкать!

.

Жизнь безъ любви такая скверность!
 А что, скажите, за предметъ
 Для страсти мужъ, который сѣдь?

XXVI.

Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
 Такъ говорилъ любовникъ мой.
 «Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
 А я не сказочный герой».
 Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
 Лакей.—Что это?—«Вотъ-съ записка;
 Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-сь,
 Самъ не прїхалъ: много дѣлъ-сь;
 Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
 А вечеркомъ потанцовывать.
 Онъ самъ изволилъ такъ сказать».

— «Ступай, скажи, что я пріѣду».
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель—
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,
Но праздникъ въ томъ не потерялъ;
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ ручку съ генеральштейнъ
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительного звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушить
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное—смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,

И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О! скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ иѣсни полковой?
И скоро ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ, у лѣска,
Бросасть лучъ исподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой:
Внился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билося...
И вдругъ—не знаю какъ случилось,
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ началися извиненья
И завязался разговоръ;
Два комилимента, иѣжный взоръ—
И ужъ дошло до изъясненія...
Да, да, какъ честный офицеръ!
По казначейша не примѣръ.

XXXI.

Она въ отвѣтъ на иѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ сиѣша скрыть,
Невишной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить—
Таковъ обычай деревенскій!
Номучить—способъ самый женскій.
И ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!

Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête,
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!

· · · · · · · · · · · · · · · · · · · ·

XXXII.

Вообщѣ, я могъ въ году послѣднемъ
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ бреднямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!
Такая мудрая супруга,
Въ часы любовнаго досуга
Вамъ вдругъ захочеть доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять,
Иль, вмѣсто пламеныхъ лобзаній,
Магнитизировать начнетъ—
И счастливъ мужъ, коли заснетъ!...
Плоды подобныхъ замѣчаній,
Конечно бѣ, могъ не вѣдать міръ,
Но польза, польза — мой кумиръ.

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы! молясь иной святыни,
Не вѣруютъ Амуру нынѣ:
Забыть любви волшебный царь;
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщенiemъ
Провинціалы не спѣшатъ;

· · · · · · · · · · · · · · · · · · · ·

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
 Его сковалъ могучий взоръ...
 Ей дома цѣлу ночь все снилось
 Бряцанье сабли или шпоръ.
 Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
 Садится въ шлафорѣ измятомъ
 Она за вѣчную канву—
 Все тотъ же сонъ и наяву.
 По службѣ занять мужъ ревнивый,
 Она одна—разгуль мечтамъ!
 Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
 Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!...»
 Вотъ чай-то шагъ и передъ неї
 Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
 Кто этотъ гость нежданый былъ.
 Немного, можетъ-быть, посиѣши
 Любовникъ смѣлый поступилъ;
 Но, впрочемъ, взяви въ разсмотрѣніе
 Его минувшее терпѣніе
 И разсудивъ, легко поймешь,
 Зачѣмъ рискуетъ молодежь.
 Кивнувъ легонько головою,
 Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,
 И на лицо ея навелъ
 Взоръ, отуманиный тоскою;
 Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
 Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

«Я вижу, вы меня не ждали—
 Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
 Ахъ! вы еще не испытали,
 Что въ страсти значитъ день, что часъ!
 Среди сердечнаго волненія

Нѣть силы, нѣть власти, нѣть терпѣнья.
 Я здѣсь—на все рѣшился я...
 Тебѣ я преданъ... ты моя!
 Ни мелочныя толки свѣта,
 Ничто, ничто не страшно мнѣ;
 Презрѣнья свѣтской болтовни—
 Иль я умру отъ пистолета...
 О, не пугайся, не дрожи!
 Вѣдь я любимъ—скажи, скажи!..»

XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,
 Склоняясь къ ней, то угасалъ
 То, разгораясь страстью томной,
 Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
 Блѣдна, въ смущеньи оставалась
 Она предъ нимъ!... Ему казалось,
 Что чрезъ минуту для него
 Любви наступить торжество...
 Какъ вдругъ внезапный и невольной
 Стыдъ овладѣлъ ея душой—
 И, вспыхнувъ вся, она рукой
 Толкнула прочь его: «довольно!
 Молчите, слышать не хочу!
 Оставите ль?... я закричу!...

XXXVIII.

Онь смотрить: это не притворство,
 Не штуки—какъ ни говори—
 А просто, женское упорство;
 Капризы—чортъ ихъ побери!
 И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
 Штабсъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
 И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
 Дверь настежь—и въ дверяхъ супругъ.
 Красотка «ахъ!» Они взглянули
 Другъ другу сумрачно въ глаза;
 Но молча разнеслась гроза,

И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣль и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часть ему приносить
Записку грязную лакей.
Что это? Чудо! нынче просить
Къ себѣ на вистикъ казначей:
Онъ именинникъ—будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
Весь день проводитъ опъ въ волненіи.
Насталъ и вечеръ, паконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!
Домъ полонъ; что за освѣщенъ!
А все—засунуть, или иѣть,
Въ карманъ, на случай, пистолеть?

XL.

Опъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова.
Они другъ другу чужды снова.
Онъ о погодѣ говорить;
Она—«да-съ», «иѣть-съ», и замолчитъ ..
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды иѣть.
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.
Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ-нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ;

Законы мудрые природы
 Я безразсудно пренебрегъ.
 Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
 Сковала душу мнѣ усталость,
 А сожалѣнья день и ночь
 Твердить о прошломъ. Чѣмъ помочь?
 Назадъ не возвратять усилия.
 Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
 Глядя на горы и на долъ,
 Напрасно не подъемлетъ крылья,
 Кровавой пищи не клюетъ,
 Сидитъ, молчать и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты, возрасть милый,
 Когда все сердцу говорить,
 И бьется сердце съ дивной силой,
 И мысль восторгами кинить?
 Не все жъ томиться бесполезно
 Орлу за клѣткою желѣзной.
 Онь свой воздушный прежній путь
 Еще найдетъ когда-нибудь,
 Туда, гдѣ сиѣгомъ и туманомъ
 Одѣты темные скалы,
 Гдѣ гнѣзда вьють одни орлы,
 Гдѣ тучи бродятъ караваномъ—
 Тамъ можно крылья развернуть
 На вольный и роскошный путь.

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ
 И даже выспренимъ мечтамъ.
 Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
 О, чудеса! хозяинъ самъ
 Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ.
 Сажаетъ, потчуетъ вареньемъ,
 Несетъ шампанскаго стаканъ.
 «Гуда!» мыслить мой уланъ.

Толпа гостей теснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначай
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ:
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ—
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
За злато совѣсть и законъ
Готовъ продать охотно онъ.
А вотъ уѣзжий предводитель—
Весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ, спокойствія рачитель,
Сидить и самъ исправникъ... но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздумпиной,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ;
Нетёсаный, недоученый,
А ужъ безиравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ, какъ велять—
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своимъ чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
 Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
 Повѣрить проигрыши не смѣя,
 Сидѣлъ съ пощипшей головой.
 Иные, при удачной тальи,
 Стаканы шумно наливали
 И чокались. Но банкометъ
 Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
 По гладкой лысинѣ струился,
 Онъ все проигрывалъ до тла.
 Въ ушахъ его: дана, взяла!
 Такъ и звучали. Онъ взбѣсился—
 И проигралъ свой старый домъ,
 И все, что въ немъ или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
 Трехъ лошадей, два хомута,
 Всю мебель, женины сержки,
 Короче—все, все дочиста.
 Отчаянья и злости полный,
 Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
 Ужъ было за полночь. Треща,
 Одна погасла ужъ свѣча.
 Свѣть утра синевато-блѣдный
 Вдолъ по туманнымъ небесамъ
 Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
 Сонъ прогулять казалось вредно,
 Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
 Вниманья просить у гостей,

XLVIII.

И просить важно позволенья
 Лишь талью прометнуть одну,
 Но съ тѣмъ, чтобы отыграть имѣнья
 Иль—проиграть ужъ и жену.—
 О, страхъ! о, ужасъ! о, злодѣйство!

И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень рать!»
Онъ говорить: «пускай шумятъ:
Мы дѣло кончимъ полюбовно;
Но только, чуръ, не плутовать—
Иначе, вамъ не сдѣлать!»

XLIX.

Теперь кружокъ понтёровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ.
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усастаго героя,
Который почитируетъ стоя,
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой—вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ, вдалекѣ,
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

L.

Что въ ней тогда происходило—
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ-быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы поневолѣ бѣ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза.
Смѣшило участіе въ человѣкѣ,
Который живъ и зиаетъ свѣтъ!
Разсказы вымыслившихъ бѣдъ

Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ?—вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась—
И жребій выпалъ... часть насталъ...
Тогда Авдотья Николаевна,
Вставъ съ кресель, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаныи, подошла—
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь—
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчальное кольцо—

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку^{*}
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ расчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстю забавной
Смущенъ быль городъ благонравный.
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ;
Улана проклялъ миный полъ—

* Въ рукописяхъ Чертковск. библіот. въ Москвѣ на клоцкѣ бумаги сохранились 4 строки, являющіяся вариантомъ.

«И въ обморокъ; схвативъ въ охапку
Ее штабсъ-ротмистръ вынесъ воинъ...
Забывъ расчеты, саблю, шапку,
Успѣхомъ диснычъ упосѣнъ».

За что—мы, право, не дознались.
Не завись ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки—выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня брашили?
Вы ждали дѣйствія страстей?
Повсюду нынче ищутъ драмы,
Всѣ просятъ крови—даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ:
Простымъ, первическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что жъ дѣлать!... Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья, покамѣстъ будеть съ васъ.

1835—1837.

Бояринъ Орша.

[Напечатано было въ первый разъ безъ эпиграфовъ въ юльск. книжкѣ «Отеч. Записокъ» за 1842 годъ съ примѣчаніемъ Андр. Ал. Краевскаго: „эта поэма принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ Лермонтова. Она написана была еще въ 1835 году, когда Лермонтовъ только что начиналъ выступать на литературное поприще. Вносясь въ обществѣ, строгий судья собственныхъ произведений, онъ оставилъ намѣреніе печатать ее, и даже, взявъ цѣлые тирады, преимущественно изъ II главы, включилъ ихъ въ новую свою поэму: «Мцыри»... Рукопись поэмы, данная мнѣ авторомъ еще въ 1837 году [вѣроятно въ 1838] едва ли не единственная, хранилась у меня до сихъ поръ съ другими оставленными имъ пьесами». Характерный мѣста, перенесенный поэтомъ въ Мцыри, находится въ стихотвореніи его «Исповѣдь», писанномъ раньше, въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ. «Бояринъ Орша» отнесена мною къ годамъ отъ 35—37 потому, что есть намѣки, что поэтъ работалъ надъ поэмой еще на Кавказѣ въ 1837 году. См. примѣч. къ стихотворенію «Поэтъ» т. I, стр. 372].

ГЛАВА I.

Then burst her voice in one long shriek
And to the earth she fell like stone
Or statue from its base o'erthrown;

L. В у г о н. (Parisina).

Переводъ:

И вырвалася одинъ протяжный крикъ,
Какъ камень на землю она упала,
Какъ сброшеннное съ пьедестала изванье.

Во время дно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша.—Важный санъ
Далъ Оршъ Грозный Иоашъ.
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо—наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;

Въ день Воскресенія Христа
 Поцѣловалъ его въ уста,
 И обѣщался въ тотъ же день
 Дать тридцать царскихъ деревень
 Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
 Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
 Онъ не любилъ придворный шумъ;
 При видѣ трепетныхъ листецовъ
 Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
 И разъ опричнымъ огорченъ,
 Такъ Иоашну молвилъ онъ:

«Надѣжа-царь! пусти меня
 На родину—я десь отъ дня
 Все старъ; даже не могу
 Обиду вымстить врагу.
 Есть многого слугъ въ дворцѣ твоемъ.
 Пусти меня! Мой старый домъ
 На берегу Днѣпра крутомъ,
 Близъ рубежа Литвы чужой,
 Обросъ могильною травой;
 Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
 Онъ догнietъ—и упадетъ.
 Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
 Тамъ я родился—тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
 Покой темные кругомъ
 Уставилъ златомъ и сребромъ;
 Икону въ ризѣ дорогой
 Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
 Повѣсили въ каждомъ онъ углу,
 И запестрѣлись на полу
 Узоры шелковыхъ ковровъ,
 Но лучшее царскихъ всѣхъ даровъ
 Былъ Божій даръ—младая дочь;
 О ней онъ думалъ день и ночь,

Въ его глазахъ она росла
 Свѣжа, невинна, весела,
 Цвѣтокъ грядущаго святой,
 Былого памятникъ живой!
 Такъ средь развалинъ иногда
 Растетъ береза: молода,
 Мила надъ плитами гробовъ
 Икрою шепчущихъ листовъ...
 И та холодная стѣна
 Ея красой оживлена!..

· · · · ·

Туманно въ полѣ и темно.
 Одно лишь свѣтится окно
 Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
 Сквозь тучи смотритъ иногда.
 Тяжелый звякнуль ужъ затворъ,
 Угрюмъ и пусть широкій дворъ.
 Вотъ, испытавъ замки дверей,
 Съ гремучей связкою ключей
 Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
 И взоры на небо возвелъ:
 «А завтра быть грозѣ большой!»
 Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой:
 «Смотри-ка, молнія вдали
 Такъ и доходитъ до земли,
 И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
 Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
 И воетъ вѣтеръ, будто звѣрь...
 Дай кучу злата миѣ теперь,
 Съ кошюши лучшаго коня
 Сейчасъ сѣдлайте для меня—
 Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
 Ни для родимаго отца!»
 Такъ разсуждая самъ съ собой,
 Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
 Лишь вдалекѣ едва гремятъ
 Его ключи... Вокругъ палатъ

Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спитъ—не спитъ одицъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покой пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образы;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживаются, глядятъ—
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска.
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ, и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣеть тѣнь во всѣхъ углахъ,
И—странны—Оршу обнялъ страхъ!
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
Но тутъ—онъ свистнулъ, и вошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «скучно мнѣ,
Все думы черныя одицъ.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,

И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну.»

И на скамью присѣлъ Соколь
И рѣчъ такую онъ завелъ:

«Жиль былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времечко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палать, и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

Тотъ царь былъ слабъ и хилъ и старъ,
А дочь—непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ.

И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
Свой ключъ серебряный опъ взялъ,
Сапожки шелковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну-красоту...
Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
Дочь сладко спитъ, но не одна;
Припавъ на грудь ея главой,
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда,
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить...»

И быстро на устахъ раба—
 Какъ будто тайная борьба
 Въ то время совершилась въ немъ—
 Улыбка вспыхнула, потомъ
 Онъ очи на небо возвѣлъ,
 Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай, Соколь.»
 Махнувъ дрожащею рукой,
 Сказалъ бояринъ: «въ часъ иной
 Расскажешь сказку до конца
 Про оскорбленнаго отца!»

И по морщинамъ старика,
 Какъ тѣни облака, слегка
 Промчались тѣни черныхъ думъ,
 Встревоженный и быстрый умъ
 Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
 Онъ жиль: онъ зналъ людей и свѣтъ,
 Онъ зломъ не могъ быть удивленъ.
 Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
 Не вѣрилъ только потому,
 Что вѣрилъ нѣкогда всему!...

И вспыхнуль въ немъ остатокъ силы.
 Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ
 Соболю шубу на плеча
 Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
 И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
 Къ свѣтлицѣ дочери своей.
 Ступени лѣстницы крутой
 Подъ тяжкою его стопой
 Скрипятъ, и свѣчка раза два
 Изъ руки не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
 Сидитъ на старомъ сундукѣ
 И спитъ глубоко, и порой
 Во снѣ качаетъ головой;
 На ней, предчувствіемъ обѣять,
 На мигъ онъ удержанъ свой взглядъ—

И мимо; но, послыша стукъ,
 Старуха пробудилась вдругъ,
 Переクロстилась, и потомъ
 Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
 И, занята своей мечтой,
 Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
 Свѣтлицы дочери своей
 И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
 Къ замку—и думаетъ старикъ:
 «Нѣть! непорочна дочь моя.
 А ты, Соколъ, ты рабъ, змѣя,
 За дерзкій, хитрый твой намекъ
 Получишь гибельный урокъ!»
 Но вдругъ... о горе! о позоръ!
 Онъ слышитъ тихій разговоръ...

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

«О! погоди, Арсеній мой!
 Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
 День безъ меня—и мигъ со мной!...»

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

«Не плачь... утѣшься! — близокъ часъ—
 И будетъ міръ ничто для нась.
 Въ чужой, но близкой сторонѣ
 Мы будемъ счастливы вполнѣ,
 И не раба обнимешь ты
 Среди полночной темноты.
 Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
 Меня привезъ, и твой отецъ
 Вручилъ ему свой кошелекъ,
 Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
 Тоской по вольности томимъ,
 Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
 И блескомъ ангельскихъ очей
 Прикованъ у тюрьмы моей,
 Задумалъ я свой край родной

Навѣкъ оставить, но съ тобой!...
 И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
 Нашелъ товарищѣй лихихъ,
 Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
 Людской законъ для нихъ не святъ,
 Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ.
 Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
 Но ты моя—и я богатъ!»

И голоса замолкли вдругъ.
 И слышитъ Орша тихій звукъ,
 Звукъ поцѣлую... и другой...
 Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
 И, изступленный и нѣмой,
 Предсталъ предъ блѣдною четой... *

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
 На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
 Глаза ихъ встрѣтились—и вмигъ
 Мучительный, ужасный крикъ
 Раздался, пролетѣль—и стихъ.
 И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
 Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
 Что дважды изъ груди одной
 Не вылетаетъ звукъ такой.
 И тяжко съ ложа на коверъ,
 Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
 Небрежной сброшенный рукой,
 Произведя ударъ глухой,
 Упало что-то.—И на зовъ
 Боярина толпа рабовъ,

* Послѣ этого слѣдуютъ зачеркнутые стихи:

«Свѣчи дрожащи красный лучъ,
 Какъ будто молниѧ изъ тучъ,
 Прервавъ любви послѣдній пылъ,
 Всѣ чувства ихъ оледенила...
 Она при немъ, безъ думъ, безъ силъ,
 Едва успѣла отомкнуть
 Уста отъ устъ, отъ груди грудь.»

Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ,
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда жъ безумца увѣли
И шумъ шаговъ утихъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколь,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянуль,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безнокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все снова спало крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

The rest thou dost already know,
And all my sins, and half my woe.
But talk no more of penitence...

L. В у г о н (The Giaour).

Переводъ:

Всё остальное уже знаешь ты,
Мои грѣхи споиза; печаль—на половину.
Не говори же мнѣ о пакаиы.

Народъ кипитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоять.
Ихъ коня мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоить; по временамъ звена
Стремяна бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьется землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила,
И иѣна легкая — бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ —
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье — изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей,
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходять по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ;
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ

Произнесеть отецъ святой
Падъ бѣдной грѣшиной головой.

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ нальво два стола
И пышныхъ кресель полуокругъ —
Издѣлье иноческихъ рукъ —
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной
Врываюсь бѣлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Играли на камениомъ полу.
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналь, какъ могъ
Усердный инокъ... жалкій трудъ,
Отнявшій множество мицутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ...
Искусства горестный удѣль!

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенія вѣтерка
Принодымялися слегка.
Движеніемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И, въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,

Покрыть одеядою раба
 Стоялъ Арсеній у столба.
 Но въ молодомъ лицѣ его
 Вы не нашли бѣ ни одного
 Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
 Кружится, вѣтвится надъ душой
 Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
 Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
 Съ холодной важностью лица,
 И мстить хоть этимъ до конца?
 Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
 Глубокой мыслю постигъ,
 Что онъ въ цѣпи существъ давно
 Едва ль не лишнее звено?...
 Задумчивъ онъ смотрѣлъ въ окно
 На голубыя небеса:
 Его манила ихъ краса;
 И кудри легкихъ облаковъ,
 Небесъ серебряный покровъ,
 Неслись свободно, быстро тамъ,
 Кидая тѣни по холмамъ.
 И онъ увидѣлъ: у окна,
 Заботой рѣзвою полна,
 Летала ласточка — то внизъ
 То вверхъ, подъ каменный карнизъ
 Кидалась съ дивной быстротой
 И въ щели пряталась сырой;
 То, взвившись на небо стрѣлой,
 Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
 И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
 Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
 Съ природой жизнью одной.
 Блеснули тусклые глаза,
 Но этотъ блескъ былъ — не слеза;
 Онъ улыбнулся, но жестокъ
 Въ его улыбкѣ былъ упрекъ

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
 Невнятный говоръ голосовъ,
 Скрипъ отворяемыхъ дверей...
 Опи! — вошли! — Толпа людей
 Въ высокихъ, черныхъ клубукахъ,
 Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
 Согбенный тягостю веригъ,
 Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
 Отецъ-игуменъ. — Сорокъ лѣтъ
 Ужъ онъ не зналъ, что Божій свѣтъ;
 Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
 Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
 Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
 И крестъ держалъ передъ собой;
 И крестъ осыпанъ былъ крутомъ
 Алмазами и жемчугомъ.
 И трость игумена была
 Слоновой кости, такъ бѣла,
 Что лишь съ сѣдой его брадой
 Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
 И плѣнника подвѣстъ велѣлъ,
 И одного изъ чернецовъ
 Позвалъ по имени: суроў
 И холоденъ былъ видъ лица
 Того святого чернeca.
 Потомъ игуменъ, наклоняясь,
 Сказалъ боярину, смѣясь,
 Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
 На сей вопросъ или совѣтъ
 Кивнулъ бояринъ головой...
 И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
 И понялъ данный знакъ монахъ —
 Упрекъ, готовый на устахъ,
 Словами книжными убралъ
 И такъ преступнику вѣщаlъ:
 «Безумный, бренный сынъ земли!

Злой духъ и страсти привели
 Тебя медовою тропой
 Къ границъ жизни сей земной.
 Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
 Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
 Простить не можетъ судь земной, *
 Но въ небѣ есть Судья иной:
 Онъ милосердъ, Ему теперь
 При нась дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНИЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ — благодарю.
 Не понимаю, что была
 У васъ за мысль? — Мои дѣла
 И безъ меня ты долженъ знать,
 А душу можно ль разсказать?
 И если бъ могъ я эту грудь
 Передъ тобою развернуть,
 Ты вѣрно не прочель бы въ ней,
 Что я безсовѣстыни злодѣй!
 Пусть монастырскій вашъ законъ
 Рукою Бога утвержденъ,
 Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
 Ему неменѣе святой:
 Онъ оправдалъ меня — одинъ
 Онъ сердца полный властелинъ!
 Когда бъ сквозь бѣдныій мой парядъ
 Не прошкалъ до сердца ядъ,
 Тогда я быль бы виноватъ.
 Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
 И подъ одеждой раба,
 Но полный жизнью молодой,

* Варіантъ:

«И казнь назначилъ судь людской,
 Но въ небесахъ Судья другой.
 Предъ Нимъ съ раскаяньемъ теперь
 Ты мнѣ дѣла свои повѣрь.»

Я человѣкъ, какъ и другой.
 И ты, и ты, слѣпой старикъ,
 Когда бъ ея небесный ликъ
 Тебѣ явился хоть во снѣ,
 Ты позавидовалъ бы мнѣ
 И, въ изступленьи, можетъ быть,
 Рѣшился бъ также согрѣшить,
 И клятвы бъ грозныя забылъ,
 И перенестъ бы счастливъ быть
 За слово, ласку или взоръ
 Мое страданье, мой позоръ!...

ОРША.

Не поминай теперь о ней!
 Напрасно! — На груди моей,
 Хоть нынѣ поздно вижу я,
 Согрѣлась, выросла змѣя!...
 Но ты заплатишь мнѣ теперь
 За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
 За сердце жъ дочери моей
 Я заплачу тебѣ, злодѣй —
 Тебѣ, найдѣнышь безъ креста,
 Презрѣнныи рабъ и сирота!...

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
 Кто мой отецъ и живъ ли онъ?
 Не знаю... Люди говорятъ,
 Что я тобой ребенкомъ взятъ,
 И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
 Подъ строгій иноковъ надзоръ,
 И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
 Душой дитя — судьбой монахъ!
 Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
 Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтобъ я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ имецъ?

Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ — могиль!
 Но нынче самъ я не хочу
 Предать ихъ имя палачу,
 И все, что славно было бъ въ немъ,
 Облить и кровью и стыдомъ.
 Умру, какъ жилъ, твоимъ рабочъ!...
 — Нѣть, не грози, отецъ святой:
 Чего бояться намъ съ тобой?
 Обоихъ настъ могила ждетъ...
 Не все ль равно, что день, что годъ?
 Никто ужъ намъ не господинъ;
 Ты въ рай, я въ адъ — по путь одинъ!
 Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
 Два раза былъ свободенъ я:
 Послѣдній — нынѣ... Въ первый разъ,
 Когда я жилъ еще у васъ,
 Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
 Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
 Взглянуть на синяя поля,
 Узнать, прекрасна ли земля,
 Узнать, для воли иль тюрьмы
 На этотъ свѣтъ родимся мы...
 И въ часть почной, въ ужасный часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда, столясь при алтарѣ,
 Вы пицъ лежали на землѣ,
 При блескѣ молнией роковыхъ
 Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ;
 Боязнь съ одеждой кинула прочь,
 Благословилъ и хладъ и ночь,
 Забылъ печали бытія
 И бурю братомъ назвалъ я.
 Восторгомъ бѣшенымъ обять,

Съ ней унеслись я быль бы радъ;
 Глазами тучи я слѣдилъ,
 Рукою молнию ловилъ!
 О старецъ! что средь этихъ стѣнь
 Могли бы дать вы мнѣ взамѣнь
 Той дружбы краткой и живой
 Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

ИГУМЕНЬ.

На что намъ знать твои мечты?
 Не для того предъ нами ты!
 Въ другомъ ты нынѣ обвишъ,
 И хочетъ истины законы.
 Открой же намъ дружей своихъ
 Убийцъ, разбойниковъ иочныхъ,
 Которыхъ страшная дѣла
 Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
 Съ которыми, забывши честь,
 Ты мильтъ несчастную увезъ.

АРСЕНИЙ.

Мильтъ ихъ назвать? — Отецъ святой,
 Вотъ что умреть во мильтъ, со мной.
 О, пѣть, ихъ тайну — не мою,
 Я неизмѣнно сохраню,
 Пока земля въ урочный часъ
 Какъ двухъ друзей не приметъ наасъ.
 Пытай желѣзомъ и огнемъ —
 Я не признаючи ни въ чемъ;
 И, если хоть миунтный крикъ
 Измѣнить мнѣ... тогда, старикъ,
 Я вырву слабый мой языкъ!...

МОНАХЪ.

Страхись упорствовать, глупецъ!
 Къ чему?... Ужъ близокъ твой конецъ.
 Скорѣе тайну намъ предай.
 За гробомъ есть и адъ и рай,
 И вѣчность въ томъ или другомъ...

АРСЕНИЙ.

Послушай, я забылся сномъ
 Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
 Я приближающійся звукъ,
 Знакомый, милый разговоръ,
 И будто вижу ясный взоръ...
 И, пробудясь, во тьмѣ скорѣй
 Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
 Увы! они въ груди моей!
 Они на сердцѣ, какъ печать,
 Чтобъ я не смѣль ихъ забывать,
 И жгутъ его, и вновь живятъ...
 Они мой рай, они мой адъ!
 Для вспоминанія о нихъ
 Жизнь — ничего, а вѣчность — мигъ!..

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
 Пади на землю, плачь, молись,
 Прими святую въ грудь боязнь...
 Мечтанья злыхъ — Божья казнь!
 Молись ему...

АРСЕНИЙ.

Напрасный трудъ!
 Не говори, что Божій судъ
 Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
 Все люди, люди, мой отецъ!
 Пускай умру... но смерть моя
 Не продолжитъ ихъ бытія,
 И дни грядущіе мои
 Имъ не присвоить — и въ крови,
 Неправой казнью пролитой,
 Въ крови безумца молодой
 Имъ разогрѣть не суждено
 Сердцѣ, увядшія давно;
 И гробъ безъ камня и креста,
 Какъ жизнь ихъ ни была свята,

Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
 Ступеню новой къ небесамъ;
 И тѣль несчастнаго, повѣрь,
 Не отопреть имъ рая дверь...
 Меня могила не страшить:
 Тамъ, говорять, страданье спить
 Въ холодной вѣчной тишинѣ...
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
 Я молодъ, молодъ—зналъ ли ты,
 Что значитъ молодость, мечты?
 Или не зналъ? или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
 Въ глубокой трещинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись, голубъ молодой
 Сидитъ, испуганный грозой?..
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постыль... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ...
 Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
 Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
 Ты жилъ — я также могъ бы жить!..

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
 Рѣчь нечестивую прерваль,
 И, негодяя, всѣ вокругъ
 На гордый видъ и гордый духъ,
 Столъ непреклонный предъ судьбой,
 Шептались грозно межъ собой,
 И слово «пытка» тамъ и тамъ
 Вмигъ пробѣжало по устамъ.
 Но узникъ былъ невозмутимъ,

Безчувственно внималъ онъ имъ.*
 Такъ бурей брошенъ на песокъ
 Худой, увязнувшій членокъ,
 Лишенній веселья и гребцовъ,
 Недвижимъ ждеть напоръ валовъ.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина
 Густой туманъ, какъ пелена
 Съ посеребренною каймой,
 Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой,
 И сквозь него высокій боръ,
 Разсыпанный по скату горъ,
 Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
 Едва чернѣя вдалекѣ.
 И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
 Выходятъ стаи облаковъ,
 А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
 Выходитъ красная заря.
 Блестятъ кресты монастыря;
 По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
 И по расписаннымъ вратамъ
 Прекрасный, чистый и живой,
 Какъ счастье жизни молодой,
 Играеть лучъ ея златой.

* Прежде было написано:

«Безчувственно внималъ онъ имъ,
 Какъ мертвый образъ божества
 Внимаетъ кликамъ торжества:
 Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ
 Онъ все—и рабъ и властелинъ.
 Безъ чувства, самъ предметъ страстей,
 И выше всѣхъ—и всѣхъ слабѣй!
 Такъ бурей брошенъ на песокъ» и пр.

Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ;
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро—тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: «гдѣ же казначей?
Поди, спроси его скорѣй—
Не затерялъ ли онъ ключей!»
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что невиновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернцы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: «бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?» *
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой...

Пришли, глядя: распилена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый, на пескѣ лежалъ
Стальнай, зазубренной кинжалъ;
И польскійшелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

* Было написано:

«Досада, любопытство, страхъ
Видѣлись въ постныхъ ихъ чертахъ;
Прошла обѣдня въ суетахъ;»

Пошли прилежно по слѣдамъ:
 Они вели къ Диѣпру — и тамъ
 Могли замѣтить на мели
 Рубецъ отчалившей ладьи.
 Вблизи, на прутьяхъ тростника,
 Лоскуть того же кушака
 Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
 Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ! — Но кто ему помочь?
 Конечно люди, а не Богъ!...
 И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
 Знать, точно онъ большой злодѣй!
 Такъ, собираясь, межъ собой
 Твердили иноки порой. *

ГЛАВА III.

"Tis he! 'tis he! I know him now;
 I know him by his pallid brow...
 L. Вугон. (*The Giaour*).

Переводъ.
 Онъ! онъ! теперь я узнаю его!
 Я узнаю — по блѣдному челу;

Зима. Изъ глубины снѣговъ
 Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,

* Было еще написано:

«Когда жъ бояринъ все узналъ,
 Онъ поблѣдѣлъ, затрепеталъ,
 Глаза его покрылись мглой;
 Не зря, смотрѣлъ онъ предъ собой;
 Рука на небо поднялась...
 Отъ синихъ губъ оторвалась
 Не рѣчъ, но звукъ — ужасный звукъ,
 Отзыvъ еще сильнѣйшихъ муки,
 Невнятный, какъ далекій громъ...
 Три дня, три ночи цѣлый домъ
 Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ,
 — Они прошли — но съ этихъ поръ,
 Какъ будто отъ рожденья нѣмъ,
 Онъ слова не сказалъ ни съ кѣмъ...»

Какъ призраки, склоняясь челомъ
Надъ замерзающимъ Диѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ — и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна,
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги
И скрипъ и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Но выюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собраться челяди своей,
Точить мечи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва,
Что беспокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ — на пиръ мечей.

Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней

И каждый съ знаменьемъ креста
 За нимъ проѣхалъ въ ворота;
 Лишь онъ, безмолвныи, не крестясь,
 Какъ басурманъ, татарскій князь,
 Къ своимъ приближась воротамъ,
 Возвелъ глаза — не къ небесамъ,
 Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
 Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ;
 Гдѣ иныче вѣтеръ лишь живетъ,
 И гдѣ, качая изрѣдка
 Дверь безъ ключа и безъ замка,
 Какъ мать качаетъ колыбель,
 Поеть гулливая метель!

.

Учался далъ шумный бой,
 Оставя слѣдъ багровый свой...
 Между поверженныхъ коней,
 Обломковъ копій и мечей
 Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
 Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
 То низко голову склоня
 До гривы чернаго коня,
 То вдругъ привставъ на стременахъ...
 Кто жъ онъ? не русскій и не ляхъ —
 Хоть платье польское на немъ
 Пестрѣло ярко серебромъ,
 Хоть сабля польская, звения,
 Стучала по ребрамъ коня.
 Чела крутого смуглый цвѣть,
 Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
 Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
 Почти могли бъ увѣрить васть,
 Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
 Онъ былъ не молодъ и не старъ.
 Но, разсмотрѣвъ его черты,

Не чуждыя той красоты
 Невыразимой, по живой,
 Которой блескъ печальный свой
 Мысль неизмѣнная дала,
 Гдѣ все, что есть добра и зла
 Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
 Отражено, какъ на стеклѣ,—
 Вздохнувши, всякий бы сказалъ,
 Что жилъ онъ меныше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
 Корнистый дубъ, какъ великанъ,
 Его пятою попиралъ
 И горделиво разстилалъ
 Надъ нимъ, по прихоти своей,
 Шатерь чернѣющихъ вѣтвей.
 Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
 Тутъ и затихъ. Громада тѣль
 Обезображеныхъ мечемъ
 Пестрѣла на курганиѣ томъ.
 И снѣгъ, окрашенный въ кровь,
 Кой-гдѣ протаялъ до земли;
 Кора на дубѣ вѣковомъ
 Была изрублена кругомъ,
 И кровь на ней видна была,
 Какъ будто бы она текла
 Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
 И всадникъ вѣхалъ на курганъ,
 Потомъ съ коня онъ соскочилъ
 И такъ въ раздумья говорилъ:
 «Вотъ мѣсто — мертвый иль живой
 Онъ здѣсь... вотъ дубъ — къ нему спиной
 Прижалавшись, бѣшеный стариkъ
 Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
 Какъ окружень со всѣхъ сторонъ
 Съ пятью рабами бился онъ.
 И дорого тебѣ, Литва,
 Досталась эта голова!...

Здѣсь, сквозь толпу издалека
 Я видѣлъ, какъ его рука
 Три раза съ саблей поднялась
 И опустилась... Каждый разъ,
 Когда она являлась вновь,
 По ней ручьемъ бѣжала кровь...
 Четвертый взмахъ я долго ждалъ...
 Но съ поля онъ не побѣжалъ,
 Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ!...»
 И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
 Подходитъ, смотритъ: «это онъ!»
 Главу, омытую въ крови,
 Бояринъ приподнялъ съ земли
 И слабымъ голосомъ сказалъ:
 «И я узналъ тебя! узналъ!
 Ни время ни чужой нарядъ
 Не измѣнить зловѣщій взглядъ
 И это гордое чело,
 Гдѣ преступленіе и зло
 Печать оставили свою.
 Арсеній! — Такъ! я узнаю,
 Хотя могилы на краю,
 Улыбку прежнюю твою,
 И въ ней шипящую змѣю!
 Я узнаю и голосъ твой
 Межъ звуковъ стороны чужой,
 Которыми ты, можетъ-быть,
 Его желаешь измѣнить.
 Твой умыселъ постигъ я весь,
 Я знаю, для чего ты здѣсь.
 Но, вѣрный родинѣ моей,
 Не отверну теперь очей,
 Хоть ты бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
 Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
 И сожалѣніе и печаль...
 Но знай, что жизни миѣ не жаль,
 А жаль лишь то, что часть мой биль,

Покуда я не отомстилъ;
 Что не могу поднять меча,
 Что на рукахъ моихъ, съ плеча
 Омытыхъ кровью до локтей
 Злодѣевъ родины моей,
 Ни капли крови нѣтъ твоей!...»

«Старикъ! о прежнемъ позабудь...
 Взгляни сюда на эту грудь,
 Она не въ ранахъ, какъ твоя,
 Но въ ней живеть тоска-змѣя!
 Ты отомщенъ вполнѣ давно,
 А кѣмъ и какъ — не все ль равно?
 Но лучше мнѣ скажи, молю,
 Гдѣ отыщу я дочь твою?
 Отъ рукъ враговъ земли твоей,
 Ихъ поцѣлуевъ и мечай,
 Хоть самъ теперь межъ ними я,
 Ее спасти я поклялся!»

«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
 Тамъ дочь моя; ни ночь ни днѣмъ
 Не ъесть, не спить: все ждетъ да ждетъ,
 Покуда милый не придетъ.
 Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
 Теперь обиженный отецъ
 Для васъ лишь страшенъ — какъ мертвѣцъ!...»
 Онъ дальше говорить хотѣлъ,
 Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
 Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
 Но пальцы сжались межъ собой,
 Тѣнь смерти мрачной полосой
 Промчалась на его челъ;
 Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
 Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
 И — духъ отъ тѣла отлетѣлъ.

Къ нему Арсеній подошелъ,
 И руки сжатыя развелъ,

И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы, какъ алмазъ.
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной какъ смерть сама.

И долго юноша падъ нимъ
Стоялъ, раскаянъемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая — не прощенъ ни въ чёмъ!
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Стариныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замирающихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвца
Кинѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужъ время шло къ закату дня,
И сѣль Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Вонзилъ ему — и въ два ирыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко. — Пеленой
Широкою за пимъ луга
Тянулись: яркіе сиѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячию огней. —
Предъ пимъ стѣной знакомый лѣсь
Чернѣетъ на краю небесь;

Подъ сънье деревъ възжаетъ онъ.
 Все тихо, всюду мертвый сонъ,
 Лишь иногда съ съдого пня,
 Послыша близкій храпъ коня,
 Тяжелый воронъ, царь степной,
 Слетить и сядетъ на другой,
 Свой кровожадный чистя клевъ
 О сучья жесткія деревъ;
 Лишь отдаленный вой волковъ,
 Бѣгущихъ жадною толпой
 На мѣсто битвы роковой,
 Терялся въ тишинѣ степей...
 Сыпучій иней вокругъ вѣтвей
 Березъ и сосенъ, надъ путемъ
 Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
 Висѣль косматой бахромой;
 И часто шапкой иль рукой
 Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
 Прахъ серебристый осыпалъ
 Его лицо... И быстро онъ
 Скакалъ въ раздумье погруженъ.
 Измучилъ непривычный бѣгъ
 Его коня. Въ глубокій снѣгъ
 Онъ вязнетъ часто... Труденъ путь!
 Какъ печь, его дымится грудь;
 Отъ нетерпѣнья съдока
 Въ крови и пѣнѣ все бока.
 Но близко, близко... Вотъ и домъ,
 На берегу Днѣпра крутомъ,
 Предъ нимъ встаетъ пѣзъ-за горы.
 Заборы, избы и дворы
 Привѣтливо между собой
 Тѣснятся пестрою толпой,
 Лишь домъ боярскій между нихъ,
 Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
 Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
 Все пусто... будто гладъ иль моръ

Недавно пировали въ немъ.
 Онъ слѣзъ съ коня, идеть пѣшкомъ...
 Толпа играющихъ дѣтей,
 Испуганныхъ огнемъ очей,
 Одеждой чуждой пришлеца
 И блѣдностью его лица,
 Его встрѣчаетъ у крыльца
 И съ крикомъ убѣгаеть прочь...
 Онъ входить въ домъ — въ покояхъ ночь,
 Закрыты ставни; полъ скрипитъ;
 Пустая утварь дребезжитъ
 На старыхъ полкахъ; лишь порей,
 Широкой, бѣлой полосой
 Рисуясь на печи большой,
 Проходитъ въ трещину ставней
 Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зритъ;
 Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
 Наверхъ по шаткимъ ступенямъ.
 Вотъ свѣтъ мелькнулъ его очамъ,
 Предъ нимъ замерзшее окно:
 Оно давно растворено;
 Сугробомъ собрался большими
 Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ...
 Увы, знакомыя мѣста!
 Наѣво дверь — но заперта.
 Какъ кровью, ржавчиной покрыть,
 Большой замокъ на ней виситъ,
 И вынувъ ножъ изъ кушака,
 Онъ всунулъ въ скважину замка,
 И затрешавъ, распался тотъ...
 И тихо дверь толкнувъ впередъ,
 Онъ входить робкою стопой
 Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
 Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,

И слабый шепчеть онъ привѣтъ.
 На взглядъ, на рѣчъ отвѣта нѣть!
 Однако смято ложе сна,
 Какъ будто бы на немъ она,
 Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
 Главу покоила не разъ,
 Младенческій вкушай сонъ.
 Но, приближаясь, видить онъ
 На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
 Чернѣющій слоями прахъ,
 И ткани паутинъ сѣдыхъ
 Вокругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
 Упалъ заката лучъ златой,
 Играя, на коверъ цвѣтной.
 Арсеній голову склонилъ...
 Но вдругъ затрясся, отскочилъ
 И вскрикнулъ, будто на змѣю
 Поставилъ онъ пяту свою...
 Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
 Когда бъ быстрѣй чѣмъ мысль иль взглядъ,
 Въ него проникъ смертельный ядъ... *

Громаду бѣлую костей
 И желтый черепъ безъ очей,
 Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
 Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
 Густая, длинная коса,
 Плечь бѣломраморныхъ краса,
 Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
 Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,

* Было еще написано и затѣмъ зачеркнуто:
 «Исчезнуть радъ бы онъ съ земли,
 Но муки жизнь ему спасли.
 Одежды длинный лоскутокъ
 Который сгинулъ, увялъ, поблекъ,
 Громаду...» и пр.

Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ...

· · · · ·

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ обѣятія земли!
Душа прекрасная ея,
Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой,
И, какъ укоръ, передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ.
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ иль безъ тревогъ,
Когда и какъ — то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенній сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной! *

Да! я преступникъ, я злодѣй —
Но казнь равна лѣвицѣ моей?
Ни на землѣ ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ...
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насть.

* Послѣ этого слѣдуютъ зачеркнутые стихи:
«Жить и страдать теперь на что?
Она ничто — и все ничто!
Передъ людьми преступникъ я.
Меня казнить судьба моя,
Но о счастьи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь!
Пусть вѣчно мучусь — не бѣда,
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!»

О, если бъ рай передо мной
 Открыть быль властью неземной —
 Клянусь, я прежде чѣмъ вступиль,
 У вратъ священныхъ бы спросиль:
 Найду ли тамъ среди святыхъ,
 Погибшій рай надеждъ моихъ?
 Творецъ! отдай ты мнѣ назадъ
 Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
 Отдай мнѣ свѣжія уста
 И голосъ сладкій, какъ мечта,
 Одинъ лишь слабый звукъ отдай!..
 Что безъ нея земля и рай?
 Одни лишь звучныя слова,
 Блестящій храмъ — безъ божества!...

Теперь осталось мнѣ одно:
 Иду! — куда? Не все ль равно
 Та иль другая сторона?
 Здѣсь прахъ ея, но не она!
 Иду отсюда навсегда
 Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
 Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,
 И выюга сльдъ завѣтъ мой!...»

1837.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго куница, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угомщили насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I.

Не сіаетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидить во златомъ вѣнцѣ
Сидить грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоять стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И шируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствие свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда

Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднестъ его опричникамъ.
И вѣсъ пили, царя славили,
Лишь одицъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навель на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго,
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормлёнъ Малютиной!..»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:
«Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Че кори ты раба недостойнаго:

Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную — не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.»

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да обѣ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходить весело;
Какъ стекло горить сабля острая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.
Какъ я сяду, пойду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную—
У воротъ стоятъ у тесовыхъ
Красны дѣвшушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходить плавно — будто лебѣдушка,
Смотрить сладко — какъ голубушка,

Молвить слово — соловей поеть;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божиемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплещеныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣллются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алѣной Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житѣе на вольное, на казацкое.
Ужь сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлять по себѣ злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сиряя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется... .

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахъ смыслѣнной покланяйся,

И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—праздной свадебку,
Не полюбишься—не прогибайся.»

«Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...»

*

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы доброго боярина
И боярнию его бѣлолицую!

II.

За прилавкомъ сидить молодой купецъ,
Статный мѣлодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванию Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ,
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерни во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонить ихъ мятелица распѣвающи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираеть Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ иѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.

И пошел онъ домой, призадумавшись,
 Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.
 И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
 И дивится Степанъ Парамоновичъ:
 Не встрѣчаетъ его молода жена,
 Не накрыть дубовый столъ бѣлой скатертью,
 А свѣча передъ образомъ еле теплится.
 И кличетъ онъ старую работницу:
 «Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
 А куда дѣвалась, затаилася
 Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
 А что дѣтки мои любезныя—
 Чай забѣгались, заигралися,
 Спозаранку спать уложилися?»

«Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
 Я скажу тебѣ диво дивное:
 Что къ вечернѣй пошла Алѣна Дмитревна;
 Вотъ ужъ попѣ прошелъ съ молодой попадьей,
 Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,
 А по сю пору твоя хозяюшка
 Изъ приходской церкви не вернулася.
 А что дѣтки твои малыя
 Почивать не легли, не играть пошли—
 Плачемъ плачутъ, все не унимаются».

И смущился тогда думой крѣпкою
 Молодой купецъ Калашниковъ.
 А онъ сталъ къ окну, глядить на улицу—
 И на улицѣ ночь темнѣхонька;
 Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
 Заметаетъ сльдь человѣческій.
 Вотъ онъ слышилъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
 Потомъ слышитъ шаги торопливые;
 Обернулся, глядитъ—сила крестная!
 Передъ нимъ стоитъ молода жена,
 Сама блѣдная, простоволосая,
 Косы русыя расплетенныя
 Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,

Смотрять очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчуть рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»

И, услышавъ то, Алѣна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслася, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восилакалась,
Въ ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно-солнышко
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
Отъ вечерни я домой шла ионече
Вдоль по улицѣ одинѣшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ,
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженъки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,

Я слуга царя, царя грознаго,
 Прозываюся Кирибьевичемъ,
 А изъ славной семьи изъ Малютиной.—
 Испугалась я пуще прежняго;
 Закружилась моя бѣдная головушка.
 И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
 И цѣлую, все приговаривалъ:
 — Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
 Моя милая, драгоцѣнная!
 Хочешь золота али жемчугу?
 Хочешь яркихъ камней аль цветной парчи?
 Какъ царицу, я наряжу тебя,
 Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
 Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
 Полюби меня, обними меня
 Хоть единый разъ на прощаніе!—
 И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
 На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
 Живымъ пламенемъ разливаются
 Поцѣлуй его окаянные...
 А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
 Смѣявшись, на пасъ пальцемъ показывали...
 Какъ изъ рукъ его я рванулася
 И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
 И остались въ рукахъ у разбойника
 Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
 И фата моя бухарская.
 Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
 Меня честную, непорочную...
 И что скажутъ злыесосѣдушки?
 И кому на глаза покажусь теперь?
 Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
 Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
 На кого, кромъ тебя, мнѣ надѣяться?
 У кого просить стану помощи?
 На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
 Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,

Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безвѣсти,
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алёна Дмитревна;
Горючими слезами заливалася.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонились,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не срѣбѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ наконилося:
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!»

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесы,
Туда ичтатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвцевовъ убирать,

Къ нему малые орлята слетаются:
 Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
 Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
 А ужъ мы тебя роднаго не выдадимъ!»

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
 Ужъ потѣшьте вы доброго боярина
 И боярнию его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
 Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
 Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
 По тесовымъ кровелькамъ играючи,
 Тучки сѣрыя разгоняючи,
 Заря алая подымается;
 Разметала кудри золотистые,
 Умывается синѣгами разсыпчатыми;
 Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
 Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
 Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
 На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
 Удалые бойцы московскіе
 На Москву-рѣку, на кулачный бой,
 Разгуляться для праздника, потѣшиться.
 И прѣхалъ царь со дружиною,
 Со боярами и опричниками.
 И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
 Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
 Оципили мѣсто въ двадцать пять саженъ
 Для охотничьаго бою, одиночнаго.
 И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
 Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
 «Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
 Вы потѣшите царя, нашего батюшку!»

Выходите-ка во широкій кругъ;
 Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
 А кто будетъ побить, тому Богъ проститъ!»
 И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
 Царю въ поясъ молча кланяется,
 Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
 Поднерши въ бокъ рукою правою,
 Поправляетъ другой шапку алую,
 Ожидаетъ онъ себѣ противника...—
 Трижды громкій кличъ прокликали—
 Ни одицъ боецъ и не тронулся,
 Лишь стоять да другъ друга поталкиваютъ.
 На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
 Надъ плохими бойцами подсмѣвается:
 «Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
 Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
 Отнущу живого съ покаяніемъ,
 Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
 И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
 Молодой купецъ, удалой боецъ,
 По прозванию Калашниковъ.
 Поклонился прежде царю грозному,
 Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
 А потомъ всему народу русскому.
 Горятъ очи его соколиные
 На опричника смотрять пристально.
 Супротивъ него онъ становится,
 Боевые рукавицы натягивается,
 Могутныя плечи распрямливается,
 Да кудряву бороду поглаживается.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
 «А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
 Ты какого роду, племени,
 Какимъ именемъ прозываешься?
 Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
 Чтобы было чѣмъ похвастаться».

Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
 «А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
 А родился я отъ честнова отца,
 И жилъ я по закону Господнему:
 Не позорилъ я чужой жены,
 Не разбойничалъ ночью темною,
 Не таился отъ свѣта небеснаго...
 И промолвишь ты правду истинную:
 По одномъ изъ настъ будуть панихиду пѣть,
 И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
 И одинъ изъ настъ будеть хвастаться,
 Съ удалими друзьями пирующи...
 Не шутку шутить, не людей смѣшить
 Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
 Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
 Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
 Бойки очи его затуманились,
 Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
 На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
 Вотъ молча оба расходятся,
 Богатырскій бой начинается.
 Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
 И ударилъ впервый купца Калашникова,
 И ударилъ его посерѣдь груди —
 Затрещала грудь молодецкая,
 Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
 На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
 Со святыми мощами изъ Киева,
 И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
 Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
 И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
 «Чему быть суждено, то и сбудется;
 Постою за правду до-послѣднѣва!»
 Изловчился онъ, приготовился,
 Собрался со всею силою
 И ударилъ своего ненавистника,

Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча,
 И опричникъ молодой застоналъ слегка,
 Закачался, упалъ замертво;
 Повалился онъ на холодный снѣгъ,
 На холодный снѣгъ, будто сосенка,
 Будто сосенка, во сыромъ бору
 Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
 И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
 Прогнѣвался гиѣвомъ, тощулъ о землю
 И нахмурилъ брови черныя;
 Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
 И привестъ его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
 «Отвѣтай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
 Вольной волею, или нехотя,
 Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
 Мово лучшаго бойца, Кирилѣвича?»

«Я скажу тебѣ, православный царь:
 Я убилъ его вольной волею,
 А за что, про что—не скажу тебѣ;
 Скажу только Богу единому.
 Прикажи меня казнить—и на илаху несть
 Мнѣ головушку новинную;
 Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
 Не оставь молодую вдову,
 Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...»

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
 Удалой боецъ, сынъ купеческій,
 Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
 Молодую жену и сиротъ твоихъ
 Изъ казны моей я пожалую,
 Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
 По всему царству русскому широкому
 Торговать безданно, безпошлино.
 А ты самъ ступай, дѣтинушка,
 На высокое мѣсто лобное,
 Сложи свою буйную головушку.

Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую...
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навострѣнныимъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуйтесь, да обнимитесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алѣнѣ Дмитрѣвиѣ,
Закажите ей меныше печалиться,
Про меня моимъ дѣтишкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всемъ нанимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божій
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютую, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимирской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою

И проходить мимо люди добрые:
 Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
 Пройдетъ мѣлодецъ—пріосанится,
 Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
 А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
 Гусляры молодые,
 Голоса заливные!

Красно начинали—красно и кончайте.
 Каждому правою и честью воздайте.

Тароватому боярину слава!
 И красавицѣ—боярынѣ слава!
 И всему народу христіанскому слава!

[Напечатано было въ первый разъ безъ подписи въ Литер. приб. къ Русскому Инвалиду, 1838 г. № 18, издававшихся тѣогда А. А. Краевскимъ.—Затѣмъ въ Изд. Стих. 1840 года. Здѣсь однако недостаетъ стиха: «Вотъ о землю царь стукнулъ палкою, и дубовый полъ на полчетверти онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ», почему и въ переводѣ пѣсни на нѣмецкий языкъ Боденштедтомъ этого нѣста нѣтъ].

1838.

Бѣглѣцъ.

Горская лѣгенда.

[Въ первый разъ напечатано въ журналѣ «Вчера и Сегоднія» 1845 г. № 2 небрежно и исправлено по рукописи (Чертк. Библ.) въ изданіи 1860 года. Стихотвореніе нѣвѣрно приписывалось къ 1841 году. Но бумага и почеркъ, да и на основаніи завѣреній А.П. Шань-Гирея, писано оно не позднѣе 1838 года. Оно было привезено съ Кавказа послѣ первой ссылки поэта].

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля браши,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли
И подъ пятой у супостата
Лежать ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока
И надъ пустынею пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.

Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался опъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшить знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дома.
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ:
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Старикъ пришельца не узналъ;
На ложѣ мучимый недугомъ,
Одинъ онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ: отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...» спросилъ Селимъ,
Поднявъ slabѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
«Два дня мы билися въ тѣснинѣ:
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ.
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ по всюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И, вотъ пророкъ!—твоихъ услугъ,
Я до могилы не забуду!»
А умирающій въ отвѣтѣ:

«Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
 Ни крова ни благословенья
 Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
 Стыда и тайной муки полный,
 Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
 Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
 За непривѣтливый порогъ.
 И, саклю новую минуя,
 На мигъ остановился онъ,
 И прежнихъ дней летучій сонъ
 Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуй
 Его холодное чело.
 И стало сладко и свѣтло
 Его душѣ; во мракѣ ночи,
 Казалось, пламенныя очи
 Блеснули ласково предъ нимъ,
 И онъ подумалъ: «я любимъ...»
 Она лишь мнай живеть и дышитъ...»
 И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
 И слышитъ пѣсню старины.
 И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

«Мѣсяцъ плыветъ,
 И тихъ и спокоенъ,
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ.
 Ружье заряжаетъ джигитъ,
 И дѣва ему говоритъ:
 «Мой милый, смѣлѣе
 Ввѣряйся ты року.
 Молися Востоку,
 Будь вѣрешъ пророку,
 Будь славѣ вѣрнѣй.
 Своимъ измѣнившій
 Измѣной кровавой,
 Врага не сразивши,
 Погибнетъ безъ славы;
 Дожди его ранъ не обмоютъ,

И звѣри костей не зароютъ.—
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ!»

Главой поникувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсицы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣеть домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ;
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его—не одного.
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ...»

— Одинъ?—

«Одинъ!»

— А гдѣ отецъ и братья?—

«Пали.

Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли.»

— Ты отомстилъ?—

«Не отомстилъ...»

Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ kraю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.»

— Молчи, молчи! гляуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,

Не омрачу я стары годы.
 Ты рабъ и трусь... а мнѣ не сынъ!—
 Умолкло слово отверженья,
 И все кругомъ объято сномъ.
 Проклятъя, стоны и моленья
 Звучали долго подъ окномъ,
 И, наконецъ, ударъ кинжала
 Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
 И мать поутру увидала,
 И хладно отвернула взоръ.
 И трунь, отъ праведныхъ изгнанный,
 Никто къ кладбищу не отнесъ,
 И кровь съ его глубокой раны
 Лизалъ, рыча, домашній песь.
 Ребята малые ругались
 Надъ хладнымъ тѣломъ мертвца;
 Въ преданьяхъ вольности остались
 Позоръ и гибель бѣглеца.
 Душа его отъ глазъ пророка
 Со страхомъ удалилась прочь,
 И тѣнь его въ горахъ Востока
 Понянѣ бродитъ въ темну ночь;
 И подъ окномъ, по утру рано,
 Онъ въ саклю просится, стуча;
 Но, внемля громкій стихъ Корана,
 Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
 Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

[Въ сентябрѣ 1838 года Лермонтовъ написалъ еще разъ «Демона» и перенесъ мѣсто дѣйствія изъ Испаніи на Кавказъ. См. Приложеніе: *плитай очеркъ Демона*].

1839—1840.

М ц ы р и *.

Вкусная вкусихъ мало меда, и съ
азъ умираю.

І Книга Царствъ.

I.

Не много лѣтъ тому назадъ
Тамъ, гдѣ сливаюшася шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильница благовоний дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ исковъ за насть.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полу живой,
Людьми и смертю забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надписи говорить
О славѣ прошлой—и о томъ,
Какъ удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.

* *Мцыри*—на грузинскомъ языке значитъ «неслужащий монахъ», иѣ-
то въ родѣ «ислушника». Первоначально поэма была названа *Бэрі* и
говорено, что *Бэрі* по-грузински значитъ монахъ

*

И Божья благодать сошла
На Грузию!—Она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаясь враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣниаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ;
Онъ знакомъ пищу отвергалъ,
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больного призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,

Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
 Изречь мошашескій обѣтъ,
 Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
 Осенней ночью. Темный лѣсъ
 Тянулся по горамъ кругомъ.
 Три дня всѣ поиски по немъ
 Напрасны были; но потомъ
 Его въ степи безъ чувствъ нашли
 И вновь въ обитель принесли.
 Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
 И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
 Болѣзнь иль голодъ испыталъ.
 Онъ на допросъ не отвѣчалъ
 И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ
 И близокъ сталъ его конецъ.
 Тогда пришелъ къ нему чернецъ
 Съ увѣщеваньемъ и мольбой;
 И, гордо выслушавъ, больной
 Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
 И долго такъ онъ говорилъ:

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ, благодарю.
 Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
 Словами облегчить мнѣ грудь;
 Но людямъ я не дѣлалъ зла,
 И потому мои дѣла
 Не много пользы вамъ узнать—
 А душу можно ль разсказать? *
 Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
 Такихъ двѣ жизни за одну,

* Послѣ этого были написаны, но потомъ зачеркнуты слѣдующіе строки:

«И если бъ могъ я эту грудь
 Передъ тобою распахнуть,
 Ты вѣрно не нашелъ бы въ ней
 Слѣдовъ порока и страстей.
 Какъ быть? Я мало зналъ людей».

Но только полную тревогъ.
 Я промѣнялъ бы, если бъ могъ *.
 Я зналъ одной лишь думы власть,
 Одну—но пламенную страсть:
 Она, какъ червь, во мнѣ жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 Отъ келій душныхъ и молитвъ
 Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
 Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
 Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
 Я эту страсть во тьмѣ ночной
 Вскормилъ слезами и тоской;
 Ее предъ небомъ и землей
 Я нынѣ громко признаю,
 И о прощеньи не молю».

IV **.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
 Что ты меня отъ смерти спасъ—

* Слѣдующіе въ текстѣ 14 стиховъ написаны вмѣсто прежнихъ 6, которыи оканчивалась глава:

«Когда бъ я былъ хоть вольный звѣрь,
 Я не томился бъ какъ теперь
 Души болѣзню нѣмой,
 Я бъ отыскалъ врага и бой,
 Я бъ разомъ умеръ, не грустя,
 Судьбѣ покорный, какъ дитя».

** Эта строфа первоначально начиналась такъ:

«Не знаю, гдѣ я былъ рожденъ.
 Порой лишь помню я, какъ сонъ,
 Громады горъ, крутыхъ, сѣдыхъ,
 И тучи спящія на нихъ.
 Я слышалъ, люди говорятъ,
 Что я тобой ребенкомъ взять;
 И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ
 Душой дитя, судьбой монахъ.
 Безъ игръ и ласки, одинокъ—
 Грозой оторванный листокъ!
 Никто мнѣ здѣсь не могъ сказать...»

Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ имень—
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ—могиль!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! Теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и спротой.»

V.

«Меня могила не страшить:
Тамъ, говорять, страданье спнть
Въ холодной вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться миѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ неувидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,

Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись, голубъ молодой
 Сидить, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ.
 Что за нужда? Ты жиль, старикъ!
 Тебѣ есть въ мірѣ чтоб забыть,
 Ты жиль—я также могъ бы жить!»

VI.

«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
 На волѣ?—Пышные поля,
 Холмы, покрытые вѣнцомъ
 Деревъ, разросшихся кругомъ,
 Шумящихъ свѣжею толпой,
 Какъ братья въ плясѣ круговой.
 Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
 Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
 И думы ихъ я угадалъ:
 Мне было свыше то дано!
 Простерты въ воздухѣ давно
 Обѣятья каменные ихъ
 И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
 Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
 Имъ не сойтися никогда!
 Я видѣлъ горные хребты,
 Причудливые, какъ мечты,
 Когда въ часъ утренней зары
 Курилися, какъ алтари,
 Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
 И облачко за облачкомъ,
 Покинувъ тайный свой почлегъ,
 Къ востоку направляло бѣгъ—
 Какъ будто бѣлый каравант

Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
 Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
 Въ снѣгахъ, горящихъ, какъ алмазъ,
 Сѣдой, незыблемый Кавказъ—
 И было сердцу моему
 Легко, не знаю почему.
 Миѣ тайный голосъ говорилъ,
 Что иѣкогда и я тамъ жилъ,
 И стало въ памяти моей
 Прошедшее яснѣй, яснѣй...»

VII.

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
 Ущелье наше и кругомъ
 Въ тѣни разсыпанный аулъ;
 Миѣ слышался вечерній гулъ
 Домой бѣгущихъ табуновъ
 И дальний лай знакомыхъ псовъ.
 Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
 При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
 Противъ отцовскаго крыльца
 Сидѣвшихъ съ важностью лица;
 И блескъ оправленныхъ ножонъ
 Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
 Все это смутной чередой
 Вдругъ пробѣгало предо мной.
 А мой отецъ? Онъ, какъ живой,
 Въ своей одеждѣ боевой
 Являлся мнѣ, и помнилъ я
 Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
 И гордый, непреклонный взоръ;
 И молодыхъ моихъ сестеръ...
 Лучи ихъ сладостныхъ очей,
 И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
 Надъ колыбелью моей...
 Въ ущельѣ тамъ бѣжалъ потокъ,
 Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;

Къ нему, на золотой песокъ,
 Играть я въ полдень уходиъ
 И взоромъ ласточекъ слѣдиъ,
 Когда онъ передъ дождемъ
 Волны касалися крыломъ.
 И вспомнилъ я нашъ мирный домъ:
 И предъ вечернимъ очагомъ
 Разсказы долгіе о томъ,
 Какъ жили люди прежнихъ дней,
 Когда былъ міръ еще пышнѣй».

VIII.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
 На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
 Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
 Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
 Безсильной старости твоей.
 Давнымъ-давно задумалъ я
 Взглянуть на дальняя поля;
 Узнать, прекрасна ли земля;
 Узнать, для воли иль тюрьмы
 На этотъ свѣтъ родимся мы—
 И въ часть ночной, ужасный часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда, столясь при алтарѣ,
 Вы ницъ лежали на землѣ,
 Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
 Обняться съ бурей былъ бы радъ!
 Глазами тучи я слѣдиъ,
 Рукою молнію ловилъ...
 Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
 Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
 Той дружбы краткой, но живой,
 Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...»

IX.

«Бѣжалъ я долго—гдѣ? куда?
 Не знаю! Ни одна звѣзда

Не озаряла трудный путь.
 Минь было весело вдохнуть
 Въ мою измученную грудь
 Почную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ—
 И только. Много я часовъ
 Бѣжалъ и, наконецъ, уставъ,
 Прилегъ между высокихъ травъ;
 Прислушался: погони нѣть.
 Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
 Тянулся длиной полосой
 Межъ темнымъ небомъ и землей,
 И различалъ я, какъ узоръ,
 На ней зубцы далекихъ горъ.
 Недвижимъ, молча, я лежалъ.
 Порой въ ущеліи шакалъ
 Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
 И, гладкой чешуей блестя,
 Змѣя скользила межъ камней;
 Но страхъ не сжалъ дунинъ моей;
 Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
 И ползъ и прятался, какъ змѣй».

X.

«Внизу глубоко подо мной
 Потокъ, усиленный грозой,
 Шумѣль, и шумъ его глухой
 Сердитыхъ сотни голосовъ
 Подобился. Хотя безъ словъ,
 Минь винятенъ былъ тотъ разговоръ,
 Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
 Съ упрямой грудою камней.
 То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
 Онъ раздавался въ тишинѣ;
 И вотъ, въ туманной вышинѣ
 Запѣли птички, и востокъ
 Озолотился; вѣтерокъ
 Сырые шевельнуль листы.

Дохнули сонные цветы,
 И, какъ они, навстрѣчу дню
 Я поднялъ голову мою...
 Я осмотрѣлся; не таю:
 Мнѣ стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежалъ,
 Гдѣ выль, крутясь, сердитый валъ;
 Туда вели ступени скалъ:
 Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
 Когда, низверженный съ небесъ,
 Въ подземной пропасти исчезъ».

XI.

«Кругомъ меня цветы Божій садъ;
 Растеній радужный нарядъ
 Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
 И кудри виноградныхъ лозъ
 Вились, красуясь межъ деревъ
 Прозрачной зеленью листовъ;
 И грозды полные на нихъ,
 Серегъ подобье дорогихъ,
 Висѣли пышно, и порой
 Къ нимъ птицы летали пугливый рой.
 И снова я къ землѣ припалъ,
 И снова вслушиваться сталъ
 Къ волшебнымъ страшнымъ голосамъ;
 Они шептались по кустамъ,
 Какъ будто рѣчь свою вели
 О тайнахъ неба и земли;
 И всѣ природы голоса
 Сливались тутъ; не раздался
 Въ торжественный хваленья часъ
 Лишь человѣка гордый гласъ.
 Все, что я чувствовалъ тогда,
 Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда—
 Но я бъ желалъ ихъ разскать,
 Чтобъ жить, хоть мысленно, опять

Въ то утро былъ небесный сводъ
 Такъ чистъ, что ангела полетъ
 Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
 Ошь такъ прозрачно былъ глубокъ,
 Такъ полонъ ровной синевой!
 Я въ немъ глазами и душой
 Тонулъ, пока полдневный зной
 Мои мечты не разогналъ,
 И жаждой я томиться сталъ.

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты,
 Держась за гибкие кусты,
 Съ плиты на плиту, я, какъ могъ,
 Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился внизъ—за пимъ бразда
 Дымилась, прахъ вился столбомъ;
 Гудя и прыгая, потомъ
 Онъ поглощаемъ былъ волной;
 И я висѣлъ надъ глубиной—
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась не страшна!
 Лишь только я съ крутыхъ высотъ
 Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
 Повѣяла· павстрѣчу мнѣ,
 И жадно я принялъ къ волнѣ.
 Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
 Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
 Невольнымъ трепетомъ объять,
 Я поднялъ боязливый взглядъ
 И жадно вслушиваться сталъ:
 И ближе, ближе все звучалъ
 Грузинки голосъ молодой,
 Такъ безыскусственно живой,
 Такъ сладко вольный, будто онъ
 Лишь звуки дружескихъ именъ

Произносить былъ пріученъ.
 Простая пѣсня то была,
 Но въ мысль она мнѣ замѣгла,
 И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
 Незримый духъ ее поеть».

XIII.

«Держа кувшинъ надъ головой,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила къ берегу. Порой
 Она скользила межъ камней,
 Смѣясь неловкости своей.
 И бѣденъ былъ ея нарядъ;
 И шла она легко, назадъ
 Изгибы длинные чадры
 Откинувъ. Лѣтніе жары
 Покрыли тѣнью золотой
 Лицо и грудь ея; и зной
 Дышалъ отъ устья ея и щекъ.
 И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
 Такъ полонъ тайнами любви,
 Что думыныя мои
 Смутились. Помни только я
 Кувшина звоно—когда струя
 Вливалась медленно въ него—
 И шорохъ... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила отъ сердца кровь,
 Она была ужъ далеко;
 И шла хоть тише, но легко,
 Стройна подъ иношою своей,
 Какъ тополь, царь ея полей...
 Недалеко въ прохладной мглѣ,
 Казалось, приросли къ скалѣ
 Двѣ сакли дружною четой;
 Надъ плоской кровлею одной
 Дымокъ струился голубой.

Я вижу, будто бы теперь,
 Какъ отиерлась тихонько дверь
 И затворилася опять...
 Тебѣ, я знаю, не понять
 Мою тоску, мою печаль;
 И если бъ могъ—мнѣ было бъ жаль:
 Воспоминанья тѣхъ минутъ
 Во мнѣ, со мной пускай умрутъ».

XIV.

«Трудами ночи изнуренъ,
 Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
 Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
 И снова видѣлъ я во снѣ
 Грузинки образъ молодой.
 И странной, сладкою тоской
 Опять моя зашыла грудь.
 Я долго силился вздохнуть—
 И пробудился. Ужъ луна
 Вверху сияла, и одна
 Лишь тучка кралася за ней,
 Какъ за добычею своей,
 Объятъя жадная раскрывъ.
 Миръ темень былъ и молчаливъ;
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цѣни сиѣговой
 Вдали сверкали предо мной,
 Да въ берега плескалъ потокъ.
 Въ знакомой сакѣ огонекъ
 То трепеталъ, то снова гасъ:
 На небесахъ въ полночный часъ
 Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
 Хотѣлось мнѣ... но я туда
 Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,
 Пройти въ родимую страну,
 Имѣль въ душѣ—и превозмогъ
 Страданье голода, какъ могъ.

И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой.
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ».

XV.

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И миллиономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждого куста...
Моя кружила голова.
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь миѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если бъ хоть минутный крикъ
Миѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ».

XVI.

«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,

Покрыта мохомъ и пескомъ,
 Непроницаемой стѣнной
 Окружена, передо мною
 Была поляна. Вдругъ по ней
 Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
 Промчались искры... и потомъ
 Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
 Изъ чащи выскочилъ и легъ,
 Играя, павзничъ на песокъ.
 То былъ пустыни вѣчный гость—
 Могучій барсъ. Сырую кость
 Онъ грызъ и весело визжалъ;
 То взоръ кровавый устремлялъ,
 Мотая ласково хвостомъ,
 На полныи мѣсяцъ—и на немъ
 Шерсть отливалась серебромъ.
 Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
 Минуту битвы; сердце вдругъ
 Зажглося жаждою борьбы
 И крови... да, рука судьбы
 Меня вела инымъ путемъ...
 Но иначе яувѣренъ въ томъ,
 Что быть бы могъ въ краю отцовъ
 Не изъ послѣднихъ удальцовъ».

XVII.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни почтой
 Врага почуялъ онъ, и вой
 Протяжный, жалобный какъ стонъ,
 Раздался вдругъ... и началъ онъ
 Сердито лапой рыть песокъ,
 Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
 И первый бѣшеный скакочъ
 Минъ страшной смертію грозилъ...
 Но я его предупредилъ.
 Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
 Надежный сукъ мой, какъ топоръ,

Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!»

XVIII.

«Ко миѣ онъ кинулся на грудь;
По въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетаясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я быль страшень въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золь и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я быль рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я — и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдний разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...»

XIX.

«Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжить,
И смерть навѣки заживить.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбою:
Она смѣялась надо мной!»

XX.

«Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исchezъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинуль взоры я кругомъ: *

* Послѣ этого стиха слѣдовало слѣдующее зачеркнутое окончаніе глазы:

«Тотъ край казался мнѣ знакомъ...
И странно, страшно стало мнѣ!
Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ
Раздался звукъ... и въ этотъ разъ
Я понялъ смыслъ его тотчасъ:
То былъ предвѣстникъ похоронъ—
Большого колокола звонъ.
И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ;
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударилъ мнѣ въ грудь.
И вдругъ унылой чередой
Дни дѣтства встали предо мной.
И вспомнилъ я вашъ темный храмъ

Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
 И страшно было мнѣ — понять
 Не могъ я долго, что опять
 Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
 Что бесполезно столько дней

И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ
 Изображенія святыхъ
 Твоей земли. Какъ взоры ихъ
 Слѣдили медленно за мной
 Съ угрозой мрачной и нѣйной!
 А на рѣшетчатомъ окнѣ
 Играло солнце въ вышинѣ...
 О, какъ туда хотѣлось мнѣ
 Отъ мрака кельи и молитвъ,
 Въ тотъ чудный міръ страстей и битвъ...
 Я слезы горкія глоталъ,
 И дѣтской голосъ мой дрожалъ,
 Когда я пѣлъ хвалу Тому,
 Кто на землѣ мнѣ одному
 Даль вмѣсто родины — тюрьму...»

Послѣдніе 18 стиховъ были замѣнены другими, тоже потомъ перечеркнутыми:

«О Боже! думалъ я: зачѣмъ
 Ты даль мнѣ то, что даль ты вѣмъ —
 И крѣпость силь и мысли власть,
 Желанья, молодость и страсть.
 Зачѣмъ ты умъ наполнилъ мой
 Неутолимою тоской
 Но дикой волѣ — почему
 Ты на землѣ мнѣ одному
 Даль вмѣсто родины тюрьму?
 Ты не хотѣль меня счастія!
 Ты мнѣ желаніаго пути
 Не указалъ во тьмѣ ночной...
 И нынѣ я — какъ волкъ ручной...
 Такъ я ропталъ. То былъ, старикъ,
 Отчаянья безумный крикъ,
 Страданіемъ вынужденный стонъ...
 Скажи? Вѣдь буду я прощенъ?...
 Я былъ обманутъ въ первый разъ!
 До сей минуты каждый часъ
 Надежду темную дарилъ;
 Молился я, и ждалъ, и жилъ».

Я тайный замысел ласкалъ,
 Терпѣль, томился и страдалъ,
 И все зачѣмъ?— Чтобы въ цвѣтѣ лѣтѣ,
 Едва взглянувъ на Божій свѣтѣ,
 При звучномъ ропотѣ дубравѣ
 Блаженство вольности познавъ,
 Унести въ могилу за собой
 Тоску по родинѣ святой,
 Надеждѣ обманутыхъ укоръ
 И вашей жалости позоръ!...
 Еще въ сомнѣніе погруженъ,
 Я думалъ— это страшный сонъ...
 Вдругъ дальний колокола звонъ
 Раздался снова въ тишинѣ—
 И тутъ все ясно стало мнѣ...
 О, я узналъ его тотчасъ!
 Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
 Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
 Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
 Про волю дикую степей,
 Про легкихъ бѣшеныхъ коней,
 Про битвы чудныя межъ скалъ,
 Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣжалъ!...
 И слушалъ я безъ слезъ, безъ силь.
 Казалось, звонъ тотъ выходилъ
 Изъ сердца— будто кто-нибудь
 Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
 И смутно понялъ я тогда,
 Что мнѣ на родину слѣда
 Не проложить ужъ никогда».

XXI *.

«Да, заслужилъ я жребій мой!
 Могучій конь, въ степи чужой

* Эта XXI-я строфа, до окончательного исправленія ея, начиналась такъ:
 «О, я узналъ тотъ вѣцій звонъ!
 Къ нему былъ съ дѣтства пріученъ

Плохого сбросивъ съдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Чтѣ я предъ нимъ?—Напрасно грудь
Полна желанья и тоской:
То жаръ безсильный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ;
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучай
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садѣ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжегъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...»

Мой слухъ.—И понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда!
И быстро духомъ я упалъ.
Мнѣ стало холодно... Кинжалъ,
Вонзаясь въ сердце, говорять,
Такъ въ жилы разливаетъ хладъ...
Я презиралъ себя. Я былъ
Для слезъ и бѣшенства безъ силъ;
Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
Свое ничтожество постигъ,
И задушилъ въ груди моей
Слѣды надежды и страстей,
Какъ душить оскорбленный змѣй
Своихъ трепещущихъ дѣтей...
— Скажи, я слабою душой
Не заслужилъ ли жрецъ свой?...»

XXII.

«И какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ,
Въ оцѣпенії глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до-низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, изѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...»

XXIII.

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,

Обвивъ каймой изъ серебра
 Подошвы свѣжихъ острововъ,
 По корнямъ шепчущихъ кустовъ
 Бѣжали дружно и легко...
 До нихъ мнѣ было далеко!
 Хотѣлъ я встать—передо мной
 Все закружило съ быстротой;
 Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
 Беззвученъ и недвижимъ былъ...
 Я умираль. Меня томилъ
 Предсмертный бредъ.

Казалось мнѣ,
 Что я лежу на влажномъ диѣ
 Глубокой рѣчки—и была
 Кругомъ таинственная мгла.
 И, жажду вѣчную ноя,
 Какъ ледь холодная струя,
 Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
 И я боялся лишь заснуть—
 Такъ было сладко, любо мнѣ...
 А надо мною въ вышинѣ
 Волна тѣснила къ волнѣ
 И солнце сквозь хрусталь волны
 Сияло сладостнѣй луны...
 И рыбокъ пестрыя стада
 Въ лучахъ играли иногда.
 И помню я одну изъ нихъ:
 Она привѣтливѣй другихъ
 Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
 Была покрыта золотой
 Ея спина. Она вилась
 Надъ головой моей не разъ,
 И взоръ ея зеленыхъ глазъ
 Былъ грустно-пѣженъ и глубокъ...
 И падивиться я не могъ:
 Ея сребристый голосокъ
 Mnѣ рѣчи странныя шепталъ,

И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

«Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ и покой.

*

Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

*

Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...» *

Послѣ говора рыбки, были написаны еще стихи, потомъ уничтоженные:

«Но скоро вихорь новыхъ грезъ
Далече мысль мою унесъ,
И предъ собой увидѣлъ я
Большую степь. Ея края
Тонули въ пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой, бурною толпой
Съ невыразимой быстротой:
Въ пустыни мчится не быстрѣй
Табунъ испуганныхъ коней.
И вотъ я слышу: степь гудитъ,
Какъ будто тысяча копытъ
О землю ударялись вдругъ.
Гляжу съ боязнью вокругъ,
И вижу—кто-то на конѣ,

«И долго, долго слушалъ я;
 И мнилось, звучная струя
 Сливала тихій ропотъ свой
 Съ словами рыбки золотой.
 Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
 Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
 Безсилью тѣла уступилъ...»

XXIV.

«Такъ я найдёнъ и поднять былъ...
 Ты осталъное знаешь самъ.

Взвивая прахъ, летить ко мнѣ;
 За нимъ другой, и цѣлый рядъ...
 Ихъ бранный чуденъ былъ нарядъ:
 На каждомъ былъ стальной шлемъ
 Обернуть бѣлымъ башлыкомъ,
 И подъ кольчугою надѣть
 На каждомъ красный былъ бешметъ.
 Сверкали гордо ихъ глаза!
 И съ дикими свистомъ, какъ гроза,
 Они промчались близъ меня.
 И каждый, наклонясь съ коня,
 Кидаль презрѣнья полный взглядъ
 На мой монашескій нарядъ,
 И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ...
 Томимъ стыдомъ, я чуть дышалъ,
 На сердцѣ былъ тоски свинецъ...
 Послѣдній щахъ мой отецъ...
 И вотъ кипучаго коня
 Онъ осадилъ противъ меня,
 И тихо приподнявъ башлыкъ,
 Открылъ знакомый блѣдныи лицъ.
 Осенней ночи былъ грустнѣй
 Недвижный взоръ его очей,
 Онъ улыбался—но жестокъ!
 Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
 И сталъ онъ звать меня съ собою,
 Маня могушею рукой;
 Но я какъ будто бы приросъ
 Къ сырой землѣ: безъ думъ, безъ слезъ,
 Безъ чувствъ, безъ воли и стоялъ,
 И ничего не отвѣчалъ».

Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалить лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнь глухихъ
Вниманье скорбное пичье
На имя тѣмное мое».

XXV.

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пиши нѣть ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ kraю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бѣ рай и вѣчность промѣнялъ!..»

XXVI.

«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!

Тамъ положить вели меня.
Сияньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда видѣшь и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальныи мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мною,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839 года, августа 5. М. Л. [помѣтка на рукописи].

[Напечатано въ первый разъ въ изданіи, вышедшемъ при жизни поэта, и отнесено имъ къ 1840 году.—На послѣднемъ листкѣ послѣ черновой рукописи поэмы написано нѣсколько любопытныхъ строкъ, кажется, имѣющихъ отношеніе къ поэмѣ и самому поэту. Ср. что говорится мною о поэмѣ этой въ октябрѣ книгѣ «Русской Старинѣ»].

Ты много жиль, и въ столько лѣтъ
Успѣлъ узнать людей и свѣтъ,
И много горестей и бѣдъ
Перенесла душа твоя—
Но Боже! вѣрно такъ, какъ я,
Ты не страдалъ...

1841.

(Сказка для детей).

[Заглавие принадлежит не Лермонтову, а издателю. Оно неподходящее, и не знаю, чьим руками оно было составлено. Первый раз оно появилось в «Отечественных записках» 1842 г. № 1.—В рукописи Лермонтовского музея есть любопытные варианты, которые и приводим.—На рукописи в Лермонтовском музее пометка цензора: 19 марта 1859 г.].

Умчался въкъ эпическихъ поэмъ,
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ,*
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ—смѣшино жъ терять для звучныхъ строфъ
Златое время... Въ нашемъ въкъ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.**

* Въвѣсто слѣдующихъ 4-хъ стиховъ были написаны:
«(Хотя у многихъ нынче стихъ не гладокъ)
По публика все просить новыхъ темъ.
Кто жъ виноватъ? сложить бы на покойныхъ,
Да совсѣстно—межъ ними есть достойныхъ
Не мало; самъ стиховъ я не читаю;»

** После первой строфы было написано слѣдующее, но потомъ зачеркнуто:

«Мы женщины презираемъ, потому
Что некогда намъ волноваться страстью;
Науки были бѣ нашему уму
Доступны... но они вредили бѣ счастью.
Служить конечно долга дань... —Къ чему?
Безъ насъ найдутся ревностные слуги!...
Къ тому же рано тайные недуги
Тревожить нашъ покой, и мы таки должны

Стиховъ я не читаю, но люблю
 Марать, шутя, бумаги листъ летучій;
 Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
 Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
 И влажныхъ риомъ, какъ напримѣръ, на ю.
 Вотъ почему пишу я эту сказку.
 Ея волшебно-темную завязку
 Не стану я подробно объяснять,
 Чтобы кой-какихъ допросовъ избѣжать;
 Зато конецъ не будетъ безъ морали,
 Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ, и не новъ предметъ.
 Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
 Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
 Я прежде пѣлъ про демона иного:
 То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ.
 Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
 Касается ль душистая перчатка
 Ея листовъ и слышно: *c'est joli!*...
 Иль мышь надъ ней старается въ пыли.
 Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта—
 Аристократъ и не похожъ на черта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
 За мною въ спальню: розовые шторы

Себя беречь для будущей жены...
 Оброкъ не худо также намъ собрать бы,
 Чтобъ па воды уѣхать послѣ свадьбы.
 Межъ тѣмъ о благѣ міра, чуждыихъ странъ
 Заботимся, хлопочемъ мы не въ мѣру:
 Съ Египтомъ новый сладить ли Султанъ?
 Что Тьерь сказаль—я что сказали Тьери!
 На всѣхъ набрель политики туманъ,
 И воють всѣ—а можно насъ исправить,
 Лишь только бы стихи читать заставить!
 И потому рѣшился я писать
 (Хоть для всего что надо мнѣ сказать
 Размѣръ ея немножко будетъ тѣсень)
 Короткую поэмку въ сорокъ лѣсенъ».

Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
 Слѣдить ковра восточные узоры;
 Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
 И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
 Огнемъ въ лицо вамъ пышеть воздухъ сонный.
 Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
 На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
 Рисуется младой, по строгій профиль...
 И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великий сатана,
 Иль мелкій бѣсь изъ самыхъ нечиновныхъ,
 Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
 Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ—
 Не знаю. Если бъ имъ была дана
 Земная форма, по рогамъ и платью
 Я могъ бы сволочь различить со знатью.
 Но духъ—извѣстно, что такое духъ:
 Жизнь, сила, чувство, зрѣніе, голосъ, слухъ,
 И мысль безъ тѣла—часто въ видахъ разныхъ
 [Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
 Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
 Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
 Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
 Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
 Такой волшебно-сладкой красотою,
 Что было страшно... И душа тоскою
 Сжималася—и этотъ дикій бредъ
 Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
 Но я, разставшись съ прочими мечтами,
 И отъ него отдался—стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
 Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
 Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
 Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
 Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,

Что въ спальни той таился хитрый демонъ;
 Невиннымъ спомъ быль тронутъ не совсѣмъ онъ—
 Не мудрено: кинѣла въ немъ не кровь,
 И понималъ иначе онъ любовь;
 И рѣчь его коварныхъ искушений
 Была полна—вѣдь онъ не даромъ гений!

«Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
 Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
 Неслышно говорю съ тобою; но
 Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
 Ребяческаго сердца, и оно
 Дивится имъ спокойно и въ молчаніѣ.
 Пускай! Зачѣмъ тебѣ мое названье?
 Ты съ ужасомъ отвергнула бъ мою
 Безумную любовь. Но я люблю
 По-свѣтому: терпѣть и ждать могу я;
 Не надо мнѣ ни ласкъ ни поцѣлуй».

«Когда ты спишь, о, ангелъ мой земной!
 Ишибко бѣется дѣвственнаю кровью
 Младая грудь подъ грезою почной,
 Знай, это я, склонившись къ изголовью,
 Любуюся и говорю съ тобой;
 И, въ тишинѣ, наставникъ твой случайный,
 Чудесныя разсказываютъ тайны...
 А много было взору моему
 Доступно и понятно, потому
 Что узами земными я не связанъ
 И вѣчностью и знаiemъ наказанъ»...

«Тому назадъ еще не много лѣтъ,
 Я пролеталъ надъ сочиною столицей;
 Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
 Румянный западъ съ новою денницей
 На сѣверѣ сливались—какъ привѣтъ
 Свиданія съ моленiemъ разлуки;
 Надъ городомъ таинственные звуки,
 Какъ грѣшиныхъ сновъ нескромныя слова,

Неясно раздавались—и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море».

«Задумчиво столбы дворцовъ иѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣниѣ водъ—гранитныхъ крыльцевъ ихъ
Купалися широкія ступени;
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна сѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже».

«И я кругомъ глубокій кишуя взглядъ,
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнью палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею ламиадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдиное желанье!
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье!»

«Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полиг священной тишиною.
Все важнотью наслѣдственnoю въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Укращенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьёй,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой;
И оконъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ»

«Пора была, боярская пора!
 Тъснилась знать въ роскошные покои—
 Былая знать минувшаго двора,
 Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
 Музыкой тутъ гремѣли вечера,
 Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
 Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
 И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
 Давала знакъ условный подъ столомъ;
 И старики, въ звѣздахъ и брилліантахъ,
 Судили рѣзко о тогдашихъ франтахъ».

«Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли;
 Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
 Перевелся; въ готической пыли
 Портреты гордыхъ баръ, краса гостиной,
 Забытые, тускнѣли; поросли
 Дворы травой, и, блескъ смѣнивъ бывалый,
 Сырая мгла и сумракъ длинной залой
 Спокойно завладѣли... Тихій домъ
 Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ—
 Старикъ худой и съ виду величавый,
 Озлобленный на новый вѣкъ и правы».

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
 Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
 Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
 Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
 Безсонницей, собранье острыхъ словъ
 Перебиралъ или читалъ Вольтера.
 Какъ быть, сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра!...
 Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
 Но съ ней видался рѣдко; за обѣдъ
 Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
 Сидѣла чинно и держалась прямо».

«Всегда одна, запугана отцомъ
 И англичанки строгостью небрежной,
 Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,

Или, скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подснѣжный.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большие стали глазки;
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окиа—
И вдалекъ мечты ея летали,
Пока ее играть не посылали».

«Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то страшно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Межу колоннъ. Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и бесцвѣтище, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремитъ, то снова тише, тише...
[То были тѣни предковъ или мыши]».

«И что жь?—Она привыкла толковать
По-свѣдему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой, и туманий,
Воздушный рой видѣній навѣтъ *.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій ленетъ

* Первоначально конецъ этой строфы и начало слѣдующей были написаны такъ:

«Познаній жажды, червь души незрѣлой,
Закралась въ грудь ея, и закипѣло
Желаніе въ играющей крови;
Съ дрожащихъ устъ порой слова любви
Рвались и замирали, пламень темный
Въ глазахъ сиялъ, а я—свидѣтель скромный,
Я ждалъ.—Повсюду слѣдовала за ней.
Влюбился я въ ея воображеніе,
И въ эту душу, полную страстей,
Готовыхъ пробудиться. Сожалѣнья
Меня впервые тронуло...»

Подслушивалъ, невинной груди трепетъ
 Слѣдилъ, ея дыханіемъ съ нѣмой,
 Мучительной и жадною тоской,
 Какъ жизнью, упивался... это было
 Смѣшно—но миѣ такъ ново и такъ мило!»

«Влюбился я... И точно хороша
 Была не въ шутку маленькая Нина.
 Нѣтъ никогда свинецъ карандаша
 Рафаэля иль кисти Перуджина
 Не начертали, пламенемъ дыша,
 Подобный профиль. Всѣ ея движенья
 Особаго казались выраженья
 Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
 Ея глаза не измѣняли сїй,
 Тая равно надежду, радость, горе—
 И было темно въ нихъ, какъ въ синемъ морѣ».

«Я понялъ, что душа ея была
 Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
 Для мукъ и счастья, для добра и зла
 Въ нихъ пищи много; только невозвратно
 Онѣ идутъ, куда ихъ повела
 Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
 И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
 Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
 Такія души я любилъ давно
 Отыскивать по свѣту на свободѣ:
 Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ.»

«Ее смущали странныя мечты.
 Порой, она среди пустого зала
 Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
 Толпу гостей и шумъ воображала;
 Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты.
 На платьицѣ чудесные узоры
 Видѣлись ей—и вотъ гремѣли шпэры:
 Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
 И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;

И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упадала...»

«И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась посемножку.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ зато какъ милъ и избженъ!..
Что дѣлать ей? Притворно-строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
А сердце билось въ ней такъшибко,шибко...
И по устамъ змѣилася улыбка».

«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладить, то красивый
Цвѣтокъ пришипить къ нимъ; движенью глазъ,
Головкѣ наклоненной видѣ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
Но умъ ея, и смѣливый и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всяkimъ вздоромъ».

«То былъ великий день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшеткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!...
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И сѣхались родные на совѣтъ:
Ихъ затруднилъ удачный выборъ бала.
Чтѣ, будетъ дворъ, иль иѣть? Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видѣ ей дастъ оригиналный.
Потомъ нарядъ осматривали бальныи».

«Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была, какъ въ лихорадкѣ;
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ, перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и дорогой
Была полна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Вступила въ залу... Станный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье—свѣтъ ее замѣтилъ».

«Кипѣлъ, сиялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Моихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній—
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!»...

[Здѣсь рукопись обрывается].

[Относительно существовавшаго якобы конца этого стихотворенія говорится въ примѣчаніяхъ въ концѣ книги].

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ 2-му ТОМУ

Ангелъ Смерти—важнѣйшіе варианты:

Стран. 30 стихъ 1 и 2 сверху: Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня...

Прежде поэма начиналась такъ:

Кто знаетъ пламенный востокъ,
Отчизну соловья и розы,
Гдѣ все, все нѣжно какъ цвѣтокъ?

стихъ 14 сверху: Гдѣ легче мчатся облака.

Стран.	31	стихъ	6	>	И усмиряль земная страсти
>	33	>	12	>	Мила какъ пери молодая;
>	34	>	13	>	Гдѣ дни не нужно вовсе намъ.
>	34	>	9	снизу:	Для заблужденьяничего.
>	37	>	7	сверху:	Когда-нибудь и скоро я Оставлю ишу бытія.
>	45	>	12	>	И мраченъ неподвижный взоръ

Хаджи Абрекъ—стран. 145. Въ замѣткѣ къ этому сочиненію пропущено слово, читать надо: это первое изъ напечатанныхъ сочиненій Лермонтова. Принесъ его Сенковскому товарищъ и двоюродный братъ поэта Н. Юрьевъ, безъ вѣдома послѣдняго. Юрьевъ утверждалъ, что поэма написана была «въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія въ школѣ» (Русскій Архивъ 1872 г. стран. 1776), почему мы и относимъ поэму къ 1834 или самое раннее къ концу 1833 года.—На стран. 149 стихъ 1-й печатаемъ «Зубачатымъ сходятся вѣнцомъ»; въ Библіот. для Чтенія было: «Рубчатымъ сходятся вѣнцомъ.» Кажется, это опечатка. Рукопись поэмы не найдена.

Петергофскій праздникъ—стран. 159. Взято изъ рукописнаго журнала издававшагося въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ: «Школьная заря» 1834 г. № 4.—Герой стихотворенія Дмитрій Серг. Бибиковъ (см. письмо къ нему Лермонтова Т. V стран. 432). Онъ вышелъ изъ школы въ годъ поступленія въ нее Лермонтова, который зналъ его еще раньше въ Моск-

ковскомъ университетѣ. Въ спискѣ стихотворенія, доставленнаго въ музей г. Квистомъ, означенъ не Бибиковъ, а Батюшковъ, бывшій въ школѣ въ одно время съ Лермонтовымъ; но это ошибка. Въ поэмѣ описывается кирасиръ, какимъ былъ Бибиковъ. Батюшковъ же былъ юнкеромъ Преображенскаго полка.

Кромѣ поэмъ: «Уланша» и «Госпиталь» въ «Школьной зарѣ» помѣщены два лирическихъ стихотворенія: «Ода къ нуж—ку» и къ «гр. Тизенгаузену», товарищу по школѣ юнкеровъ. Эти два произведенія мы не нашли возможнѣй напечатать даже въ отрывкахъ. Напечатаны они въ «Русской Эротѣ» (см. стр. 158 въ замѣткѣ къ тремъ поэмамъ).

Къ стр. 170 стихъ 1 сверху въ подлиннике:

На содержанія была.

«Сашка»—стр. 175. Отрывки поэмы находятся въ Публичной Библ. въ черновыхъ тетрадяхъ Лермонтова, по коимъ онъ учился въ 1833 и 34 годахъ въ «школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковыхъ». Затѣмъ отрывки видѣлъ я въ библиотекѣ эмигранта Касаткина, извѣстнаго библиомана, въ Женевѣ, въ 1868 году, когда шла рѣчь о покупкѣ ея фельдмаршаломъ кн. А. И. Барятинскимъ, но не имѣлъ времени списать. Въ 1861 г. г. Ефремовъ помѣстилъ въ «Библиографическихъ замѣткахъ» (№ 17 стр. 556) нѣсколько отрывковъ, не зная куда ихъ пріурочить и предполагая, что строфы относятся къ разнымъ стихотвореніямъ, а не къ одной поэмѣ. Отрывки эти были напечатаны въ Берлинѣ (Стихотворенія не вошедши въ послѣднее изданіе соч. Лермонтова. Изд. 1862 года), затѣмъ въ изданіи соч. Лермонтова 1882 года г-нъ Ефремовъ полностью перепечаталъ текстъ «Сашки», помѣщенный мною въ «Русской Мысли» (янв. 1882 г.) съ ошибками и недосмотрами типографіи. Такъ не замѣчено также что въ строфѣ CXLVIII не хватаетъ двухъ стиховъ, а по смыслу примѣчаній и polemическихъ выходокъ можно думать, что г. Ефремовъ обладалъ самостоятельными спискомъ (см. тоже «Новости» 1887 г. № 77). Въ изданіи 1882 и 87 годовъ относитъ онъ поэму совершенно произвольно къ 1833 году, также какъ прежде («Библіогр. записки» 1861 г. стр. 556) совершенно произвольно относилъ отрывки первоначальныхъ набросковъ нѣкоторыхъ строфъ къ 1839 и 40 году. Поэма въ томъ составѣ, какъ напечатана впервые въ «Русской Мысли», писана около 1836 года, во время пребыванія Лермонтова съ декабря 35 года въ Тарханахъ. Таково свидѣтельство А. И. Шань-Гирея да и многое въ самой поэмѣ указываетъ на эту эпоху, но отдѣльныя части вѣроятно написаны раньше (1834 г.). Эти то первые наброски помѣщены были г. Ефремовымъ въ «Библіографическихъ запискахъ», а потому перенесены въ редактировавшіяся имъ изданія. Въ изданіи 1887 г. помѣщенъ лишь отрывокъ изъ найденнаго мною текста. Приводимъ для изысканія что было напечатано г. Ефремовымъ и представляетъ нѣкоторую разницу противъ текста. По заявлению издателя было 4 отрывка. Первый отрывокъ начинается строфой, которой нѣть въ текстѣ нашемъ и которая свидѣтельствуетъ объ автобиографическомъ значеніи «Сашки».

Свои записки нынѣ пишутъ всѣ,
 И тотъ, кто славно жилъ и умеръ славно,
 И тотъ, кто кончилъ жизнь на колесѣ;
 И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,
 Чтобъ выставить себя во всей красѣ.
 Увы! дѣла ихъ, чувства, мыслья
 Погибнуть безъ сѣда въ волнахъ забвенья.
 Ни модный слогъ, ни модный фронтиспісъ—
 Ихъ не спасеть отъ плесени и крысъ;
 Но хоть пути предшественниковъ склизки,
 И я хочу писать свои записки!

Далѣе начинается то же, что въ I строфѣ нашего списка.

- 2.—Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! все пиши
 Ему про добровольныхъ изгнанья,
 Про темныя волненія души,
 И только слышно—муги да страданья.
 Такія вещи хороши
 Тому, кто мало спить, кто думать любить,
 Кто жизнь свою въ воспоминаньяхъ губить.
 Владалъ я прежде въ эту слабость самъ,
 По видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
 Минувшее свое безъ дальней справки,
 Я склонить рѣшился въ книжной лавкѣ.
- 3.—Печальныхъ много будетъ тутъ вещей
 И вѣсъ онѣ заставятъ разсѣяться.—
 Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
 Отъ ласкъ жены, случится вамъ остататься
 Однимъ, то книжкою моей
 Займитесь чинно; кликните Петрушку,
 Онъ дастъ вамъ трубку, мягкую подушку
 Вамъ за спину положить;—и потомъ,
 Раскрывъ на серединѣ первый томъ,
 Любезный мой, вы можете свободно
 Уснуть или читать, какъ вамъ угодно.
- 4.—Видѣнья сна замѣнять мой разсказъ,
 Запутанный и, какъ они, исксній.
 И, еслибы могъ я снать, то ѿ этой часъ
 Съ первомъ въ рукахъ, я бы на яву напрасно
 Не бредилъ... Правда, мнѣ не въ первый разъ
 Просиживать въ мечтахъ о томъ что было
 Мучительная ночи... Тайной силой
 Я былъ лишенъ отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
 Забвенья жизни и забвенья бѣдъ...
- 5.—И даже сны упорно повторяли
 Моеї души протекшія печали.—
- 6.—Сонъ—благо, даръ небесъ, когда онъ 1...;

Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ разъ,
Но, признаюсь я, часто для иныхъ
Карикатура жизни—жизнь вторая
Не лучшѣ первой, полная нѣмыхъ
И безнокойныхъ образовъ другого
Таинственнаго міра, не земного;
Смущенная душа, раздѣлена
Между... и призраками сна,
Блуждастъ въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по русски нищій ..

[Эта послѣдняя строка сходна съ окончаніемъ XLV строфы текста стр. 190].

Второй отрывокъ. Первые пять строкъ сходны со строфою XVIII (стр. 181) текста нашего, а затѣмъ разница:

Ей кто-то улыбнулся,—простодушно,
Она своихъ покинула, послушна
Какъ агнецъ.—Но увы, прошло пять дней—
Любовникъ глупый ужъ наскучилъ ей,
И съ этихъ поръ, чтобы выбирать по волѣ,
Она взяла ихъ пять, шесть, семь и болѣ,
2.—Мечты умчались, какъ ночной туманъ,
Но сердце у Терезы все осталось то же...
(Сравн. со строфою XIX).

Далѣе 3, 4, 5, то же, что въ строфахъ XX, XXI и XXII и затѣмъ нѣсколько отдельныхъ строкъ, встрѣчающихся въ строфиѣ XXIII и съ ничтожными измѣненіями въ строфиѣ XXVII. Потомъ, съ ничтожными измѣненіями, то, что въ строфиѣ XXXII.

Третий отрывокъ. Здѣсь строфы 1, 2 и 3 сходны съ XIII, XIV и XV и лишь въ 3 строфиѣ пять послѣднихъ строкъ отличаются отъ соответственныхъ въ XV строфиѣ.

Она сидѣла молча и небрежно...
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногдѣ
Изъ устья ея пустое нѣть иль да
Съ улыбкой вырывалось... Наконецъ рукою
Она смѣшила карты предъ собою.

4-я строфа сходна съ нашою XVI, лишь два послѣдніе стиха представляютъ варіантъ:

А мать, какъ слышалъ, краковская полька—
И страннаго по мнѣ тутъ нѣть никакъ.

5-я строфа то же, что наша XVII, кромѣ 6-й и 7-й строки:

И онъ былъ радъ, что умеръ не подъ палкой,
Что, признаюсь, мнѣ право очень жалко.

Затѣмъ Четвертый отрывокъ то же, что въ строфиѣ XII, а до этого — что у насъ въ строфиѣ III и IV и что г. Ефремовъ призналъ за варіанты къ

стихотворенію памяти кн. Одоевскаго (см. «Библіогр. зап.» 1859, г. № 12). Это относится однако къ Полежаеву, автору поэмы носящей то же название «Сашка». Лермонтову натура этого поэта была близка, интересъ къ его судьбѣ (катастрофа разразилась надъ нимъ въ 1826 г.) жилъ между студентами московскаго университета во время пребыванія въ немъ Лермонтова.—Списки поэмы находятся теперь одинъ въ Лермонтовскомъ музѣѣ, другой у меня.

—Въ заключеніе замѣчу, что г. Хохряковъ въ материалахъ своихъ къ біогр. Лермонтова, говоритъ: «Есть и полная рукопись этой поэмы, но недостатокъ ея тотъ, что она мѣстами неудобна для печати». Найти полную рукопись мнѣ не удалось, автографъ же у г. Б обрывается, какъ въ напечатанной нами поэмѣ. Впрочемъ сомнѣваюсь, чтобы поэма была окончена.

Сказка для дѣтей стр. 333.—Черновая рукопись находилась у А. А. Краевскаго и имъ подарена въ Лерм. музей. Она безъ конца, и былъ ли написанъ конецъ, неизвѣстно. Въ примѣчаній къ этому стихотворенію въ послѣднемъ изданіи (1887) года г. Ефремовъ говоритъ: «Фр. Боденштедтъ, имѣвшій отъ пріятеля Лермонтова — Глѣбова нѣсколько неизданныхъ по-русски стихотвореній, совершенно для насъ неизвѣстныхъ, говоритъ, что въ этомъ стихотвореніи было еще 11 строфъ, изъ которыхъ онъ перевѣль заключительную: «Умолкъ демонъ» (у Боденштедта «Дьяволъ»); а поэтъ говоритъ: «не въ моей волѣ было окончить здѣсь, на этомъ, такъ какъ моя поэма охранена свыше, отеческими руками, отъ излишней длинноты. Однако, съ несогласіемъ отказываюсь я отъ заключенія, которое вычеркнуто все, безъ разбора, а вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркнута и мораль. Такимъ образомъ цензура постоянно обращаетъ мой талантъ въ отрывокъ, лишь только захотѣлось бы мнѣ развернуться. Желая быть образцомъ повиновенія, оставляю я эту сказку отрывкомъ». Печатая все это г. Ефремовъ разсказываетъ пикантную исторію о цензурныхъ придиркахъ, но только весь приводимый конецъ принадлежитъ не Лермонтову, а исключительно Боденштедту. Послѣдній переводилъ Лермонтова вообще очень вольно и гдѣ сокращалъ, гдѣ добавлялъ свое (ср. наше изд. т. I, стр. 349). Въ «сказкѣ для дѣтей», состоящей изъ XXVII строфъ, у Боденштедта образовались XXIX, потому что IV и V строфы имъ сочинены. Чтобы оригиналъ находился у Глѣбова, Боденштедтъ никакъ не говорить, а г. Ефремовъ смѣшилъ это съ мелкими эпиграмматическими выходками памфлетического характера, которые точно находились въ альбомѣ Глѣбова и переведены тоже болѣе чѣмъ свободно Боденштедтомъ. Относительно 11-ти строфъ, якобы существовавшихъ въ концѣ произведения и упоминаемыхъ Боденштедтомъ, г. Ефремовъ введенъ въ заблужденіе примѣчаніемъ въ концѣ перевода: (Mich. Lermontoff's Poetischer Nachlass Berlin. 1852 т. II, стр. 160)— «Die hier fehlenden zehn Strophen sind auch nicht im handschriftlichen Nachlass des Dichters zu finden—недостающія здѣсь десять строфъ не разысканы и въ рукописяхъ, оставленныхъ поэтомъ.—На запросъ мой г. Боденштедтъ объяснилъ, что онъ этихъ строфъ не видѣлъ. иначе бы перевѣль ихъ, а что слово десять (zehn) могло попасть въ изданіе, какъ опечатка или ошибка. « Я переводилъ Лермонтова, пишетъ г.

Боденштедтъ, не придерживаясь строго оригинала, а стараясь передать духъ его поэзіи». Такимъ образомъ заключительная строфа нѣмецкаго перевода «Сказки для дѣтей» — впрочемъ и выдѣленная Боденштедтомъ за черту — принадлежитъ ему, а не нашему поэту и есть собственно повтореніе имъ присоединенной У строки. И тутъ и тамъ выходитъ, что Лермонтовъ назвалъ произведеніе «Сказкою для дѣтей», а мы уже замѣтили, что заглавіе это не его, а придумано издателемъ послѣ смерти поэта.

Въ 1859 году вышла въ Петербургѣ книжка: «Продолженіе Сказки для дѣтей» М. Ю. Лермонтова. Въ фельстонѣ С.-Петербург. Вѣдомостей 1859 г. № 214, книжка была критикой отдѣлана и названа «грубой продѣлкой». Содержаніе состоитъ въ томъ, что Нина пишетъ письмо лицу, въ вто-
рое влюблена, а лицо это ей читаетъ и правоученіе, — какъ Онѣгинъ Татьянѣ у Пушкина. Въ отвѣтъ на критику нѣкѣй г. Волковъ изъ Иркутска прислая замѣтку, которая была помѣщена въ томъ же году въ № 280 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Г. Волковъ заявляетъ, что продолженіе «Сказки для дѣтей» точно написано имъ, но въ молодые годы. Въ изданіи же его онъ неповиненъ.

Считать «Сказку для дѣтей» написанную непремѣнно въ 1841 году, представлять вопросъ. На рукописи годъ не выставленъ. Не имѣя никакихъ данныхъ относительно поэмы, я отнесъ «Сказку» къ 1841 году, какъ это дѣлалось до сей поры издателями. Видѣть въ сгущѣ: «я прежде пѣлъ про демона иного» (стр. 334) доказательство, что здѣсь подразумѣвается герой поэмы «Демонъ», и что, съдовательно, «Сказка для дѣтей» писана позднѣе «Демона» и даже зрѣлѣ знаменитой поэмы, которую-де самъ поэтъ называетъ «дѣтскимъ бредомъ» — является смѣлымъ заключеніемъ. Поэма «Демонъ» много разъ передѣльвалась поэтомъ въ разные годы, и каждый разъ ему казалось, что поэма приняла окончательную форму. Если допустить, что здѣсь онъ точно подразумѣваетъ поэму «Демонъ», то почему не одинъ изъ первыхъ очерковъ, которые по сравненію съ послѣднимъ 1841 года, являются дѣйствительно еще незрѣлыми произведеніями. Я думаю, что послѣдний очеркъ «Демона» писанъ послѣ «Сказки для дѣтей». Весьма вѣроятно, что она писана въ 1840 году, потому что между автографами, находившимися у Краевскаго, кажется не было автографовъ писанныхъ въ 1841 году. Всѣ тетради свои поэтъ отдалъ Андрею Александровичу, уѣзжая на Кавказъ въ 1840 году, послѣ дуэли съ де Барантомъ.

Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, шесть томовъ съ семью портретами и приложеніями,
цѣна 3 руб. сер.

